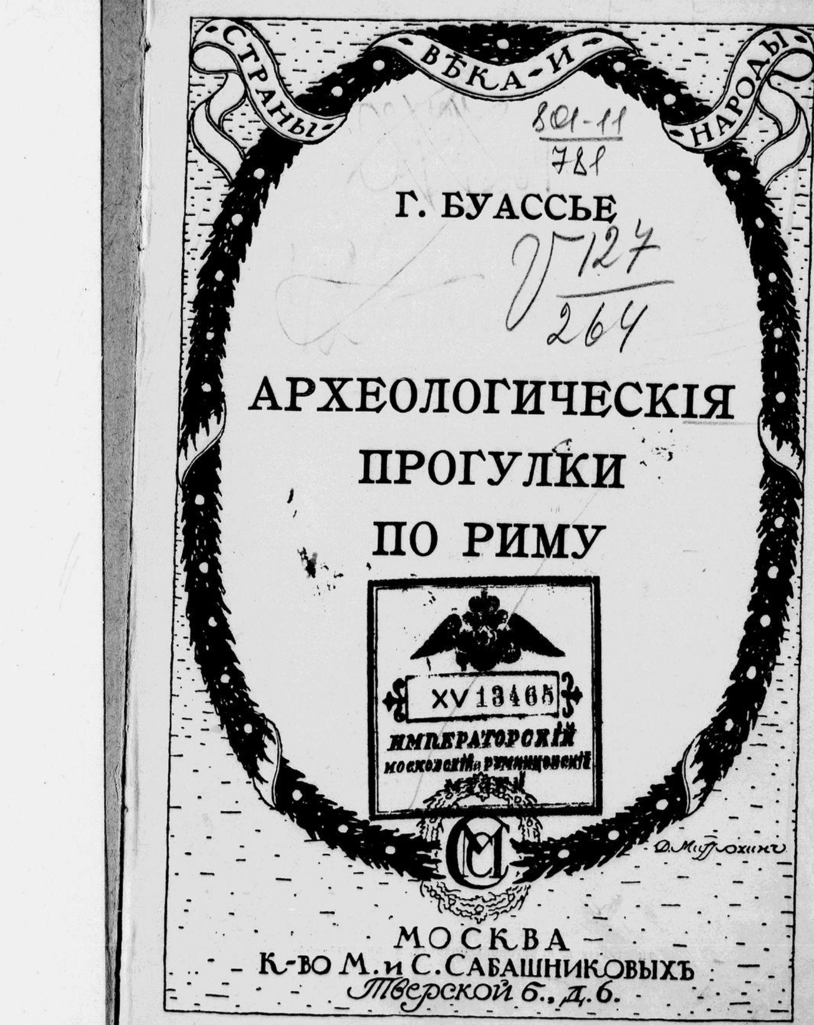
СТРАНЫ · ВѢКА · И · НАРОДЫ
Г. БУАССЬЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ
ПРОГУЛКИ
ПО РИМУ
Д. Митрохинъ
МОСКВА
К-ВО М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА. МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

Г. Буассье

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ПРОГУЛКИ ПО РИМУ

Переводъ

М. Безобразовой

МОСКВА
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1915

ГЛАВА I.

Форумъ.

Я часто слышалъ, что опасно послѣ долгой разлуки посѣщать вновь людей или мѣста, которые сильно любилъ. Рѣдко находишь ихъ въ томъ же видѣ, въ какомъ сохранились они въ воспоминаніи. Прелесть улетучивается съ годами, вкусъ и идеи мѣняются, способность восхищаться слабѣетъ; рискуешь остаться холоднымъ передъ тѣмъ, что восхищало въ молодости, и возможно, что вмѣсто ожидаемаго удовольствія получишь только непріятность. Такое разочарованіе имѣетъ роковыя послѣдствія, потому что съ настоящаго переходитъ на прошедшее; оно отражается на нашихъ прежнихъ впечатлѣніяхъ и портитъ запасъ воспоминаній, который надо бережно хранить въ своемъ сердцѣ до конца жизни.

Такой опасности подвергается путешественникъ, отправляющійся въ Римъ черезъ 10 лѣтъ послѣ своего перваго посѣщенія *). Сколько пе-

*) Не надо забывать, что эти строки были написаны въ 1876 г. Первое изданіе книги Буассье вышло въ 1880 г. а десятое, съ котораго сдѣланъ переводъ, въ 1911 г.

ремѣнъ произошло въ эти десять лѣтъ. Въ Римѣ появились новые властелины; древній городъ папъ сталъ столицей итальянскаго королевства. Какъ приспособился онъ къ этой перемѣнѣ? Какое дѣйствіе произвелъ на него новый режимъ, столь отличный отъ стараго? Не потерялъ ли онъ отъ этого и найдешь ли его въ томъ же видѣ какъ разставаясь? Вотъ первый вопросъ, которымъ задаешься, когда возвращаешься въ Римъ. Трудно не быть имъ озабоченнымъ, и какъ только выходишь изъ вагона на площадь Діоклетіановыхъ термъ, такую тихую прежде, а теперь такую оживленную и шумную, невольно смотришь во всѣ стороны съ безпокойнымъ любопытствомъ.

Первое впечатлѣніе, надо сознаться, не слишкомъ благопріятно. Выходя со станціи, пересѣкаешь новый кварталъ, который имѣетъ тотъ недостатокъ, что похожъ на новые кварталы всевозможныхъ городовъ. Не грозитъ ли Риму опасность превратиться въ городъ, похожій на многіе другіе? Въ немъ находишь такіе же элегантные и банальные дома, которые видишь повсемѣстно; проходишь мимо громаднаго зданія, своего рода казармы безъ всякаго стиля, предназначеннаго сдѣлаться министерствомъ и которое производитъ жалкое впечатлѣніе рядомъ со стариннымъ дворцомъ XVI вѣка; идешь по широкимъ и прямымъ улицамъ, раскаленнымъ отъ солнца, и вспоминаешь, что уже во времена Нерона, перестроившаго старый городъ по болѣе обширному плану, зѣваки восхищались великолѣпіемъ новыхъ сооруженій, но умные люди сожалѣли о прежнихъ узкихъ улицахъ, гдѣ всегда было

много тѣни и свѣжести. Начало не ободряетъ, и все остальное какъ будто ему соотвѣтствуетъ. Спускаясь съ Квиринала на Корсо, поражаешься еще разными перемѣнами. Корсо, съ пересѣкающими его улицами отъ Венеціанской площади до площади дель Пополо, былъ всегда самой оживленной частью города; мнѣ кажется, что онъ сталъ еще оживленнѣе и что населеніе его нѣсколько измѣнилось. Рѣже встрѣчаешь священниковъ и особенно монаховъ, тѣ же, которые все еще тамъ находятся, не отличаются прежнимъ увѣреннымъ взглядомъ и гордой осанкой, очевидно, они больше не чувствуютъ себя господами города. Среди толпы, ихъ замѣнившей, съ удивленіемъ видишь много людей, которые быстро идутъ и повидимому спѣшатъ по дѣлу, чего не встрѣчалось прежде. Дѣйствительно, они не принадлежатъ къ старинному римскому населенію; это по большей части чиновники, недавно переселившіеся и принесшіе съ собой новыя привычки. Даже въ тѣ часы, когда, какъ прежде говорили, на улицахъ можно было увидѣть только собакъ или англичанъ, они попадаются дѣятельные, спѣшащіе, расталкивающіе мѣшающихъ имъ итти, къ крайнему удивленію старинныхъ римскихъ жителей, не понимающихъ, что можно выходить изъ дому во время, положенное для послѣобѣденнаго сна, и торопиться, когда жарко. Вечеромъ движеніе становится вдвое больше. Около 6 часовъ улица принадлежитъ продавцамъ газетъ. Они оглушаютъ васъ своимъ крикомъ, пристаютъ къ вамъ, преслѣдуютъ васъ. Въ Римѣ издается множество газетъ всякихъ форматовъ и всякихъ направленій, больше неумѣренныхъ,

чѣмъ умѣренныхъ, такъ какъ подписчиковъ приходится привлекать скромностью цѣны и живостью полемики. Какъ удалились мы отъ того времени, когда читали только добродушную газету Giornale di Roma, тщательно очищенную полиціей, дружественно относившуюся къ законнымъ правительствамъ и узнававшую о революціяхъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ ихъ совершенія. Слѣдуетъ ли думать, что этотъ народъ, скептическій и насмѣшливый, ко всему привыкшій и ко всему равнодушный, который ничему не удивлялся и ничѣмъ не возмущался, который спокойно отвѣчалъ пылкимъ людямъ всѣхъ партій: che volete? или chi lo sa? сталъ вдругъ увлекаться политикой? Трудно понять такую перемѣну. Очень удивляешься, видя, что даже вывѣски имѣютъ политическій оттѣнокъ и что парикмахеры торжественно называютъ себя національными и читаютъ предвыборныя рекламы и демократическія воззванія, покрывающія стѣны. Вотъ большія новости, которыя по всей вѣроятности не всѣмъ понравятся. Невольно спрашиваешь себя, что скажутъ объ этомъ ревнивые поклонники, которыхъ Римъ имѣлъ во всѣ времена, которые желаютъ, чтобы онъ оставался такимъ же, какимъ былъ раньше, которые говорятъ, что его портятъ, измѣняя въ немъ что-бы то ни было, и которые кричали, что все потеряно, когда слишкомъ ревностное городское управленіе принималось почище мести улицы и зажигать нѣсколько лишнихъ фонарей.

Поспѣшимъ однако успокоить ихъ, не все такъ перевернулось, какъ они думаютъ, и происшедшая перемѣна болѣе поверхностная, чѣмъ глубокая. Народные кварталы почти вездѣ сохранили свой прежній видъ. Если, напр., пройдя по Корсо, прогуляться дальше за Венеціанскую площадь по крутымъ улицамъ, ведущимъ на форумъ, попадаешь опять въ старинный Римъ. Это тѣ самые дома, которые видѣлъ прежде, старые и грязные. Мадонны остались на прежнихъ мѣстахъ надъ входной дверью и не перестали каждый вечеръ зажигать передъ ними лампаду. Если случайно поднимешь глаза нѣсколько выше къ широкимъ окнамъ безъ занавѣсокъ, навѣрно увидишь тамъ достаточно людей въ лохмотьяхъ, чтобы удовлетворить самыхъ требовательныхъ любителей живописнаго и мѣстнаго пейзажа. Кабаки, похожіе на погреба съ широко раскрытыми дверями, все еще наполнены игроками, положившими локти на столъ передъ бутылкой вина Орвіето, съ засаленными картами въ рукахъ. Что же касается остерій (трактировъ), находящихся вдоль улицъ, я думаю, онѣ не измѣнились со временъ римской имперіи.

Вотъ при нѣкоторой снисходительности мы уже очутились въ античномъ мірѣ. Если мы желаемъ, чтобы иллюзія была еще полнѣе, если мы желаемъ получить настоящее ощущеніе Рима, которое испытывали наши отцы и описали Шатобріанъ и Гете, пойдемте немного дальше, выйдемте за городскія стѣны; чтобы лучше понять городъ, надо выйти за его предѣлы. Пойдемъ черезъ ворота Піа по древней Номентанской дорогѣ. Поклонившись по дорогѣ базиликѣ св. Агнесы и круглому храму, послужившему гробницей дочери Константина, приходишь къ Тевероне, и переходишь чрезъ него по очень ори-

гинальному мосту, на которомъ сохранились средневѣковыя постройки. Нѣсколько дальше направо возвышается холмъ средней величины и высоты; надо съ почтеніемъ подниматься на него, потому что онъ имѣетъ крупное имя въ исторіи, это Священная гора. Тутъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ демократія одержала одну изъ первыхъ своихъ побѣдъ и прибѣгла къ средству, которымъ она охотно пользуется до сихъ поръ, къ забастовкѣ. Въ одинъ прекрасный день римская армія, т.-е. все взрослое населеніе, покинувъ лагерь, гдѣ консулы удерживали ее, поселилась на этой горѣ, рѣшившись остаться тамъ, пока не примутъ ея условій. Чтобы побѣдить, ей довольно было выжидать. Аристократія, испугавшись своего одиночества, перестала сопротивляться и позволила народу учредить трибунатъ. Сколько воспоминаній появляется на вершинѣ этого холма. Видная отсюда обширная равнина—та самая, гдѣ римляне, по выраженію одного историка, подготовились покорять міръ. Ежегодно имъ приходилось покорять жившіе тамъ энергичные народцы, и тутъ вступали они въ свирѣпыя сраженія изъ-за обладанія хижиной или опустошенія поля. Тутъ въ борьбѣ, продолжавшейся нѣсколько вѣковъ, римляне пріобрѣли военный опытъ, привычку повиноваться и талантъ командовать. Когда они переступили горы, со всѣхъ сторонъ обрамляющія горизонтъ, чтобы распространиться по остальной Италіи, воспитаніе ихъ было кончено; они обладали уже добродѣтелями, которыя сдѣлали ихъ способными покорить міръ. Съ тѣхъ поръ сколько славныхъ событій! Сколько разъ большія дороги, ко-

торыя можно распознать до сихъ поръ по окаймляющимъ ихъ могиламъ, видѣли возвращающіеся съ тріумфомъ легіоны! Сколько знаменитыхъ именъ вспоминается при видѣ остатковъ водопроводовъ и развалинъ памятниковъ, покрывающихъ эту равнину. И здѣсь мы имѣемъ то преимущество, что, разъ ожили эти великія воспоминанія, ничто не можетъ отвлечь отъ нихъ. Въ странахъ плодородныхъ, густо населенныхъ, полныхъ жизни и движенія, настоящее постоянно отрываетъ насъ отъ прошлаго. Какимъ образомъ продолжать мечтать и размышлять, когда видъ человѣческой дѣятельности привлекаетъ ежеминутно наше вниманіе, когда шумъ жизни со всѣхъ сторонъ долетаетъ до нашихъ ушей? Здѣсь, напротивъ, полная тишина. На всемъ пространствѣ, которое окидываетъ глазъ, видишь только голую равнину безъ деревьевъ, если не считать нѣсколько одиноко стоящихъ пиній, безъ домовъ, кромѣ нѣсколькихъ гостиницъ для охотниковъ. Пейзажъ производитъ впечатлѣніе лишь общимъ своимъ видомъ; это монотонность или скорѣе общая гармонія, гдѣ все сливается и смѣшивается. Само по себѣ ничто не привлекаетъ вниманія, никакая подробность не выступаетъ, не выдѣляется. Я не знаю другого мѣста, гдѣ болѣе уходилъ бы въ свою мысль, гдѣ удалялся бы больше отъ своего времени, гдѣ, по прекрасному выраженію Тита Ливія, душѣ было бы всего легче стать античной и современной тѣмъ памятникамъ, которые она осматриваетъ. Это драгоцѣнное преимущество вполнѣ сохранили окрестности Рима и трудно предвидѣть, когда онѣ его потеряютъ. Воспользуемся же привилегіей, которую сохра-

няетъ эта страна, соединить насъ съ прошлымъ лучше всякой другой. Какъ бы Римъ не старался украситься и слѣдовать модѣ дня, туда отправляются главнымъ образомъ въ поискахъ античнаго міра и по счастію его еще находятъ. Съ большими развалинами его наполняющими и пустыней его окружающей, Римъ не могъ и долго не въ состояніи будетъ принять такой новый и современный видъ, какъ онъ желалъ бы. По счастью для насъ и для него это ему не удалось. Своего рода оцѣпененіе, въ которомъ находится Римъ, составляетъ его прелесть, и мнѣ кажется къ нему можно приложить слова одного поэта Ренессанса, сказанныя про Н о ч ь Микель-Анджело, что ея сонъ сохраняетъ ей жизнь: perche dorme, ha vita.

I

Значеніе Форума до конца имперіи. Его положеніе въ началѣ 19-го вѣка. Раскопки Піетро Роза. Попытка реставраціи Дютера. Администрація Фіорелли.

Путешественниковъ, посѣщающихъ Римъ, все манитъ заниматься преимущественно античнымъ міромъ; античный міръ выигралъ всего больше отъ событій 1870 г. Новое правительство многимъ обязано было античнымъ воспоминаніямъ; доказывая, что Римъ достоинъ быть свободнымъ и располагать собой, что Италія имѣетъ право сдѣлать его своей столицей, охотно опирались на исторію республики и имперіи, постоянно говорили о сенатѣ, о форумѣ и Капитоліи и современныя требованія много выигрывали отъ по-

кровительства этихъ великихъ именъ. Это долгъ, который итальянское правительство приняло на себя по отношенію къ прошлому и который начало выплачивать, утвердившись въ Римѣ. 8 ноября 1870 г. было учреждено правительственное завѣдываніе раскопками въ столицѣ и провинціи и во главѣ его поставленъ искусный изслѣдователь Палатинскаго холма, Піетро Роза. Черезъ недѣлю послѣ этого начались раскопки форума.

Естественно, что прежде всего обратились къ нему. Форуму выпала рѣдкостная судьба: онъ оставался во всѣ времена центромъ и сердцемъ Рима. Почти во всѣхъ новыхъ столицахъ главный центръ въ теченіе вѣковъ переходитъ съ одного мѣста на другое; въ Парижѣ онъ постепенно перемѣстился съ лѣваго берега Сены на правый и съ одного края города на другой. Римъ оказался болѣе вѣренъ древнимъ традиціямъ. Съ того дня, когда, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, Ромулъ и Лацій, поселившіеся одинъ на холмахъ Палатинскомъ и Целійскомъ другой на Капитоліи и Квириналѣ, рѣшили соединиться и управлять сообща въ этой нездоровой и сырой равнинѣ, простирающейся отъ Капитолія до Палатинскаго холма, она никогда не переставала быть мѣстомъ городскихъ собраній. Въ первые годы не было другой общественной площади и она служила для всякихъ надобностей. Утромъ тамъ продавали всевозможные товары, днемъ совершали судъ, вечеромъ гуляли. Постепенно появились другія площади; были отдѣльные рынки для скота, для зелени, для рыбы, но древній форумъ Ромула сохранялъ преобладаніе надъ всѣми остальными. Даже имперія,

многое измѣнившая, не отняла у него эту привилегію. Вокругъ него построили площади болѣе обширныя, болѣе правильныя, болѣе роскошныя, но ихъ разсматривали все-таки какъ придатки того, что продолжали называть римскимъ форумомъ. Онъ устоялъ противъ первыхъ нашествій и пережилъ взятіе Рима вестготами и вандалами. Послѣ каждой бури его вновь чинили, и сами варвары, какъ, напримѣръ, Теодорихъ, возстановляли его послѣ причиненнаго ими разрушенія. Древняя площадь и ея зданія существовали еще въ началѣ 7-го вѣка, когда сенатъ имѣлъ несчастную мысль посвятить отвратительному тирану Фокѣ колонну, о которой Грегоровіусъ говоритъ, что Немезида исторіи сохранила ее въ видѣ послѣдняго памятника низости римлянъ. Съ этой минуты все увеличиваются развалины. Каждая война, каждое нашествіе уничтожаетъ какой-нибудь древній памятникъ, который уже больше не возстанавливаютъ. Храмы, тріумфальныя арки, которые снабдили башнями и зубцами какъ крѣпости, атакуемые ежедневно въ борьбѣ партій, раздѣляющихъ Римъ, потрясенные отчаянными приступами, въ концѣ концовъ разваливаются и покрываютъ землю своими остатками. Каждый вѣкъ груда развалинъ увеличивается. Когда въ 1536 г. Карлъ V проходилъ черезъ Римъ по возвращеніи изъ экспедиціи въ Тунисъ, папа желалъ, чтобы мститель за христіанство прошелъ подъ арками Константина, Тита и Севера; ничего не пощадили, чтобы приготовить ему такую прекрасную дорогу. Срыли и уничтожили, разсказываетъ очевидецъ Раблэ, болѣе 200 домовъ и сравняли съ землей

три или четыре церкви. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого Сикстъ V, говорятъ, перенесъ на эту пустынную площадь матеріалы, которые ему мѣшали и которые происходили отъ сооруженій, дѣлаемыхъ имъ въ другихъ мѣстахъ. Вся древность была скрыта и потеряна подъ развалинами въ 10 метровъ вышиной. Съ этой минуты форумъ, ставшій площадью для скота, Campo Vaccino, принялъ видъ, который онъ сохранилъ до начала 19-го вѣка. Онъ превратился въ пыльную площадь, окруженную посредственными церквами, вокругъ которой поднимались нѣсколько колоннъ, на половину видныхъ изъ земли, меланхоличное и пустынное мѣсто, очень подходящее, чтобы размышлять о бренности человѣческаго величія и превратности судебъ. Такимъ изобразили его Пуссенъ на маленькой картинѣ въ галлереѣ Доріа и Клодъ Лорренъ въ пейзажѣ, принадлежащемъ Лувру.

Казалось бы, что эти колонны, на половину вросшія въ землю, должны были привлечь любопытство ученыхъ. Какимъ же образомъ случилось, что, начиная съ Ренессанса, никто изъ нихъ не раскопалъ ихъ до основанія, чтобы открыть почву, на которую онѣ опирались? Эта почва была почва форума; никто не сомнѣвался, что тамъ навалены были историческіе обломки и тѣмъ не менѣе не предпринимали серьезныхъ работъ, которыя могли привести къ прекраснымъ открытіямъ. Только въ началѣ 19-го вѣка начались ученыя изысканія; но они очень часто прерывались и поднимали еще больше вопросовъ, чѣмъ разрѣшали ихъ. Свѣдѣнія, ими доставленныя, были такъ неполны, что между археологами

поднялись ожесточенные споры. Каждый давалъ другое названіе открытымъ зданіямъ и каждый составлялъ отдѣльный планъ форума; не знали ни его границъ ни даже въ точности его положенія. Одни предполагали, что онъ долженъ былъ простираться отъ арки Севера до арки Тита, т.-е. съ сѣверо-запада къ юго-востоку, другіе помѣщали его въ противоположномъ направленіи, отъ св. Адріана къ св. Ѳеодору, и всѣ находили у древнихъ писателей тексты, подкрѣплявшие ихъ мнѣніе. Чтобы разсѣять эту путаницу, необходимо было сдѣлать новыя раскопки. Ихъ предприняли съ мыслью, что теперь достигнутъ окончательныхъ результатовъ. Не достаточно было сдѣлать нѣсколько отверстій и дойти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до античной почвы, рѣшили совершенно освободить площадь отъ обломковъ и вполнѣ очистить ее; это было средствомъ узнать наконецъ правду о загадкахъ форума.

Роза началъ сначала раскапывать базилику Юлія, которая частью была отрыта при прежнемъ правительствѣ, и въ то же время онъ открылъ окружавшие ее храмы. По окончаніи этой работы овладѣли одной стороной Форума, простирающейся къ западу, и остановились только у церквей св. Мартина и св. Адріана. Римскій муниципальный совѣтъ не позволилъ итти дальше; онъ не хотѣлъ, чтобы разрушали улицы, ведущія изъ одного квартала въ другой въ современномъ городѣ. Какъ ни непріятно было это препятствіе, надо было довольствоваться тѣмъ, что можно было сдѣлать. Надо отдать справедливость Розѣ, раскопки, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, велись энергично. Пришлось снять болѣе 120 тысячъ кубическихъ метровъ земли; и подъ этими обломками найдено было много древнихъ памятниковъ, раньше извѣстныхъ только по имени, и топографія Форума въ нѣкоторыхъ пунктахъ была твердо опредѣлена.

Жаль, что римская администрація не сочла нужнымъ печатать дневникъ этихъ интересныхъ раскопокъ; этотъ пробѣлъ пополненъ сочиненіемъ члена французскаго археологическаго института въ Римѣ, Фердинанда Дютера, о Форумѣ, которымъ я буду много пользоваться*). Дютеръ былъ свидѣтелемъ работъ Розы; онъ слѣдилъ за ними день за днемъ, ходилъ за рабочими, записывалъ и зарисовывалъ малѣйшие остатки орнаментовъ, самые маленькіе куски скульптуры, встрѣчавшіеся ему по пути. Его сочиненіе не только знакомитъ насъ съ Форумомъ послѣ раскопокъ Розы, но онъ попробовалъ познакомить насъ съ его древнимъ видомъ. Онъ возобновилъ его разрушившіеся храмы, поднялъ его опрокинутыя колонны, поставилъ статуи на ихъ прежнія основанія и возсоздаетъ передъ нами всѣ эти великолѣпія, отъ которыхъ сохранилось всего нѣсколько обломковъ. Я знаю, что въ подобнаго рода работы входитъ всегда много предположеній, но реставрація Дютера, опирающаяся обыкновенно на точныя указанія, въ общемъ очень правдоподобна. У него замѣтны, правда, нѣкоторые пробѣлы и ошибки, объясняющіяся тѣмъ, что Дютеръ не археологъ по профессіи и что въ то время, когда онъ писалъ свою книгу, раскопки еще не были окончены.

*) F. Dutert. Le Forum romain.

Чтобы придать работамъ болѣе успѣшности и единства, итальянское правительство создало въ Римѣ общее управленіе древностями и поручило его Фіорелли, который пріобрѣлъ извѣстность искуснымъ веденіемъ раскопокъ въ Помпеѣ. Фіорелли съ самаго начала пришелъ къ мысли, что не слѣдуетъ разбрасываться, а надо сосредоточить всѣ усилія на Форумѣ и его окрестностяхъ. Работы были хорошо начаты, онѣ дали благопріятные результаты, оставалось только довести ихъ до конца. Надо было очистить большой прямоугольникъ между базиликой Константина и дворцомъ Цезарей. Это обширное пространство не составляло собственно части Форума, но было естественнымъ къ нему входомъ, соединялось съ нимъ его памятниками; слѣдовательно, нельзя было оставить его безъ вниманія. Работы эти продолжались десять лѣтъ. Отъ арки Тита до Капитолія, на разстояніи 500 метровъ, открыта была древняя почва. Воспользуемся этимъ и прослѣдимъ всѣ находящіяся тамъ зданія.

II

Священная дорога отъ арки Тита до Форума. Храмъ Весты. Жилище весталокъ, Atrium Vestae. Весталки и христіанскія монахини. Видъ Палатинскаго холма.

Обыкновенно посѣтитель входитъ въ Форумъ черезъ храмъ Кастора противъ церкви Маріи Либератриче. Значитъ онъ сразу попадаетъ на середину площади. Но я думаю, чтобы хорошо понять ея расположеніе, лучше проникать туда постепенно и итти по тому пути, по которому

слѣдовала обыкновенно толпа. Перенесемся на самый дальній край. Я предполагаю, что мы проходимъ изъ Колизея и что двигаемся вдоль Палатинскаго холма; передъ нами большая античная улица, сохранившая свои широкія плиты, по которымъ двигаются экипажи новаго города. Она поднимается прямо передъ нами и доходитъ по довольно крутому подъему до арки Тита. Мы на Священной дорогѣ.

О направленіи Священной дороги археологи спорили немало. Неудивительно, что вопросъ этотъ остался для насъ темнымъ; даже въ древности онъ, повидимому, не былъ вполнѣ яснымъ. Изъ примѣра Помпеи мы знаемъ, что на улицахъ въ то время не было надписей; такъ какъ имена, которыя имъ давали, распространялись только по обычаю, въ ихъ обозначеніи могло быть много неопредѣленности. Такъ Варронъ и Фестъ сообщаютъ намъ, что народъ нехорошо зналъ, что надо называть Священной дорогой. Они однако прибавляютъ къ этому, что всѣ называли такъ дорогу, ведшую отъ храма Ларъ (близъ арки Тита) къ храму Весты. Эту дорогу мы отлично знаемъ теперь, мы можемъ пройти по ней отъ начала до конца и открытіе этой дороги принадлежитъ къ самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніямъ послѣднихъ раскопокъ.

Отъ арки Титау лица круто поворачиваетъ направо и идетъ по широкой терассѣ, поднимающейся на нѣсколько ступеней надъ ней. На этой террасѣ императоръ Адріанъ построилъ храмъ Венеры и Рима, отъ которыхъ сохранились прекрасныя развалины. За церковью Санта Франческа Романа съ ея изящной колокольней

она поворачиваетъ налѣво вдоль базилики Константина, отъ которой она отдѣлена нѣсколькими средневѣковыми постройками; потомъ она идетъ мимо храма Ромула (церковь Козьмы и Даміана). Это зданіе, воздвигнутое Максентіемъ въ память о рано умершемъ сынѣ, было наполовину скрыто подъ развалинами, его вполнѣ откопали; дверь поставили на мѣсто; изъ четырехъ мраморныхъ колоннъ, украшавшихъ крылья фасада, двѣ были вновь поставлены на прежнія основанія, наконецъ, маленькій храмъ предсталъ передъ нами въ своемъ первоначальномъ изяществѣ. Другая сторона улицы не обладаетъ памятниками столь же значительными и такъ же хорошо сохранившимися. На первомъ планѣ мы находимъ нѣсколько основаній статуй; было большой почестью, которой несомнѣнно многіе добивались, поставить свое изображеніе на такой бойкой улицѣ; такимъ образомъ можно было быть увѣреннымъ, что находишься на глазахъ у всѣхъ и имѣешь больше шансовъ избѣжать забвенія. Рядомъ съ этими основаніями почетныхъ статуй видны остатки экзедры, т.-е полукруглой скамьи, на которой, какъ мы это знаемъ изъ Помпеи, усаживались праздные люди, чтобы поболтать между собой и посмотрѣть на проходящую толпу. На второмъ планѣ за этой первой линіей памятниковъ, отъ которыхъ остается немного, раскопки раскрыли цѣлый древній кварталъ, состоящій изъ домовъ, тѣсно прилипающихъ другъ къ другу. Этотъ кварталъ испыталъ въ древности много потрясеній; подъ домами, построенными послѣдними, находятся фундаменты въ другомъ направленіи. Это пожары, часто приключавшіеся въ Римѣ, особенно на Форумѣ,

которые постоянно измѣняли его видъ. Жорданъ думаетъ, что Форумъ былъ совершенно передѣланъ въ эпоху Адріана, когда этотъ императоръ построилъ храмъ Венеры и Рима, который онъ несомнѣнно старался хорошо обставить, чтобы еще больше выставить свой талантъ архитектора.

Вмѣсто того, чтобы итти дальше по улицѣ, по которой мы дошли до входа на Форумъ, свернемъ на минуту влѣво. Черезъ эту массу домовъ, фундаменты которыхъ отрыты, направимся къ Палатинскому холму и церкви Маріи Либератриче. Мѣсто, куда мы приходимъ, играло большую роль въ исторіи древняго Рима. Тамъ первые цари установили центръ римской религіи, раньше чѣмъ Тарквиній перенесъ его на вершину Капитолія. Построеніе храма Юпитера знаменуетъ собой новую эпоху въ религіозной жизни римлянъ. Періодъ, ему предшествовавшій, который иногда называютъ періодомъ Нумы, отличался другимъ характеромъ; обряды были тогда проще и зданія менѣе великолѣпны; богамъ еще не воздвигали статуй и въ видѣ жертвъ имъ подносили только соленыя лепешки. Отъ этой первобытной эпохи въ вѣкъ имперіи время пощадило три памятника, стоявшіе близко другъ отъ друга; это храмъ Весты, гдѣ горѣлъ вѣчный огонь; Регія, т.-е. жилище царя, который будучи въ одно и то же время духовнымъ начальникомъ и первымъ магистратомъ, долженъ былъ жить близъ центра города, наконецъ, Атрій Весты, гдѣ жили весталки, помогавшія царю въ исполненіи имъ религіозныхъ функцій, какъ въ частныхъ домахъ дѣвы служили богамъ рядомъ съ отцомъ семей-

ства. Вотъ три памятника, которые надо было найти.

Первымъ былъ открытъ храмъ Весты. Послѣ того какъ освободили базилику Юлія, рабочіе, подвинувшись немного дальше храма Кастора, наткнулись на маленькій круглый цоколь, совершенно разрушенный. Хотя онъ имѣлъ очень ничтожный видъ, нѣкоторые археологи предположили, что на этомъ фундаментѣ долженъ былъ возвышаться знаменитый храмъ, отнесенный ко времени Нумы. Предположеніе это тогда оспаривалось. Теперь, когда нашли по сосѣдству жилище весталокъ, предположеніе это стало безспорнымъ. Если отъ древняго храма осталась только куча земли и нѣсколько камней, въ этомъ вина не только времени. Люди искуснѣе времени разрушаютъ старинные памятники, и среди людей самые цивилизованные часто для нихъ самые опасные. Раскопки 16-го вѣка причинили древностямъ больше вреда, чѣмъ варварство средневѣковья. Въ 1549 г. въ поискахъ статуй и драгоцѣнностей археологи открыли храмъ Весты, остатки котораго сохранились довольно хорошо, но они поспѣшили ихъ уничтожить. Для зданій, которыя они возводили, они взяли мраморныя обшивки, фризы, колонны и даже камни изъ фундамента; они дѣлали известь изъ камней, которыхъ не хотѣли уносить, и покончивъ съ этимъ разрушеніемъ, они покрыли остатки землей. По счастію, Панвиніо, ученый того времени, сдѣлалъ раньше рисунокъ этихъ развалинъ. Этотъ рисунокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми барельефами и монетами, на которыхъ изображенъ храмъ Весты, даетъ о немъ нѣкоторое представленіе. Само собой разумѣется, что памятникъ, остатки котораго нашли въ 16-мъ вѣкѣ, не былъ построенъ Нумой; въ теченіе 10 или 11 вѣковъ онъ былъ заново отстроенъ нѣсколько разъ, но Овидій сообщаетъ, что, возстановляя его, его старались измѣнять какъ можно меньше и сохранять его прежній видъ. Это было круглое зданіе съ маленькимъ куполомъ, покрытымъ металлическими пластинками. Чтобы объяснить эту форму, ученые придумали очень глубокомысленныя причины. Оно круглое, говорили они, потому что оно должно было быть изображеніемъ земли, а землю надо представлять себѣ въ видѣ шара, въ центрѣ котораго горитъ огонь, все оплодотворяющій. Эти тонкія объясненія старинныхъ грамматиковъ теперь брошены и грубымъ крестьянамъ, возведшимъ за шесть или семь вѣковъ до нашей эры первый храмъ Весты, не приписываютъ больше такихъ утонченныхъ намѣреній. Предполагаютъ, что они построили его по образцу домовъ, въ которыхъ жили; по всей вѣроятности они не знали другихъ построекъ. Вотъ почему памятники, относящіеся къ началу Рима, напримѣръ, хижина Ромула, которую хранили съ такимъ почтеніемъ на Палатинскомъ холмѣ, храмъ Пенатовъ, на вершинѣ Веліи, храмъ Геркулеса Побѣдоноснаго на Forum boarium, были похожи другъ на друга. Всѣ воспроизводили форму круглыхъ хижинъ, бывшихъ первымъ жилищемъ италійскаго населенія. Эти древнія зданія впослѣдствіи часто возстанавливались и каждый разъ ихъ дѣлали богаче; Овидій говоритъ, что мраморъ замѣнилъ перекладины, образовывавшія стѣны, и крыша хижины

превратилась въ мѣдный куполъ; но по консервативному инстинкту, свойственному этому народу, сохранились прежніе размѣры, та же внѣшняя форма и одинаковый общій видъ, такъ что, среди великолѣпія имперіи, они какъ бы сохраняли память о древнѣйшей эпохѣ и ея видъ.)

Жилище весталокъ, какъ и слѣдовало ожидать, расположено въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма, въ которомъ онѣ служили. Если бы въ 1876 г. раскопки продолжили нѣсколько дальше, его скоро открыли бы; но ихъ вели въ другую сторону и лишь послѣ того, какъ обнаружили все пространство Священной дороги, вдоль базилики Константина и вплоть до арки Тита, вернулись къ храму Весты. Нѣсколькихъ ударовъ заступомъ было достаточно, чтобы появились стѣны дома весталокъ; благодаря энергичной работѣ, онъ теперь совершенно высвобожденъ. Это, несомнѣнно, самое большое открытіе, сдѣланное въ послѣднее время, и за исключеніемъ базилики Юліевой не находили еще на Форумѣ такого значительнаго памятника.

Туда входятъ черезъ боковой входъ малопредставительный, но, поднявшись по нѣсколькимъ ступенямъ, входишь въ прямоугольный дворъ въ 68 метровъ длиной и 20 шириной. Дворъ этотъ представляетъ перистиль обыкновенныхъ домовъ, но въ необычныхъ пропорціяхъ. Онъ окруженъ былъ обширными портиками, украшенными статуями vestales maximae, стоявшихъ во главѣ коллегіи весталокъ. Статуи эти были поставлены на основанія съ торжественными надписями. Ланчіани предполагаетъ, что въ то время, когда зданіе было нетронутымъ, въ немъ должна была находиться сотня статуй, но время значительно

уменьшило ихъ число. Теперь сохранились только обломки 18 статуй, болѣе или менѣе пострадавшихъ. Пьедесталы сохранились въ лучшемъ видѣ. Отъ раскопокъ 16-го вѣка ихъ осталось нѣсколько; при послѣднихъ раскопкахъ ихъ найдено было около 20, изъ которыхъ нѣкоторые хорошо сохранились. На нихъ имѣются надписи, изъ которыхъ мы узнаемъ многое. Изъ нихъ видно, какимъ уваженіемъ пользовались весталки и въ какихъ дѣлахъ онѣ принимали участіе. Быть избранной въ коллегію весталокъ считалось такою честью, что Тиверій, желая утѣшить дочь Фонтея Агриппу не избранную, счелъ нужнымъ подарить ей милліонъ сестерцій. Честь распространялась на всѣхъ близкихъ, и среди статуй, обломки которыхъ найдены въ Атріумѣ Весты, нѣкоторыя были воздвигнуты родственниками, гордившимися тѣмъ, что въ ихъ семействѣ есть весталка. Иногда это дѣлали люди, обязанные жрицѣ за какую-нибудь милость, отъ нея полученную, и желавшіе выразить ей благодарность, и изъ этого видно, до какой степени простиралось вліяніе весталокъ. Мы не особенно удивимся, что онѣ принимали участіе въ назначеніи библіотекаря императора, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ вмѣшательство представляется намъ поразительнымъ. Какимъ образомъ могли онѣ доставить кому-нибудь должность военнаго трибуна? Какія услуги могли онѣ оказать центуріонамъ, отправленнымъ товарищами въ Римъ для устройства дѣлъ ихъ легіона?

Неудивительно, что благодарность всѣхъ этихъ лицъ выражается въ терминахъ нѣсколько гиперболическихъ. Конечно, надо уменьшить по-

хвалы, расточаемыя весталкамъ на пьедесталахъ ихъ статуй, но изъ нихъ мы видимъ, какія качества отъ нихъ требовались. Ихъ хвалятъ преимущественно за рвеніе и искусство, съ какимъ онѣ исполняютъ свои священныя обязанности; про нихъ говорятъ, что онѣ набожно бодрствуютъ день и ночь у подножія жертвенниковъ боговъ, у вѣчнаго огня, и что молитвы ихъ способствуютъ процвѣтанію республики. Нѣкоторыя изъ добродѣтелей, которыми онѣ славятся, цѣломудріе, набожность, преданность долгу, подходятъ и къ христіанкамъ, но христіанка не могла бы принять восторженность и преувеличеніе нѣкоторыхъ комплиментовъ. Она покраснѣла бы, если бы про нее говорили, что „своей набожностью и честностью она превосходитъ всѣхъ женщинъ до нея бывшихъ“ или что „божество пріуготовило ее для себя и избрало ее нарочно, чтобы посвятить своему служенію“. Надо думать, что восхвалявшіе весталокъ были увѣрены, что понравятся имъ, а это доказываетъ, что смиреніе не принадлежало къ ихъ добродѣтелямъ. Одна изъ нихъ восхваляется за поразительныя познанія. Дѣйствительно мы знаемъ, что культъ Весты былъ очень сложенъ и чтобы выполнить всѣ обряды нужно было долгое обученіе. Тридцать лѣтъ, на которые обязывалась весталка, дѣлились на три одинаковые періода; въ первый она обучалась своему служенію, во второй совершала его, въ третій учила вновь посвященныхъ. Поэтому на одномъ изъ пьедесталовъ, найденныхъ въ Атріумѣ Весты, изображено, что молодая жрица благодаритъ старую за полученные уроки, другой памятникъ

представляетъ замѣчательную особенность: имя весталки, въ честь которой онъ былъ воздвигнутъ, выбито такъ тщательно, что его невозможно прочесть. Если старались стереть это имя, значитъ, она перестала быть достойной оказанной ей чести, и тотчасъ появляется мысль, что она погрѣшила противъ цѣломудрія, за что сурово наказывали. Тѣмъ не менѣе предположеніе это не вполнѣ вѣроятно. Памятникъ этотъ датированъ консулатомъ Іовіана и Варроніана, т. е. годомъ, когда только что умеръ императоръ Юліанъ и когда борьба между двумя религіями была всего сильнѣе. Если бы старшая весталка нарушила свой обѣтъ, это произвело бы шумъ и свѣдѣніе объ этомъ фактѣ дошло бы до насъ. Приходится думать, что прегрѣшеніе ея было иного рода, и такъ какъ поэтъ Пруденцій разсказываетъ о весталкѣ, которая какъ разъ въ это время приняла христіанство, предполагали, что это и была наша весталка. Если это предположеніе вѣрно, понятенъ гнѣвъ служителей Весты и желаніе ихъ уничтожить имя виновной.

Большой дворъ Атріума Весты былъ очищенъ и представляетъ теперь очень интересный видъ. Всѣ обломки статуй, найденные при раскопкахъ, помѣстили вдоль стѣнъ, тамъ, гдѣ стояли изображенія весталокъ, когда зданіе было нетронутымъ. Благодаря этимъ остаткамъ воображеніе можетъ легко вновь населить этотъ пустынный перистиль и возвратить этимъ обширнымъ портикамъ ихъ древнихъ обитателей. Сохранившіеся портреты весталокъ, хоть и изуродованные, даютъ намъ возможность представить себѣ, какими онѣ были, со всѣми подробностями ихъ строгаго и

богатаго одѣянія. Мы видимъ ихъ короткіе волосы, инфулу на головѣ, откуда падали ленточки, составлявшія нѣчто въ родѣ діадемы, веревку, стягивавшую ихъ тунику на таліи, и круглую буллу, висящую на ихъ груди, какъ крестъ нашихъ монахинь. Ланчіани замѣчаетъ, что этотъ костюмъ придаетъ имъ монашескій видъ; надо только прибавить, что жилище ихъ было гораздо роскошнѣе, чѣмъ современные монастыри. Вспомнимъ, что дворъ, гдѣ мы находимся въ настоящую минуту и который онѣ должны были постоянно посѣщать, имѣетъ 68 метровъ въ длину и 20 метровъ въ ширину. Если сообразить, что домъ предназначенъ былъ всего для 6 или 7 весталокъ, удивляешься такимъ размѣрамъ; но Жорданъ объяснилъ ихъ очень остроумно. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ думаетъ, что часть перистиля имѣла видъ рощицы съ деревьями, аллеями и мраморными скамейками. Такое расположеніе было для весталокъ не только удовольствіемъ, дѣлавшимъ ихъ жилище болѣе пріятнымъ, но и необходимостью. Не забудемъ, говоритъ Жорданъ, что онѣ принадлежали къ первымъ римскимъ домамъ, что ихъ семьи имѣли обыкновеніе проводить жаркое время года въ горахъ или на морскомъ берегу; онѣ, напротивъ, попавъ въ Атріумъ, не могли уходить оттуда надолго. По своимъ религіознымъ обязанностямъ онѣ должны были жить не далеко отъ храма Весты и имъ приходилось распроститься съ Тибуромъ, Пренестой, Тарентомъ и Байями. Въ первое время ихъ заточеніе было для нихъ менѣе тяжелымъ: между Новой дорогой и Палатинскимъ холмомъ

находилась священная роща, называвшаяся рощей Весты, о которой упоминаетъ Цицеронъ. Но она по всей вѣроятности исчезла очень рано; скоро въ этомъ римскомъ кварталѣ, все болѣе и болѣе населявшемся, не осталось ни одного клочка земли пустого, — количество домовъ все увеличивалось, свѣта и воздуха становилось все меньше, и несчастныя весталки, вынужденныя жить среди скученныхъ стѣнъ, старались устроить у себя дома то, чего не давало имъ сосѣдство. Поэтому имъ построили болѣе обширное жилище, гдѣ имъ легче было бы дышать, и насадили тамъ маленькій садъ, чтобы онѣ видѣли зелень. Не много это было, но древніе довольствовались малымъ. Садъ требуетъ фонтана, и мы дѣйствительно находимъ фонтанъ въ Атріумѣ Весты. Это бассейнъ въ 4,40 и 4,10 метра, который и теперь еще облицованъ изнутри мраморомъ. Съ удивленіемъ замѣтили, что въ бассейнѣ и по близости отъ него нѣтъ и слѣда водопровода, откуда бассейнъ могъ бы быть наполненъ, но Жорданъ очень хорошо объяснилъ эту особенность. Фестъ сообщаетъ, что весталки должны были брать воду только изъ источника вполнѣ чистаго и что имъ запрещено было пользоваться водой, проходящей черезъ трубы. Слѣдовательно, надо предполагать, что рабы отправлялись за водой къ какому-нибудь источнику и ею наполняли бассейнъ. Черезъ найденный проводъ она могла стекать въ водостокъ, устроенный подъ зданіемъ.

Какъ это было въ обычаѣ въ римскихъ домахъ, всѣ залы и комнаты были расположены вокругъ двора. По обычаю пріемный залъ или таблинумъ

находился въ самомъ концѣ противъ бассейна. Онъ занималъ обширное пространство и былъ роскошно изукрашенъ; съ удивленіемъ только замѣчаютъ, что онъ не посрединѣ. Эта неправильность объясняется поправками, которыя дѣлались въ разныя эпохи и которыя нарушили нѣкоторыя пропорціи. Другія комнаты разрушены и трудно указать на ихъ назначеніе. Нѣкоторыя служили, повидимому, только для работъ весталокъ, напр. для изготовленія mola salsa, въ другихъ онѣ жили. Это тѣ, которыя размѣщены были вдоль портиковъ со стороны Палатинскаго холма. Нѣкоторыя сохранили еще обшивку изъ драгоцѣннаго мрамора съ фризами, не потерявшими блестящихъ красокъ. Въ то время, какъ я съ любопытствомъ ихъ разсматривалъ и восхищался ихъ богатствомъ, я вспомнилъ знаменитый споръ Симмаха съ св. Амвросіемъ по поводу алтаря побѣды. Симмахъ энергично нападалъ на послѣдніе законы, изданные императорами противъ языческихъ жрецовъ. Онъ сокрушался особенно о весталкахъ, онъ съ чувствомъ говорилъ объ этихъ благородныхъ дѣвахъ, посвятившихъ свою дѣвственность благу государства и у которыхъ отнимаютъ отданную имъ землю и содержаніе, получавшееся ими изъ казны. Св. Амвросій отвѣчалъ ему, что эти благородныя дѣвы не заслуживаютъ того восхищенія, которое высказываетъ Симмахъ. Онъ напоминалъ привилегіи, богатство, почетъ, которыми онѣ пользовались, и роскошную жизнь, которую онѣ вели благодаря поддержкѣ государства; тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти преимущества, ихъ было только семь. „Вотъ какъ мало дѣвъ

можно было собрать вокругъ храма Весты. Онѣ носили блестящія пурпуровыя одежды, ихъ носили въ носилкахъ, за ними слѣдовала цѣлая свита служителей, имъ щедро раздавали деньги, онѣ могли обрекать себя на дѣвство только на извѣстное количество лѣтъ“. Этимъ дамамъ, пользующимся всѣми мірскими благами и свѣтскими удовольствіями, Амвросій противопоставляетъ христіанскихъ дѣвственницъ, простыхъ, скромныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленныхъ. „У нихъ нѣтъ роскошныхъ повязокъ, а только грубое покрывало на лицѣ. Вмѣсто того, чтобы увеличивать свою красоту разными украшеніями, онѣ напротивъ стараются одѣваться какъ можно проще. Онѣ ищутъ не роскоши и удовольствій, а поста и бѣдности“. Несомнѣнно долженъ былъ быть рѣзкій контрастъ между христіанскими монастырями и аристократической обителью весталокъ. Мнѣ кажется, что посѣщеніе ихъ роскошнаго дома, открытаго раскопками, и видъ ихъ покоевъ, отъ которыхъ сохранились прекрасные остатки, могутъ служить комментаріемъ къ словамъ св. Амвросія.

Покинемъ наконецъ этотъ обширный перистиль, который такъ долго удерживалъ насъ. Лѣстница въ 26 ступеней ведетъ насъ на улицу, которую можно прослѣдить въ настоящее время отъ церкви св. Маріи Либератриче до окрестностей арки Тита и которая идетъ вдоль Атріума Весты. Думаютъ, что это Новая улица, о которой неоднократно говорится въ римской исторіи и которая кончалась у Палатинскихъ воротъ и у храма Юпитера Статора. Надо сознаться, что съ этой стороны затворъ весталокъ не былъ

особенно крѣпокъ и что черезъ низкія окна врагъ могъ легко проникать къ нимъ. Еще нѣсколько ступеней приводятъ насъ къ новымъ комнатамъ, отъ которыхъ сохранился только мозаичный полъ; нѣкоторыя служили для омовенія; до сихъ поръ видны въ стѣнахъ кирпичныя трубы, по которымъ шла вода въ мраморныя ванны. Среди этихъ покоевъ, которые, повидимому, были довольны грубо исправлены въ послѣдніе годы имперіи, видно начало другой лѣстницы, и это доказываетъ, что жилище весталокъ имѣло по крайней мѣрѣ два этажа.

Отсюда всего лучше наблюдать, какой видъ принялъ Палатинскій холмъ послѣ раскопокъ. До послѣдняго времени Палатинскій холмъ былъ отдѣленъ отъ Форума пыльной дорогой, ведшей къ саду Фарнезе. Потомъ, пройдя подъ воротами, построенными Виньоле, поднимались съ террасы на террасу мимо деревьевъ и цвѣтовъ вплоть до дворца Цезарей. Теперь все имѣетъ совсѣмъ другой видъ. Сняли обломки и землю, прикрывавшіе античные дома, и всѣ эти развалины, скрывавшіяся столько вѣковъ, появились вновь. Съ верха до низа холма видны теперь только каменныя или кирпичныя стѣны разной высоты и разрушенные дома. Это зрѣлище по всей вѣроятности нравится не всѣмъ, и художники будутъ жаловаться на археологовъ и упрекать ихъ за то, что замѣнили сады Фарнезе, откуда такой прекрасный видъ на Campo Vacchino, чѣмъ-то напоминающимъ парижскія улицы, когда ломаютъ дома. Вѣрно, что археологія обыкновенно мало заботится о красотѣ и что ей достаточно правды, но и правда имѣетъ

свою прелесть. Когда смотришь на видъ Палатинскаго холма, какой онъ принялъ отъ раскопокъ, сначала взглядъ теряется отъ накопленія развалинъ, но черезъ нѣкоторое время воображеніе дѣлаетъ свое дѣло. Надъ этими уродливыми фундаментами оно возводитъ исчезнувшія зданія, соединяетъ остатки стѣнъ, возсоздаетъ по нѣсколькимъ обломкамъ разрушенные дома и представляетъ намъ этотъ кварталъ такимъ, какимъ онъ былъ въ концѣ имперіи.

Воображеніе снабжаетъ насъ цѣнными свѣдѣніями. Прежде всего мы убѣждаемся, что древніе народы мало дорожили широкими улицами и большими площадями, безъ которыхъ не могутъ обходиться наши современные города. Мы находимся тутъ у самыхъ императорскихъ дворцовъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ форума, т. е. въ самомъ центрѣ большого города, тѣмъ не менѣе у насъ передъ глазами только куча домовъ, поднимающихся по склону холма, такъ тѣсно прижимающихся другъ къ другу, что они какъ будто давятъ другъ друга и не оставляютъ между собой никакого пустого пространства. Двухъ улицъ, разъединяющихъ ихъ и идущихъ параллельно по склону Палатина, (Новая улица, о которой я говорилъ, и Clivus Victoriae нѣсколько выше) было недостаточно, чтобы дать этому кварталу нужный ему свѣтъ и воздухъ. Дома стали все больше и больше заполнять эти улицы. Сблизившись своими основаніями они соединились верхами, между крышами проложены были аркады, поддерживавшія воздушныя помѣщенія, такъ что съ теченіемъ времени Nova via и Clivus Victoriae стали темными проулками. Про-

ходя по этимъ мѣстамъ, я говорю себѣ, что по всей вѣроятности въ подобной улицѣ во времена Суллы былъ убитъ Секстъ Росцій (убійцъ котораго обвинялъ Цицеронъ), возвращавшійся вечеромъ съ обѣда.

Другое соображеніе, появляющееся у меня при видѣ новаго квартала, относится къ дворцу Цезарей. Въ прежнее время, когда туда можно было проникать только чрезъ Виньоле, когда эти развалины были отдѣлены отъ форума полями и стѣнами, намъ это зданіе представлялось вполнѣ уединеннымъ. Такими въ нашемъ воображеніи обыкновенно рисуются царскіе дворцы. Тѣмъ не менѣе, мы ошибались, и послѣднія раскопки доказываютъ это съ очевидностью. Домъ Калигулы, самаго подозрительнаго изъ Цезарей, почти соприкасается съ другими домами на холмѣ. Оттуда хорошо сохранившаяся лѣстница спускается на средину Clivus Victoriae; отъ Clivus'а лѣстница доходитъ до Nova via, соприкасавшейся, какъ мы знаемъ, съ форумомъ; такимъ образомъ въ нѣсколько минутъ можно было подняться съ Священной дороги во дворецъ. Значитъ тутъ нѣтъ ничего похожаго на жилища восточныхъ деспотовъ, какъ ихъ описываетъ Геродотъ, съ крѣпкими стѣнами и защитными валами. Ничто не отдѣляетъ отъ другихъ домовъ дома Августа и Тиверія; они живутъ среди всѣхъ и не отдѣлены отъ остальныхъ римлянъ рвами и стѣнами. Они дѣлали это нарочно, чтобы въ нихъ видѣли такихъ же гражданъ, какъ всѣ остальные, чтобы убѣдить людей, которые судятъ по наружности (а это большинство), что Цезарей не слѣдуетъ считать царями и что подъ ихъ

владычествомъ Римъ остается всетаки свободнымъ городомъ.

Итакъ, изъ трехъ памятниковъ, посвященныхъ наиболѣе древнему римскому культу, мы имѣемъ два: храмъ, гдѣ горѣлъ священный огонь, и жилище весталокъ. Остается открыть только третій, Regia, т. е. резиденцію великаго жреца, гдѣ жилъ Юлій Цезарь. Слѣдуетъ ли думать съ Ланчіани, что Regia исчезла гораздо раньше имперіи, или надо подозрѣвать съ Жорданомъ, что ее найдутъ подъ церковью Св. Маріи Либератриче? Будущее отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

III

Форумъ царей и республики. Мѣсто комицій и куріи. Первая трибуна. Старыя и новыя лавки. Базилики.

Мы на границѣ форума. Кто посѣщаетъ жилище весталокъ, видитъ его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя и стремится къ нему; я хочу однако удержать его еще нѣсколько минутъ на границѣ. Слѣдуетъ предостеречь его отъ возможныхъ заблужденій и не позволять ему искать того, чего онъ не нашелъ бы.

Не забудемъ, что форумъ, который мы собираемся посѣтить, это форумъ имперіи. Тамъ уже нѣтъ большинства памятниковъ эпохи царей или славныхъ временъ республики, съ которыми намъ такъ хотѣлось бы познакомиться; его столько разъ передѣлывали и перестраивали, онъ столько разъ мѣнялъ свой наружный видъ, что эти древнія воспоминанія не оставили на немъ почти ни-

какого слѣда, а для насъ они сохранились только у древнихъ писателей, но ихъ тексты были такъ проницательно истолкованы ученой критикой, что въ настоящее время можно безъ большого труда и съ достаточной вѣроятностью поставить памятники перваго времени Рима на мѣсто, занятое зданіями другой эпохи.

Видъ площади и ея естественная конфигурація очень помогаютъ сдѣлать это. По словамъ Діонисія Галикарнасскаго Ромулъ и Тацій соединились въ одномъ мѣстѣ форума для совѣщанія и на этомъ мѣстѣ, названномъ Comitium (собраніемъ), стали происходить народныя собранія. Но гдѣ искать мѣсто комиція? Давно его указываютъ повсюду, даже въ самомъ низкомъ мѣстѣ равнины. Здравый смыслъ, однако, говоритъ, что онъ долженъ былъ находиться на возвышенномъ мѣстѣ, обезпеченномъ отъ наводненія. Форумъ первоначально былъ болотомъ. Тарквиній, устроивъ большой стокъ, открытый подъ портикомъ базилики Юлія, отвелъ стоячія воды въ Тибръ и первый сдѣлалъ низъ площади проходимымъ. До него не могло быть вопроса объ устройствѣ тамъ общественныхъ собраній. Слѣдовательно, мѣсто комиція надо искать нѣсколько выше, въ сухомъ мѣстѣ на склонѣ холма. Тексты древнихъ писателей доказываютъ, что онъ находился на сѣверо-западной сторонѣ форума въ той части, гдѣ теперь находится арка Севера и церкви св. Мартина и св. Адріана. Онъ представлялъ квадратъ, возвышенный на нѣсколько ступеней, окруженный балюстрадой и достаточно обширный, чтобы тамъ могли собираться куріатскія комиціи. Надъ комиціемъ построили курію, въ

которой собирался сенатъ. Думаютъ, что она находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ церковь св. Адріана. Нѣсколько выше куріи довольно обширная площадка была занята разными памятниками, а именно Graecostase, мѣстомъ, гдѣ иностранные послы присутствовали при народныхъ собраніяхъ, и храмомъ Согласія, развалины котораго сохранились до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, мы все же можемъ имѣть представленіе объ античномъ форумѣ, хотя отъ него почти ничего не осталось. Представимъ себѣ у подножія Капитолія и крѣпости рядъ террасъ, которыя поднимаются одна надъ другой. Въ самомъ низу болотистая равнина, которая и есть настоящій форумъ, гдѣ собирается народъ; нѣсколько выше комицій, квадратная площадка, гдѣ собираются знатные, т.-е. настоящіе граждане, управляющіе Римомъ; еще выше курія, гдѣ засѣдаетъ сенатъ, преддверіемъ котораго служитъ комицій, такъ что самая конфигурація площади является точнымъ изображеніемъ политическаго строя страны и разные этажи соотвѣтствуютъ ступенямъ соціальной іерархіи; каждый классъ поднимается выше, по мѣрѣ того какъ пріобрѣтаетъ большее могущество, знать надъ плебсомъ и сенатъ надъ всѣми.

Это строгое государство, гдѣ всѣ общественные классы подчинены другъ другу, тѣмъ не менѣе не деспотическое государство. Аристократія, которой принадлежитъ власть, не похожа на венеціанскую аристократію, совѣщавшуюся въ тайнѣ и не позволявшую громко высказывать свое мнѣніе. Самые важные вопросы обсуждаются публично въ комиціи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ

происходили народныя собранія, есть каѳедра для ораторовъ и ее считаютъ священнымъ мѣстомъ. Каѳедрой служила возвышенная площадка, откуда ораторъ былъ повсемѣстно виденъ, что заставляло его прилично драпироваться и принимать благородныя позы. Стѣна, ее поддерживающая, имѣетъ странное украшеніе; къ ней прикрѣпили желѣзные носы судовъ, которыя римляне нашли въ гавани Акціума, взявъ этотъ городъ. Они сожгли ихъ и унесли въ видѣ трофея носы, которыми должны были украсить форумъ. Возлѣ каѳедры помѣстили то, что всегда должно быть передъ глазами народа; напр., тамъ вырѣзаны законы двѣнадцати таблицъ, которые всѣ граждане обязаны знать наизусть, и договоры, заключенные съ сосѣдними городами. Нельзя лучшимъ образомъ почтить гражданина, оказавшаго услуги отечеству, чѣмъ поставивъ ему статую около этихъ носовъ „на самомъ видномъ мѣстѣ города", какъ выражался сенатъ. Тутъ находились рядомъ съ колонной Дуилія, хранившей память о первой морской побѣдѣ римлянъ, статуи римскихъ пословъ, убитыхъ жителями Фиденъ, Камилла, Суллы, Кнея Октавія, Помпея. Мѣсто каѳедры можетъ быть указано довольно точно. Намъ сообщаютъ, что оно было по сосѣдству съ куріей; сенатъ, знавшій, какое значеніе имѣетъ слово, хотѣлъ наблюдать за ней по близости. Одно мѣсто Плинія сообщаетъ намъ, что она должна была находиться противъ Graecostase, т.-е. съ другой стороны церкви св. Адріана. Мы знаемъ, наконецъ, что она находилась на краю комиція. Оттуда оратора могутъ слышать всѣ и голосъ его доходитъ до разныхъ этажей

форума. Но въ первые вѣка было правиломъ, что онъ долженъ, произнося рѣчь, обращаться къ комицію, онъ долженъ преимущественно имѣть въ виду знатное собраніе, фактически управляющее городомъ. Позже Лициній Крассъ или, по другимъ свѣдѣніямъ, Гракхъ рѣшились нарушить этотъ древній обычай и обращаться къ плебсу; верховная власть перемѣстилась.

Такъ какъ форумъ былъ наиболѣе посѣщаемой частью города, естественно туда устремилась торговля; говорятъ, что, начиная со временъ царей, онъ былъ окруженъ магазинами. На юго-восточной сторонѣ противъ комиція было больше свободнаго пространства; оно было застроено раньше всего, тамъ помѣщались такъ называемыя древнія лавки. Когда съ этой стороны не хватило мѣста, перешли на другое, остававшееся пустымъ около комиція и куріи, и тамъ построили новыя лавки. Въ нихъ должны были быть представлены, особенно въ первое время, различныя отрасли торговли. Школа, куда шла Виргинія, когда ее схватили люди тріумвира Аппія, находилась на форумѣ. Когда отецъ вынужденъ былъ убить ее, чтобы спасти свою честь, онъ взялъ ножъ у мясника въ новыхъ лавкахъ. Позже купцы, изгнанные съ форума красивыми зданіями тамъ возводившимися, пріютились въ окрестностяхъ. Значительная ихъ часть основалась въ кварталѣ Священной дороги. Рядомъ съ продавцами фруктовъ и съѣстныхъ припасовъ, тамъ можно было найти болѣе изящныя лавки торговцевъ благовоніями и ювелировъ. Тамъ жилъ въ эпоху Юлія Цезаря, т.-е. до христіанства, „ювелиръ Священной дороги", которому въ надгробной надписи расто-

чается прекрасная похвала, что онъ былъ „благотворителемъ и любилъ бѣдныхъ“.

Старый форумъ, остававшійся неизмѣннымъ въ теченіе пяти вѣковъ, претерпѣлъ большую перемѣну въ 570 г., когда Катонъ построилъ тамъ первую базилику. Этотъ хранитель старинныхъ обычаевъ часто оказывался революціонеромъ, не стѣснявшимся вводить въ городѣ новые обычаи. Этотъ врагъ грековъ считалъ возможнымъ подражать имъ, когда находилъ это полезнымъ. Онъ особенно старался нравиться народу, котораго онъ былъ любимцемъ. Народъ по дѣламъ и для развлеченія часто посѣщалъ форумъ, но форумъ не всегда былъ пріятнымъ мѣстомъ. Въ Римѣ часто очень жарко и не рѣдко идетъ дождь; въ дождливые и жаркіе дни дѣловымъ людямъ и гуляющимъ негдѣ было укрыться на этой открытой площади. Съ этой цѣлью Катонъ и устроилъ базилику. Памятники этого рода служили, какъ извѣстно, разнообразнымъ потребностямъ; тамъ не только продавали, и покупали, и творили судъ, но иногда тамъ собирались безъ дѣла, приходили туда поболтать, поиграть, посмѣяться. Естественно, что народъ, очень любившій развлеченія, былъ очень благодаренъ тѣмъ, кто устраивалъ ему такія мѣста собраній. Къ несчастію это средство ему понравиться требовало большихъ тратъ. Чтобы построить базилику, надо было скупить лавки и частные дома, а эти дома, стоявшіе въ лучшемъ кварталѣ города, очень поднялись въ цѣнѣ. Цицеронъ, много занимавшійся базиликой, которую собирался построить Цезарь, разсказываетъ, что одно мѣсто стоило 60 милліоновъ сестерцій (12 милліоновъ франковъ). „Домовладѣльцы, говорилъ онъ Аттику, оказались несговорчивы“. Но расположеніе народа приносило такой доходъ что за него никогда нельзя было заплатить слишкомъ дорого. Вотъ почему форумъ постепенно украсился великолѣпными памятниками, развалины которыхъ открыли намъ раскопки.

IV

Форумъ временъ имперіи. Какъ нашли главные его памятники. Стацій и статуя Домиціана. Базилика Юлія. Храмъ Сатурна и Кастора. Храмы Веспасіана и Согласія. Трибуна для рѣчей временъ имперіи и Грекостадій. Что остается открыть. Центръ форума. Окружавшія его улицы. Священная дорога.

Мы можемъ теперь проникнуть въ форумъ. Настало время изучить его въ его настоящемъ видѣ и, снявъ закрывающія его развалины, представить себѣ, какимъ онъ долженъ былъ быть въ послѣдніе вѣка имперіи. Войдемъ въ него по большой улицѣ, по которой мы только что шли и которая тянется вдоль базилики Константина и храма Ромула. Съ этой стороны должна была находиться арка Фабія, воздвигнутая во славу этой знаменитой фамиліи, со статуями Фабія Максима, Павла Эмилія и Сципіона Эмиліана. Она теперь совершенно исчезла, но мы знаемъ, что она должна была стоять въ томъ мѣстѣ, гдѣ Священная дорога въ древности впадала въ форумъ.

При входѣ на площадь мы встрѣчаемъ налѣво развалины небольшого зданія. Сохранилась только нижняя часть; но и по ней видно, что это

былъ храмъ. Мы сейчасъ увидимъ, какому богу онъ былъ посвященъ. Передъ фасадомъ, обращеннымъ къ Капитолію, находится площадка, откуда открывается довольно полный видъ на форумъ. Станемъ на это удобное центральное мѣсто и посмотримъ на картину, открывающуюся передъ нами.

Я не удивлюсь, если первый взглядъ не соотвѣтствуетъ нашему ожиданію. Чтобы соединить два квартала современнаго города пришлось оставить среди раскопокъ некрасивый проходъ, который называется улицей Утѣшенія; она какъ будто отдѣляетъ отъ площади памятники наиболѣе близкіе къ Капитолію и не позволяетъ охватить форумъ на всемъ его протяженіи. Нельзя себѣ представить его въ томъ видѣ, какимъ онъ долженъ былъ быть, не устранивъ мысленно это неудобное препятствіе. Послѣ этого перваго препятствія приходится одолѣть еще другое. Передъ нами безформенныя развалины. Эти нагроможденные обломки совсѣмъ некрасивы; чтобы они могли подѣйствовать на наше воображеніе, намъ должны сказать, къ какимъ зданіямъ они принадлежали, мы должны знать ихъ имена и исторію.

Послѣ многихъ нащупываній и недоумѣній этого достигли, наконецъ. Ученые почти одинаково обозначаютъ памятники форума. Я удовольствуюсь тѣмъ, что приведу наиболѣе существенные тексты, на которые опираются эти названія.

Въ царствованіе Домиціана сенатъ, знавшій, что императоръ очень падокъ до почестей, пожелалъ поставить ему колоссальную статую, какъ дѣлали при Неронѣ. Ее поставили посерединѣ форума, и Стацій, придворный поэтъ, воспѣлъ ее въ стихахъ, гдѣ, совершенно пренебрегая стыдливостью и правдой, онъ прославляетъ кротость Домиціана, ставитъ его гораздо выше Цезаря и заставляетъ античныхъ республиканскихъ героевъ расточать ему похвалы. Къ счастью среди всѣхъ этихъ плоскихъ рѣчей, къ которымъ мы чувствуемъ отвращеніе, онъ оказалъ намъ и важную услугу; описывая статую, онъ перечисляетъ зданія, которыми она окружена, называетъ ихъ имена и мѣста, которыя они занимаютъ, и дѣлаетъ это такъ точно, что позволяетъ намъ оріентироваться среди развалинъ. Но чтобы воспользоваться его указаніями, надо знать, въ какую сторону смотрѣла статуя. Стацій сообщаетъ это намъ съ большой точностью. „Твоя голова, говоритъ онъ императору, возвышается надъ самыми высокими храмами. Ты смотришь, не возстанавливается ли твой дворецъ великолѣпнѣе послѣ пожара и не перестаетъ ли горѣть священный огонь въ уединенномъ убѣжищѣ, гдѣ онъ долженъ поддерживаться“. Другими словами это значитъ, что императоръ смотритъ на храмъ Весты и Палатинскій холмъ. А вотъ и памятники, среди которыхъ онъ поставленъ; трудно обозначить ихъ яснѣе и точнѣе. „За тобой возвышается храмъ Веспасіана, твоего отца, и храмъ Согласія; съ одной стороны у тебя базилика Юлія, съ другой Эмилія. Передъ собой ты видишь памятникъ, поставленный тому, кто первый открылъ дорогу къ къ небу нашимъ монархамъ“, т.-е. храмъ, воздвигнутый Юлію Цезарю послѣ его апоѳеоза.

Итакъ, зданіе, находящееся противъ статуи Домиціана и какъ разъ то, на которое мы стали,

чтобы посмотрѣть на форумъ, это храмъ Цезаря. Этотъ памятникъ имѣетъ исторію, съ которой интересно познакомиться. Это то мѣсто, куда принесли тѣло великаго диктатора въ день его похоронъ; тамъ Антоній, раскрывъ его и показывая на его кровавыя раны, поднялъ толпу; тамъ онъ былъ сожженъ толпой, пьяной отъ боли и гнѣва, при помощи лавокъ и сѣдалищъ, принесенныхъ изъ сосѣднихъ зданій. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого на томъ же мѣстѣ въ его честь воздвигли жертвенникъ и колонну въ 20 футовъ, гдѣ приносили ему жертвы. Когда его партія восторжествовала и изъ него офиціально сдѣлали бога, жертвенникъ сталъ храмомъ, торжественно посвященнымъ Августу. Отъ него сохранилась только нижняя часть и площадка, которую мы занимаемъ, все что осталось отъ трибуны для рѣчей, съ которой императоры иногда обращались къ народу.

Налѣво отъ насъ, вдоль улицы, поднимающейся къ Капитолію, вниманіе наше привлекаютъ развалины обширнаго зданія, самаго красиваго изъ открытыхъ на форумѣ; оно носитъ еще имя Цезаря; это базилика Юлія. Она начата была диктаторомъ и окончена его племянникомъ; но какъ только она была окончена, она была уничтожена пожаромъ и пришлось отстраивать ее заново. Августъ воспользовался этимъ, чтобы сдѣлать ее больше и красивѣе. Отъ нея сохранился мраморный полъ, на нѣсколько ступеней возвышающійся надъ сосѣдними улицами и занимающій поверхность въ 4500 метровъ. Такъ какъ сохранились слѣды колоннъ и столбовъ, на которые опирались своды зданія, возможно возстановить его планъ. Базилика состояла изъ центральной залы, гдѣ творили правосудіе. Она была настолько обширна, что вмѣщала четыре судилища, которыя судили вмѣстѣ или порознь. Тутъ велись самые важные процессы во времена имперіи; тутъ Квинтиліанъ, Плиній Младшій и другіе знаменитые адвокаты имѣли большой успѣхъ. Двойной рядъ портиковъ окружалъ эту большую залу. Портики служили иногда мѣстомъ прогулки и развлеченія; они очень посѣщались обоими полами. Овидій (въ Ars amatoria I, 65) очень совѣтуетъ молодому человѣку, желающему сдѣлать первое нападеніе, отправляться туда въ жаркое время дня; толпа такъ многочисленна, что ему легко будетъ найти то, что онъ ищетъ. Не только модные молодые люди и женщины легкаго поведенія прогуливались подъ портиками базилики Юлія; приходило также немало простолюдиновъ, праздношатающихся, безработныхъ, которыхъ всегда было много въ этомъ большомъ городѣ, гдѣ императоръ и богатые обязывались кормить и забавлять бѣдныхъ. Они оставили свои слѣды на полу базилики. Мраморная настилка исчерчена множествомъ круговъ и квадратовъ, перечеркнутыхъ обыкновенно прямыми линіями, раздѣляющими ихъ на отдѣльныя части. Это была своего рода шашечная доска, служившая римлянамъ для ихъ игръ. Страсть къ игрѣ достигала невѣроятныхъ размѣровъ у этихъ праздныхъ людей. Въ ней принимали участіе не только темныя личности, и Цицеронъ говоритъ въ своихъ филиппикахъ о значительномъ лицѣ, не стыдившемся играть на форумѣ. Въ концѣ республики пробовали остановить эту страсть закономъ, но за-

конъ этотъ не приводился въ исполненіе; играли во все время имперіи и свѣжіе слѣды, избороздившіе базилику Юлія, доказываютъ, что играли и въ послѣдніе дни Рима. Базилика должна была быть довольно высока. Надъ первымъ рядомъ портиковъ находился второй, куда вела лѣстница, слѣды которой видны до сихъ поръ. Этотъ этажъ возвышался надъ площадью; оттуда Калигула бросалъ деньги народу, желая доставить себѣ удовольствіе видѣть, какъ люди давятъ другъ друга, подбирая монеты. Оттуда можно было видѣть, что происходило внутри базилики, и слѣдить за рѣчами адвокатовъ. Плиній разсказываетъ, что когда онъ защищалъ дочь, лишенную наслѣдства отцомъ, который въ 80 лѣтъ влюбился въ интриганку, толпа была такъ велика, что не только наполнила залу, но и верхнія галлереи полны были мужчинами и женщинами, пришедшими его послушать.

Зная базилику Юлія, становится легко знать имена окружающихъ ее памятниковъ. Императоръ Августъ говоритъ въ Анкирской надписи: „Я окончилъ базилику, начатую моимъ отцомъ и лежащую между храмомъ Кастора и храмомъ Сатурна“. Слѣдовательно, сосѣдніе памятники опредѣлены здѣсь совершенно точно. Храмъ Сатурна, гдѣ хранилась государственная казна, возвышается у подножія Капитолія. Отъ него осталось восемь колоннъ, довольно грубо вытесанныхъ. Онѣ были исправлены въ концѣ имперіи между двумя нашествіями и работа эта была исполнена съ такой поспѣшностью и такой небрежностью, что столбы ставились часто верхомъ внизъ. Другой храмъ, сосѣдній съ Палатинскимъ холмомъ, это храмъ Кастора или Діоскуровъ, который Цицеронъ называетъ „самымъ знаменитымъ памятникомъ, свидѣтелемъ всей политической жизни римлянъ“. Отъ него остается три колонны, которыми издавна занимались и восхищались художники. Онѣ еще больше поражаютъ теперь, такъ какъ, благодаря раскопкамъ, ихъ можно видѣть съ самаго низа и онѣ кажутся еще болѣе изящными и смѣлыми.

Противъ насъ, въ глубинѣ форума, поднимается большая современная стѣна, очень некрасивая, принадлежащая къ муниципальному дворцу и покоющаяся на античныхъ основаніяхъ. Этотъ фундаментъ относится къ республиканской эпохѣ; и найденная тамъ надпись сообщаетъ намъ, что онъ положенъ Лутаціемъ Катуломъ, окончившимъ Капитолій послѣ смерти Суллы. Это остатки важнаго зданія, гдѣ хранился государственный архивъ и которое называлось Aerarium populi romani (казна римскаго народа) или Tabularium. Оно состояло изъ нижней части изъ туфа, надъ которой по Дютеру возвышались два этажа портиковъ. Зданіе это, которое должно было быть ниже современной стѣны и открывало Капитолій, величественно замыкало форумъ съ сѣверной стороны. Ниже находятся два храма, поименованныхъ, какъ мы видѣли, Стаціемъ. Одинъ—это храмъ Веспасіана, построенный его сыномъ Доміціаномъ поблизости отъ храма Сатурна; отъ него сохранилось три колонны. Второй—это храмъ Согласія, совершенно разрушенный. Это былъ великолѣпный памятникъ, изъ котораго сдѣлали своего рода музей. Въ немъ восхищались шедеврами греческихъ артистовъ, выгравированными

камнями, рѣдкостями естествовѣдѣнія. Во время имперіи сохранился обычай посвящать Согласію драгоцѣнныя золотыя и серебряныя вещи. Нѣкоторыя изъ этихъ приношеній дѣлались въ пользу царей преданными подданными. Среди развалинъ храма нашли надпись, въ которой просятъ богиню Согласія продолжить дни Тиверія и въ которой онъ называется „лучшимъ и самымъ справедливымъ изъ монарховъ". Нѣсколько впереди этихъ храмовъ находились двѣ тріумфальныя арки, одна существующая до сихъ поръ, арка Септимія Севера, другая исчезнувшая, воздвигнутая въ честь Тиверія въ концѣ базилики Юлія близъ храма Сатурна. Онѣ съ этой стороны представляютъ ворота, выходныя съ форума. Между обѣими арками находился памятникъ, который долженъ былъ покрывать всю средину площади, когда онъ былъ цѣлъ. Отъ него остаются двѣ большія стѣны: первая тянется по прямой линіи приблизительно на 24 метра; нѣкоторыя ея части очень хорошо сохранились, особенно со стороны арки Тиверія. Вторая, находящаяся на разстояніи нѣсколькихъ метровъ ближе къ Капитолію, имѣетъ полукруглую форму; она сохраняетъ еще обшивку изъ розоваго мрамора и должна была составлять родъ полукружія. Обѣ были, кажется, соединены маленькой боковой стѣной, отъ которой можно отличить еще нѣкоторые остатки, такъ что, не сливаясь, онѣ, повидимому, относились къ одной группѣ.

Когда видишь эти двѣ длинныя почти параллельныя стѣны, за которыми поднимается Капитолій и передъ которыми открывается весь форумъ, сейчасъ-же приходитъ въ голову мысль,

что на нихъ должна была находиться трибуна для рѣчей. Мѣсто это повидимому было очень удобно, чтобы держать рѣчь передъ собраннымъ народомъ. На это сразу обратили вниманіе почти всѣ археологи. Но нѣкоторые изъ нихъ, видя, что полукруглая стѣна нѣсколько выше другой и была тщательно украшена, думали, что она и представляла пьедесталъ трибуны. Жорданъ возстаетъ противъ этого взгляда и доказываетъ, что въ немъ нѣтъ ничего вѣроятнаго. Дѣйствительно, невозможно понять, почему трибуна была помѣщена на стѣну всего болѣе отдаленную отъ форума и для чего ставили толстую стѣну и террасу между ораторомъ и публикой. Если бы поступили такъ, достигли бы того страннаго результата, что самые близкіе слушатели не могли бы видѣть оратора и что видѣли бы его только тѣ, которые уже не могли его слышать. Мы кромѣ того имѣемъ барельефы, на которыхъ изображена трибуна; вездѣ толпа свободно двигается у ногъ того, слушать кого она пришла, и не отдѣлена отъ него никакимъ препятствіемъ. Но вотъ еще послѣдній доводъ, который окончательно убѣдитъ насъ. Вдоль длинной прямой стѣны, находящейся впереди второй, можно замѣтить на одной линіи и на равныхъ разстояніяхъ отверстія отъ 6 до 10 сантиметровъ шириной и входящія въ туфъ на глубину 50 — 60 сантиметровъ. Ясно, что эти отверстія продѣлали такъ глубоко лишь для того, чтобы поддержать какую-то тяжелую вещь. Еще въ 1858 г. римскій архитекторъ заподозрилъ, что отверстія могли служить только для корабельныхъ носовъ, которыми, какъ извѣстно, была украшена римская

трибуна. Такого же мнѣнія держится Жорданъ и трудно его не раздѣлять. Слѣдовательно, тамъ, а не надъ полукруглой стѣной, слѣдуетъ помѣщать трибуну и по сохранившимся развалинамъ ее легко возстановить. Она простиралась отъ арки Тиверія до арки Септимія Севера, такъ что почти закрывала форумъ съ этой стороны. Правая стѣна, которая образовывала ея фасадъ со стороны форума, имѣла обшивку изъ бѣлаго мрамора, не вполнѣ исчезнувшую. Внутри къ ней примыкали столбы изъ известковаго туфа, на которыхъ лежали большія каменныя плиты; эти плиты съ другой стороны лежали на другихъ столбахъ противъ первыхъ, соединенныхъ между собой кирпичными арками. Думаютъ, что арки были прибавлены къ первоначальной постройкѣ позже, чтобы сдѣлать ее крѣпче. Наверху простиралась площадка въ 24 метра длины и 4 ширины, откуда обращался къ толпѣ ораторъ.

Но если вѣрно, что на большой прямой стѣнѣ, которая стояла противъ форума и была украшена корабельными носами, находилась трибуна, для какой цѣли служила вторая стѣна? Жорданъ думаетъ, что она предназначалась для важныхъ людей желавшихъ посмотрѣть на эти большія народныя сцены. Стоя за трибуной, нѣсколько выше ея, они могли съ этого изящнаго полукружія видѣть передъ собой всю площадь; отъ нихъ ничто не ускользало изъ того, что происходило на трибунѣ и среди толпы. Мы только что видѣли, что въ республиканскую эпоху въ комиціи уже находилась площадка, откуда чужеземные послы смотрѣли на народное собраніе. Такъ какъ послы греческихъ городовъ

имѣли всего больше дѣла съ римлянами и слѣдовательно всего больше пользовались этимъ зрѣлищемъ, мѣсто это называли Грекостасомъ. Очень вѣроятно, что Грекостасъ подвергся разрушенію вмѣстѣ съ комиціемъ; но онъ не погибъ безвозвратно, и мы видимъ, что позже онъ былъ возстановленъ подъ слегка измѣненнымъ названіемъ Грекостадія; Жорданъ предлагаетъ видѣть въ круглой стѣнѣ Грекостадій имперіи. Полукружіе заканчивалось двумя маленькими круглыми памятниками, изъ которыхъ одинъ существуетъ до сихъ поръ. Предполагаютъ, что это былъ такъ называемый пупъ Рима (umbilicus Romae), который считался центральнымъ пунктомъ города, такъ же какъ Дельфійскій омфалосъ принимали за центръ міра. Второй, который долженъ былъ стоять на противоположномъ концѣ около храма Сатурна, это золотой милліарій (milliarium aureum), откуда со временъ Августа начинались всѣ большія дороги имперіи. Тутъ 15 января 69 г. 23 солдата гвардіи поджидали Отона при спускѣ съ Палатинскаго холма, чтобы провозгласить его императоромъ и увезти его въ лагерь преторіанцевъ.

Итакъ, благодаря раскопкамъ на форумѣ, мы овладѣли трибуной для рѣчей, которую мы видимъ вблизи, изучаемъ въ подробностяхъ и которая конечно поможетъ намъ понять условія античнаго краснорѣчія. Но была ли это единственная трибуна? Не знали ли другой римляне республики и имперіи? И среди разныхъ трибунъ, память о которыхъ сохранилась, какое имя и какое мѣсто надо придать той, которая намъ возвращена? Жорданъ занялся вновь этими

спорными вопросами и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Не можетъ быть никакого спора о трибунѣ республиканской эпохи; какъ мы видѣли, она находилась въ комиціи очень близко отъ куріи, т. е. между церковью св. Адріана и храмомъ Фаустины. Эта первая трибуна существовала столько же, сколько республика. Только въ 710 г. Цезарь перемѣстилъ ее; для уничтоженія ея онъ несомнѣнно воспользовался тѣми передѣлками, которыя онъ предпринялъ на форумѣ; но куда перенесъ онъ ее? На основаніи одного мѣста Діона Кассія можно, повидимому, придти къ заключенію, что прежняя трибуна находилась среди площади и что новую поставили на одну изъ оконечностей. Та, которую нашли близъ арки Севера и о которой только что была рѣчь, вполнѣ соотвѣтствуетъ этому условію. Однако не будемъ дѣлать поспѣшнаго заключенія, что это дѣйствительно трибуна Цезаря, потому что на противоположномъ концѣ находилась трибуна, къ которой могутъ тоже относиться слова Діона. Мы только что видѣли, что передъ храмомъ Цезаря, построеннымъ тріумвирами, находилась площадка, служившая трибуной, откуда обращались къ народу. Чтобы сравнять ее съ древней, Августъ послѣ сраженія при Акціумѣ украсилъ ее корабельными носами, взятыми въ сраженіи. Ее называли rostra aedis divi Juli или rostra Julia. Но самое это названіе указываетъ, что это не была настоящая трибуна, которую называли просто „трибуной“ (rostra), не прибавляя никакихъ эпитетовъ. Одно мѣсто Сенеки доказываетъ, что она находилась противъ арки Фабія, т. е. со стороны

Капитолія. Чтобы обозначить форумъ на всемъ его протяженіи, не достаетъ двухъ конечныхъ пунктовъ, и онъ говоритъ: „отъ ростръ до арки Фабія.“ Эти ростры могутъ быть только трибуной, нами описанной.

Итакъ, когда Цезарь хотѣлъ перемѣстить древнюю республиканскую трибуну для рѣчей, съ цѣлью можетъ быть уничтожить воспоминаніе о республиканцахъ въ Римѣ, онъ поставилъ ее нѣсколько выше къ сѣверу, на концѣ форума, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее нашли. Онъ помѣстилъ въ стѣну новой трибуны желѣзные носы судовъ, украшавшіе прежнюю трибуну въ теченіе 300 лѣтъ и давшіе ей свое имя; и какъ мы видимъ, отверстія, куда были вложены носы, существуютъ до сихъ поръ. Онъ перенесъ туда и важнѣйшіе памятники, которыми она была окружена; дѣйствительно, мы знаемъ, что надпись на колоннѣ Дуилія была найдена очень близко отъ арки Севера. Однимъ словомъ это была старая трибуна, только перемѣщенная, но сохранившая со своими великими воспоминаніями и свою древнюю славу. Другая, трибуна храма Цезаря, съ которой въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ произносили надгробныя рѣчи членамъ императорскаго дома и даже обнародовали законы, все же далеко не имѣла того же значенія. Мы не видимъ, чтобы во все время существованія имперіи тамъ воздвигали почетные памятники, въ то время какъ вокругъ настоящей трибуны продолжали сооружать статуи, колонны, надписи въ честь великихъ людей, умершихъ или живыхъ императоровъ. До конца это наиболѣе посѣщаемое, наиболѣе видное

мѣсто города, celeberrimus, perspectissimus locus. Въ 406 г., когда вообразили было, что Стилихонъ спасъ имперію отъ варваровъ, римскій народъ соорудилъ ему статую изъ золота и серебра, „чтобы сохранить на вѣчныя времена память о его дѣяніяхъ“ и поставилъ ее близъ ростры.

Представимъ себѣ трибуну не въ томъ видѣ, какъ она теперь, среди груды развалинъ, но окруженную всѣми этими великолѣпными памятниками, напоминавшими о великихъ людяхъ и великихъ событіяхъ. Чтобы имѣть передъ собой болѣе живую картину, вообразимъ себѣ трибуну, какъ она изображена на аркѣ Константина, со всѣми ея колоннами, съ ея статуями въ стоячей или сидячей позѣ, выдѣляющуюся на суровой стѣнѣ tabularium'а между двумя тріумфальными арками, стоявшими по бокамъ отъ нея, имѣя передъ собой форумъ, окаймленный храмами и базиликами; вообразимъ себѣ эту длинную террасу, часть которой сохранилась, украшенную изящной мраморной балюстрадой, гдѣ стоятъ на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой головы Гермеса; поставимъ туда, какъ на барельефѣ, монарха, обращающагося къ народу, со всѣми окружающими его сановниками и мы будемъ имѣть представленіе о впечатлѣніи, какое могъ производить этотъ памятникъ въ дни офиціальныхъ торжествъ.

Несомнѣнно, эта трибуна для насъ не такъ славна, какъ помѣщавшаяся въ концѣ комиція и слышавшая Сципіона Эмиліана, Катона, Гракховъ и Цицерона. То была трибуна временъ имперіи, т. е. времени, когда народъ не призывался уже для обсужденія своихъ дѣлъ и довольствовался тѣмъ, что яростно рукоплескалъ своимъ господамъ, которые его хорошо накормили и удовлетворили зрѣлищами. Августъ, разсказываетъ Тацитъ, умиротворилъ краснорѣчіе, какъ все остальное, Divus Augustus eloquentiam sicut cetera pacavit; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы онъ, боясь его, совсѣмъ его устранилъ. Еще оставалось нѣкоторое мѣсто для слова при императорскомъ режимѣ. Суды и сенатъ часто слышали краснорѣчивыя рѣчи; и даже трибуна форума, которая у насъ передъ глазами и доступъ къ которой имѣли только монархъ и его представители, давала иногда большія представленія. Когда вспомнишь, что тамъ Веспасіанъ, Траянъ, Маркъ Аврелій, Септимій Северъ говорили передъ римскимъ народомъ, излагая ему свои проекты или отдавая ему отчетъ о своихъ славныхъ походахъ, на нее нельзя смотрѣть безъ волненія.

Итакъ, мы знаемъ теперь три стороны форума; одна только сѣверо-восточная не расчищена. Она покрыта кварталомъ новаго Рима и, чтобы раскрыть ее, пришлось бы сломать всѣ дома отъ Санъ-Лоренцо in Miranda (храмъ Антонина и Фаустины) до св. Мартины. Это будетъ когда-нибудь сдѣлано, и римскій муниципальный совѣтъ пойметъ, что онъ не можетъ оставить свое дѣло недовершеннымъ. По счастію мы приблизительно знаемъ, что тамъ должно находиться. Древніе авторы сообщаютъ намъ это довольно ясно и любопытное открытіе почти ставитъ это передъ нашими глазами. Во время раскопокъ у колонны Фоки нашли два барельефа, по всей вѣроятности перваго вѣка, которые заключены

были въ средневѣковыя постройки. Ихъ сюжетъ подалъ поводъ къ разнымъ спорамъ, но всѣ признаютъ, что мѣсто дѣйствія форумъ и что художникъ желалъ воспроизвести главные его памятники. На одномъ барельефѣ легко узнать храмы Кастора и Сатурна, а также базилику Юлія, т. е. зданіе юго-западной стороны. Такъ какъ второй барельефъ долженъ былъ быть помѣщенъ противъ перваго и въ соотвѣтствіи съ нимъ, на немъ должны находиться зданія противоположной стороны форума, той единственной, которая еще не открыта; въ нихъ надо признать базилику Эмилія и курію Цезаря; такимъ образомъ у насъ имѣются всѣ нужные элементы для знакомства со всѣмъ форумомъ.

Мы однако до сихъ поръ описывали не самый форумъ, а только великолѣпныя зданія, которыми онъ былъ окруженъ. Древніе писатели не смѣшивали ихъ съ самимъ форумомъ; названіе это они прилагали къ внутренней площади, простирающейся между этими храмами и базиликами. Мы знаемъ теперь эту площадь, о которой трудно было имѣть представленіе, пока она была занята развалинами. Раскопки открыли одну часть и даютъ возможность вообразить остальную. Она была, по крайней мѣрѣ въ концѣ имперіи, ограничена со всѣхъ сторонъ и окружена улицами, куда выходили разныя зданія, о которыхъ я говорилъ. Она образуетъ не настоящій квадратъ, какъ думали, а скорѣе трапецію, такъ какъ она шире со стороны Капитолія, чѣмъ на противоположной сторонѣ. На штуфовыхъ плитахъ, которыми она покрыта, поднимаются большія каменныя или кирпичныя глыбы,

на которыхъ должны были покоиться почетные памятники, стоявшие, какъ мы знаемъ, на форумѣ. Насчитываютъ семь такихъ фундаментовъ, помѣщенныхъ на равномъ другъ отъ друга разстояніи. Противъ базилики Юлія они несомнѣнно поддерживали высокія колонны, какова колонна Фоки, воздвигнутыя въ честь какихъ-нибудь великихъ людей. Теперь они производятъ на путешественника довольно непріятное впечатлѣніе и какъ будто загромождаютъ площадь; но несомнѣнно они имѣли совсѣмъ другой видъ, когда кирпичи скрывались подъ мраморной обшивкой и служили пьедесталомъ стройныхъ колоннъ.

Намъ остается разобрать еще только одинъ вопросъ; намъ надо узнать, по какимъ улицамъ ходили внутри форума. При входѣ на площадь у храма Цезаря широкая, покрытая плитами дорога, по которой мы шли отъ арки Тита, дѣлится и образуетъ двѣ улицы. Одна продолжалась по прямой линіи до храма Согласія; она теперь покрыта частью еще не убранными развалинами, но она появляется на высотѣ церкви св. Адріана и проходитъ подъ аркой Севера. Вторая поворачиваетъ на лѣво и идетъ по фасаду храма Цезаря, потомъ идетъ вдоль храма Кастора и базилики Юлія до подъема на Капитолій. Первая улица была продолженіемъ Священной дороги и сначала представляется, что это самая важная и древняя улица форума. Такъ думали многіе ученые, напр. Канина; но Жорданъ держится противоположнаго мнѣнія; онъ думаетъ и доказываетъ, что она довольно поздняго происхожденія; ему представляется невозможнымъ относить ее къ республиканской эпохѣ; дѣйствительно, если

бы она существовала тогда, она черезъ нѣсколько шаговъ натыкалась бы на комицій, который съ этой стороны заходилъ на форумъ. Это почетное мѣсто представляло собой площадку, возвышавшуюся на нѣсколько футовъ надъ землей; невозможно, чтобы улицей разрѣзали ее пополамъ. Слѣдовательно, должны были допустить, что, дойдя до комиція, улица почтительно сворачивала влѣво и окружала площадь; но тутъ является другое затрудненіе: извѣстно, что древняя трибуна для рѣчей помѣщалась на краю комиція, чтобы оратора могли слышать и патриціи, стоявшіе на древней площади, и народъ, собравшійся на форумѣ. Можно ли себѣ представить, что между ораторомъ и публикой провели улицу? Значитъ, въ этомъ мѣстѣ не было улицы, пока существовали комицій и первая трибуна, т. е. до временъ Цезаря. Есть даже основаніе думать, что ея не было въ эпоху, когда построена была тріумфальная арка Севера. Дютеръ, тщательно изучавшій этотъ памятникъ, предполагаетъ, что онъ былъ построенъ на ровномъ и свободномъ мѣстѣ; онъ доказываетъ, что боковыя лѣстницы и дорога, проходящая черезъ главную аркаду, были прибавлены позже и довольно неискусно. Такъ какъ доказано, что эта улица довольно поздняго происхожденія, надо придти къ заключенію вмѣстѣ съ Жорданомъ, что другая улица, которая идетъ вдоль храма Цезаря, базилики Юлія и соединяется съ clivus capitolinus у храма Сатурна, только одна и существовала во время республики и лучшихъ лѣтъ имперіи и что ее можно считать главной артеріей форума.

Слѣдовательно, она была безъ сомнѣнія продолженіемъ Священной дороги; но имѣемъ ли мы право давать ей это названіе? Иногда въ этомъ сомнѣвались. Народъ, какъ мы видѣли, называлъ такъ только часть улицы между аркой Тита и входомъ на форумъ; но Варронъ находилъ, что онъ не правъ, онъ полагалъ, что ея не слѣдуетъ сводить къ такимъ узкимъ предѣламъ и для него часть, окружающая форумъ, была тоже Священной дорогой. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ее ни называть, эта улица была все же одна изъ самыхъ важныхъ и славныхъ въ Римѣ. Она проходила близъ знаменитыхъ зданій; она была окаймлена статуями и памятниками, вызывавшими воспоминаніе о великихъ событіяхъ и лицахъ; наконецъ, она часто представляла зрѣлища, привлекавшія любопытныхъ римлянъ и иностранцевъ. Ежемѣсячно тамъ видѣли большія процессіи жрецовъ, отправлявшихся на Капитолій для какой-нибудь священной церемоніи. Во время національныхъ праздненствъ это была дорога, гдѣ шла такъ называемая процессія цирка, о которой такъ часто говорятъ латинскіе писатели. Такъ какъ игры давались въ честь боговъ, находили естественнымъ, чтобы они при этомъ присутствовали, и думали, что игры доставятъ имъ удовольствіе; поэтому отправлялись за ихъ статуями на Капитолій и съ большимъ торжествомъ везли ихъ въ циркъ на предназначенное для нихъ мѣсто. На великолѣпныхъ колесницахъ, употреблявшихся единственно съ этой цѣлью, въ предшествіи пѣвцовъ, танцовщиковъ, всякаго рода музыкантовъ, въ сопровожденіи шутовскихъ выхо-

докъ, которыми увеселяли толпу manducus, двигавшій своими большими челюстями, какъ будто онъ собирается проглотить маленькихъ дѣтей, citeria, болтунья, вызывавшая шутки присутствовавшихъ и имъ отвѣчавшая, статуи спускались съ храма Юпитера, слѣдовали по улицѣ, которой мы теперь занимаемся, вплоть до vicus Tuscus, еще существующаго между базиликой Юлія и храмомъ Кастора, и оттуда черезъ Велабръ доходили до большого цирка. Другую церемонію, еще болѣе торжественную, представлялъ тріумфъ. Въ лучшее время республики тріумфы праздновали почти каждый годъ, и можно было бы думать, что народъ, привыкшій къ этимъ праздникамъ такъ же какъ къ pompa circi, долженъ былъ постепенно становиться къ нимъ равнодушнѣе. „Я не хочу тріумфа, говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ у Плавта, это слишкомъ обыкновенная вещь". Но это слова неудачника, который спѣшитъ отказаться отъ того, что ему никогда не предложатъ. Въ дѣйствительности въ тріумфахъ былъ всегда новый элементъ, возбуждавшій интересъ, такъ какъ тутъ видѣли побѣжденныхъ воиновъ и вождей съ ихъ костюмами и оружіемъ, несли изображеніе взятыхъ городовъ и самые рѣдкіе продукты завоеванныхъ странъ; этого было достаточно, чтобы возбудить любопытство толпы. Въ точности неизвѣстно, какимъ путемъ тріумфаторъ шелъ съ Марсова поля въ Капитолій; вѣроятно, что онъ шелъ по самому длинному пути, чтобы удовлетворить любопытству какъ можно большаго количества народа. Во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно проходилъ по Священной дорогѣ. Проперцій, описывая заранѣе тріумфъ, который „богъ Цезарь" будетъ праздновать по возвращеніи изъ экспедиціи противъ пареянъ, говоритъ, что если онъ не можетъ получить часть добычи, онъ во всякомъ случаѣ будетъ привѣтствовать побѣдителей на Священной дорогѣ. Слѣдовательно, процессія шла по Священной дорогѣ и если даже она не шла дальше арки Фабія, какъ того хотѣлъ народъ, она должна была пройти форумъ, чтобы дойти до Капитолія; значитъ, она шла по единственной улицѣ тамъ находившейся и еще существующей. Намъ надо съ почтеніемъ ступать по этой землѣ, гдѣ прошло столько великихъ личностей.

Въ ту минуту, когда тріумфаторъ входилъ на крутой спускъ, называвшійся clivus capitolinus, зловѣщій кортежъ отдѣлялся отъ веселой толпы, сопровождавшей его колесницу. Это былъ побѣжденный, котораго цѣлый день водили за побѣдителемъ по римскимъ улицамъ и отдавали глумленію толпы. По окончаніи праздника его уводили въ зловѣщую Мамертинскую тюрьму, чтобы тамъ предать смерти. Этой участи подверглись два самые благородные врага Рима Югурта и Верцингеториксъ, виновные въ томъ, что мужественно защищали независимость своего отечества. Въ это время побѣдитель, продолжая путь, проходилъ мимо площадки, гдѣ находится изящный портикъ „соединенныхъ боговъ" и то, что считаютъ лавками писцовъ; оттуда онъ приходилъ къ знаменитому храму Юпитера, стоявшему близъ Тарпейской скалы, фундаментъ котораго недавно нашли подъ дворцомъ Каффарелли.

V

Впечатлѣніе, которое первоначально производитъ форумъ. Отсутствіе симметріи. Небольшое протяженіе площади. Разнообразные обычаи, которымъ она служила. Политическія собранія. Какимъ образомъ слышно было ораторовъ? Какимъ образомъ площадь могла вмѣщать весь народъ, который долженъ былъ тамъ собираться?

Мы познакомились съ форумомъ и исторіей его важнѣйшихъ зданій; намъ легко въ воображеніи возстановить всѣ эти развалины и представить себѣ, что должна была представлять эта площадь, раньше чѣмъ время придало ей тотъ видъ, въ какомъ она теперь находится. Постараемся представить себѣ, какое впечатлѣніе она произвела бы на насъ, если бы мы могли ее увидѣть такой, какой она была наканунѣ нашествія варваровъ, когда ею восхищались еще посѣтители.

Чтобы быть ею пораженнымъ, по моему мнѣнію, надо совершить надъ собой нѣкоторое насиліе и, что всегда трудно, забыть на минуту наши привычки и предразсудки. Мы привыкли считать главными достоинствами площади ея правильность, симметрію и протяженіе. Надо сознаться, что этими качествами форумъ не обладалъ. У него недостатокъ, замѣтный всегда, когда постройка сдѣлана не по опредѣленному плану. Можно сказать, что планъ составленъ вѣками; не было архитектора, который заранѣе опредѣлилъ бы пропорціи площади и распредѣлилъ памятники вокругъ нея. Какъ мы видѣли, она первоначально состояла изъ разныхъ и неравныхъ этажей; надъ болотистой равниной возвышался комицій, надъ которымъ была курія, потомъ vulcanal, откуда поднимались по крутому подъему на Капитолій. Впослѣдствіи постройка большихъ зданій скрыла частью разницу въ уровнѣ; но зданія эти, случайно построенныя въ разныя эпохи, часто не соотвѣтствуютъ другъ другу; они поставлены безъ опредѣленнаго порядка и нагромождены одно на другое. Такъ какъ великіе люди, управлявшіе республикой, желали оставить по себѣ память на самомъ знаменитомъ мѣстѣ Рима, не осталось пустого пространства вокругъ площади; тамъ находилось нѣсколько базиликъ, семь или восемь храмовъ, дворецъ для сената, проходы или Янусы для дѣловыхъ людей и по крайней мѣрѣ три тріумфальныя арки. Пространство, находившееся между этими зданіями, которое слѣдовало бы оставить пустымъ для публики, было заполнено трофеями, маленькими сооруженіями, колоннами, особенно статуями, составлявшими, по выраженію Шатобріана, цѣлый мертвый народъ среди живого народа. Отъ тщеславія ихъ развелось такъ много, что сенатъ иногда бывалъ вынужденъ снимать часть статуй. Изъ колоннъ нѣкоторыя должны были занимать значительное мѣсто; онѣ были окружены балкономъ, съ котораго виденъ былъ весь форумъ; когда счастливый и благодарный кандидатъ давалъ народу какое-нибудь зрѣлище, потомки тѣхъ, въ чью честь возведена была колонна, имѣли право стать со своимъ семействомъ на эту своеобразную трибуну и смотрѣть оттуда на гладіаторовъ и атлетовъ. Приходится опасаться,

что на первый взглядъ форумъ можетъ не понравиться, что нагроможденіе богатства можетъ нѣсколько утомить умъ и что будутъ сожалѣть, не находя тамъ настоящаго порядка, простоты и симметріи.

Но первое впечатлѣніе долго не продолжается и мы размышляемъ о событіяхъ и лицахъ, которыя вызываютъ въ нашей памяти всѣ эти зданія. Здѣсь можно сказать съ Цицерономъ: „куда ни поставишь ногу, вездѣ появляется историческое воспоминаніе". Форумъ не такая площадь, какія встрѣчаются во всѣхъ городахъ и было бы несправедливо прилагать къ нему обыкновенныя правила. Не надо требовать отъ него, чтобы по своему общему плану и по своимъ размѣрамъ онъ вполнѣ походилъ на другія площади, такъ какъ онъ обладаетъ особеннымъ характеромъ и спеціальнымъ родомъ красоты, проявляющимся въ томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ всю исторію страны. Значительное число его памятниковъ, сначала удивлявшее насъ, объясняется и оправдывается количествомъ славныхъ событій, о которыхъ они хранятъ память. Несмотря на то, что нашъ вкусъ испытываетъ нѣкоторое недовольство, я думаю, нашъ глазъ скоро привыкнетъ къ этому нѣсколько спутанному зрѣлищу и что мы даже найдемъ въ немъ нѣкоторую живописность, не встрѣчающуюся въ торжественной и холодной правильности нашихъ площадей.

Труднѣе снять съ форума другой упрекъ, который ему дѣлали и который довольно заслуженъ. Когда обнимаешь его въ цѣломъ, прежде всего поражаетъ, что онъ не особенно великъ.

Видя, что онъ такой небольшой въ глубину и въ длину, спрашиваешь себя, какимъ образомъ онъ могъ годиться для всѣхъ цѣлей, которымъ служилъ. Древніе писатели сообщаютъ намъ, что это было наиболѣе посѣщаемое мѣсто въ Римѣ. Тамъ собирались праздные люди, которыхъ всегда такъ много въ большихъ городахъ; Горацій разсказываетъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе гулять тамъ каждый вечеръ. Онъ по обыкновенію бродилъ по Священной дорогѣ, когда встрѣтилъ назойливаго человѣка, приставшаго къ нему и требовавшаго отъ него, чтобы Горацій представилъ его Меценату. Любопытство находило тамъ обильную пищу; не говоря о всевозможныхъ шарлатанахъ, попадавшихся тамъ въ большомъ количествѣ, тамъ иногда устраивали настоящія выставки живописи; подъ портиками или въ храмахъ тамъ часто выставлялись шедевры Греціи послѣ ея покоренія, и любители ихъ разсматривали. Побѣдоносные полководцы, желая рельефнѣе выставить плоды своихъ побѣдъ. иногда предлагали искуснымъ художникамъ изобразить сраженія, въ которыхъ они принимали участіе, и выставить ихъ на форумѣ. Одинъ изъ нихъ, преторъ Манцинъ, довелъ свою любезность до того, что стоялъ рядомъ съ картиной, представлявшей его подвиги, и давалъ желающимъ объясненія. Такое вниманіе очаровало народъ, избравшій его на слѣдующій годъ консуломъ. У подножія трибуны сходились собиратели новостей и политиканы; они составляли оживленныя группы, страстно обсуждавшія вопросы дня; они распространяли страшные слухи, предлагали проекты законовъ и планы кампа-

ній, они не щадили ни государственныхъ людей, не пользовавшихся популярностью, ни полководцевъ, не одержавшихъ сразу побѣды. Тамъ же подъ первыми солнечными часами, установленными въ Римѣ, собирались молодые модники, которые тщательно выщипывали волосы на лицѣ или носили красиво подрѣзанную бороду. Неподалеку тотуда, близъ базилики Эмилія, находилась биржа. Банкиры имѣли свои лавки вокругъ сводчатыхъ проходовъ, называвшихся Янусами; они сидѣли за столами и записывали въ свои торговыя книги деньги, которыя имъ довѣрили, или сумму, которую они согласились дать подъ хорошую гарантію и на огромные проценты. Тамъ встрѣчались управляющіе знатныхъ домовъ, купцы, ростовщики, должники; тамъ обсуждали важныя дѣла, тамъ довольно скоро богатѣли, но еще скорѣе становились вновь бѣдными; сколько состояній, считавшихся солидными, потерпѣли, по выраженію Горація, кораблекрушеніе между двумя Янусами!

На форумѣ давали иногда народныя представленія, особенно состязанія гладіаторовъ. Незачѣмъ прибавлять, что въ такіе дни онъ былъ переполненъ. Цицеронъ сообщаетъ, что это было зрѣлище, излюбленное толпой и къ которому она относилась наиболѣе страстно. Толпились, чтобы лучше видѣть, не только по сосѣдству съ ареной, но и на ступеняхъ храмовъ и на площадкахъ базиликъ и вдоль улицъ, поднимавшихся къ Капитолію. Праздникъ продолжался часто нѣсколько дней и кончался обыкновенно большимъ пиромъ, на которомъ угощали всѣхъ присутствующихъ. Столы ставились на площади и за нихъ садились

всѣ желающіе. Чтобы можно было безпрепятственно ѣсть и смотрѣть, несмотря на пылающее солнце, Цезарь закрылъ весь форумъ завѣсами, защищавшими всѣхъ въ теченіе трехъ или четырехъ дней что продолжался праздникъ; Діонъ сообщаетъ, что это были шелковыя завѣсы. Эта роскошь превратилась въ обычай и при Августѣ случилось даже, что вслѣдствіе сильной жары завѣсъ не снимали все лѣто. Зрѣлище еще болѣе обыкновенное, чѣмъ состязанія гладіаторовъ, доставляли любопытнымъ похороны выдающихся дѣятелей. Процессія проходила черезъ форумъ; въ ней участвовали музыканты, игравшіе на флейтахъ и на трубахъ и оглушавшіе присутствовавшихъ, плакальщицы, рвавшія себѣ лицо и волосы, толпы друзей, кліентовъ, служителей знатныхъ домовъ, наконецъ колесницы или носилки, на которыхъ несли изображенія предковъ; число ихъ бывало очень значительно, когда фамилія была древняя; на похоронахъ Марцелла ихъ было больше шестисотъ. Что довольно трудно понять и что должно было производить невѣроятную тѣсноту это то, что похороны не сворачивали съ форума даже тогда, когда онъ былъ занятъ другими собраніями. Это извѣстно изъ знаменитаго анекдота, разсказаннаго Цицерономъ и вслѣдъ за нимъ повтореннаго многими. Ораторъ Крассъ защищалъ однажды одного изъ своихъ друзей противъ Марка Брута, очень злого человѣка, который не дѣлалъ чести своему имени и зарабатывалъ деньги ремесломъ обвинителя, послѣ того какъ растратилъ свое состояніе. Дѣло было трудное, потому что Брутъ отличался ловкостью, и пылъ

ненависти часто дѣлалъ его краснорѣчивымъ. Какъ разъ въ этотъ день онъ говорилъ очень остроумно и нападалъ на противника съ ѣдкой ироніей. Вдругъ во время рѣчи Красса по форуму прошла похоронная процессія; несли женщину изъ рода Брута, окруженную изображеніями предковъ. Крассъ воспользовался этимъ случаемъ и, обращаясь къ противнику, сказалъ: „что дѣлаешь ты, спокойно сидя здѣсь? Что разскажетъ про тебя эта старая женщина твоему отцу и всѣмъ великимъ мужамъ, изображенія которыхъ ты видишь передъ собой, и знаменитому Луцію Бруту, освободившему народъ отъ ига царей? Какой трудъ, какую славу, какую добродѣтель припишетъ она тебѣ.“ И онъ продолжалъ упрекать въ недостойной жизни потомка столь великаго рода. Такимъ образомъ зрѣлище, происходившее на форумѣ, дало великому римскому оратору пищу для одного изъ самыхъ красивыхъ ораторскихъ оборотовъ.

Но всего больше привлекали толпу на форумъ политическія собранія. Они бывали трехъ родовъ: 1) законодательныя комиціи, вотировавшія законы; 2) обыкновенныя собранія (conciones), на которыхъ ничего не вотировали и которыя созывалъ магистратъ, имѣвшій сдѣлать какое-нибудь сообщеніе народу; 3) политическіе процессы, которые велись публично, передъ присяжными, выбранными по жребію, и подъ предсѣдательствомъ претора. Изъ этихъ трехъ собраній самымъ важнымъ было первое, т.-е. законодательныя комиціи; вмѣстѣ съ тѣмъ оно происходило всего рѣже. Хотя свободные народы и страдаютъ маніей передѣлывать законодательства, не-

возможно каждый день издавать и отмѣнять законы. Прибавлю, что на эти собранія стремились всего меньше. Эти большія серьезныя рѣчи, въ которыхъ развиваютъ общія идеи и обсуждаютъ государственные интересы, менѣе у мѣста въ народныхъ собраніяхъ, чѣмъ въ собраніяхъ небольшихъ, состоящихъ исключительно изъ образованныхъ людей. Толпа находитъ въ нихъ обыкновенно мало удовольствія, они слишкомъ тихи и холодны для нея. Чтобы захватить Римъ нужно было, чтобы къ обсужденію примѣшался личный вопросъ; поэтому такое важное значеніе придавали политическимъ процессамъ; они велись такъ же часто, какъ въ Аѳинахъ, и государственные дѣятели всю свою жизнь обвиняли и защищались. Партіи не имѣли другого средства нападать другъ на друга, какъ только предавать суду своихъ главарей. Очень драматическія сцены представлялись, когда значительное лицо являлось на форумъ защищать свою честь и свое состояніе, окруженное своимъ семействомъ въ слезахъ, своими кліентами и друзьями; поэтому толпа устремлялась на процессы. Она была не менѣе многочисленна на собраніяхъ, собиравшихся магистратами, чтобы говорить съ народомъ. Демократія вездѣ очень требовательна и подозрительна; въ Римѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, она желала, чтобы тѣ, кому она поручила государственныя должности отдавали ей отчетъ въ своемъ поведеніи. Кто желалъ сохранить довѣріе народа, долженъ былъ исполнять эту обязанность. Катонъ, представлявшій наиболѣе современный типъ народнаго магистрата, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ со своими

избирателями. Онъ часто собиралъ ихъ, чтобы подробно сообщить имъ, что онъ сдѣлалъ, высказывалъ имъ обо всемъ свое мнѣніе съ шутовской ироніей, которая такъ нравится толпѣ, бесѣдовалъ съ ними о другихъ и о себѣ, не щадя своихъ противниковъ, которыхъ онъ называлъ охотно развратниками и плутами, расхваливая въ тоже время свою умѣренность и безкорыстіе. Народъ съ большимъ удовольствіемъ выслушивалъ эти сообщенія, такъ какъ они указывали на его верховную власть. Въ минуты народнаго увлеченія, когда извѣстно было, что трибунъ будетъ нападать на сенатъ или говорить на какую-нибудь жгучую тему, ремесленники покидали свои работы, магазины закрывались и изо всѣхъ кварталовъ толпой сходились на форумъ. Въ эти дни переполненный форумъ казался очень тѣснымъ. Онъ становился еще тѣснѣе, когда собирались законодательныя комиціи. Тогда приходилось принимать нѣкоторыя мѣры для подачи голосовъ, дѣлить площадь на 35 отдѣльныхъ частей, чтобы поставить туда трибы, построить узкіе проходы, называвшіеся мостами, гдѣ граждане могли проходить только одинъ за другимъ, чтобы опустить въ корзину свою избирательную записку. Когда смотришь на форумъ въ теперешнемъ его видѣ и соображаешь, какъ мало мѣста онъ занимаетъ, очень трудно понять, что онъ когда-нибудь могъ быть достаточенъ для всѣхъ этихъ усложненій и чтобы на немъ могъ собираться весь римскій народъ.

Правда, какъ выше было замѣчено, та площадь, которую мы имѣемъ передъ глазами, не форумъ временъ республики, а форумъ временъ

имперіи. Имперія построила новые памятники, увеличила старые, воздвигла статуи, колонны, все болѣе и болѣе заполнявшія площадь. Слѣдовательно, форумъ во время республики долженъ былъ быть нѣсколько болѣе теперешняго; поэтому большія сцены, тамъ происходившія, представляются намъ болѣе вѣроятными. Прибавлю къ этому, что зданія, которыми его окружили и которыя отняли у него часть поверхности, не мѣшали народу собираться тамъ въ большомъ количествѣ. Въ случаѣ надобности можно было стоять и на ступеняхъ храмовъ. Тѣ, которые не находили мѣста у трибуны, скучивались въ двухъ этажахъ базиликъ; оттуда хорошо было видно и кое что можно было слышать. Такимъ образомъ мы можемъ понять, что, хотя форумъ представляется намъ маленькимъ, онъ все же могъ вмѣщать народныя собранія.

По одной причинѣ онъ однако не могъ быть такимъ обширнымъ, какъ представляется нашему воображенію; голосъ ораторовъ долженъ былъ быть слышанъ. Какими бы крѣпкими легкими не обладали Цицеронъ или Демосѳенъ, не возможно представить себѣ, что они произносятъ рѣчи на парижской площади Согласія. Древнія республики находились въ большомъ затрудненіи, когда имъ нужно было построить площадь; нужно было въ одно и то же время сдѣлать ее настолько обширной, чтобы она могла вмѣщать цѣлый народъ, и настолько тѣсной, чтобы не терялся голосъ оратора. Такъ какъ римскій форумъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ обычнымъ мѣстомъ политическихъ собраній, надо думать, что онъ удовлетворялъ обоимъ

условіямъ. Это фактъ, который необходимо признать, хотя мы и не совсѣмъ хорошо его понимаемъ. Слѣдовательно надо предположить, что ораторы были слышны даже тогда, когда ихъ не особенно внимательно слушали, что голосъ ихъ овладѣвалъ этой шумной толпой, которую сравнивали съ волнами бурнаго моря, которая наносила другъ другу оскорбленія, плевала въ лицо, бросала другъ въ друга камнями и скамьями. Само собою разумѣется, что они достигали этого не безъ труда; имъ нужно было особеннымъ образомъ пользоваться голосовыми средствами, пѣть, такъ сказать, свои рѣчи и особенно сопровождать ихъ выразительной мимикой; отсюда важность ритма и жеста въ античномъ краснорѣчіи. Благодаря всѣмъ этимъ средствамъ они заставляли себя слушать. Положеніе форума, можетъ быть, поможетъ намъ понять то, что сначала представляется настоящимъ чудомъ. Онъ помѣщается въ низинѣ, куда попадаешь крутыми спусками. Около Капитолія это настоящая пропасть; спускъ болѣе отлогъ на противоположномъ концѣ, около арки Тита, но онъ все еще очень замѣтенъ; со всѣхъ сторонъ, какъ тогда выражались, спускались къ форуму. Если сообразить, что это расположеніе мѣстъ, небольшое протяженіе площади, окружающіе ея холмы, замыкающія ея зданія очень благопріятны въ акустическомъ отношеніи, становится нѣсколько менѣе удивительнымъ, что ораторы были слышны и что они производили громадное впечатлѣніе, о которомъ намъ разсказываютъ.

Я только что указывалъ на тѣ соображенія, по которымъ форумъ могъ вмѣщать всѣхъ желавшихъ присутствовать при важномъ процессѣ или подать голосъ на выборахъ. Можетъ быть слѣдуетъ прибавить, что избирателей было меньше, чѣмъ намъ думается; можетъ быть площадь оказывалась довольно вмѣстительной только потому, что часть избирателей оставалась дома. Въ концѣ республики, когда народныя собранія становились болѣе бурными, люди умѣренные и благоразумные, которые во всѣхъ странахъ самые робкіе, стали ихъ чуждаться. Когда замѣтили, что они обыкновенно кончались рѣзней, боявшіеся шума перестали показываться на собраніяхъ. Цицеронъ съ горечью жалуется на абсентеизмъ въ комиціяхъ и говоритъ о законахъ, которые приняты были очень небольшимъ количествомъ гражданъ, не имѣвшихъ даже права голоса. Это объясняетъ, почему римляне такъ легко согласились на имперію; лишиться политическихъ правъ, отъ которыхъ они сами отказались, было для нихъ довольно безразлично.

Все же форумъ при имперіи оказался слишкомъ тѣснымъ; народныя собранія тогда уже не существовали, но становилось все болѣе людей гуляющихъ, праздныхъ, любопытныхъ и иностранцы стекались со всевозможныхъ странъ. Рѣшили не увеличивать древній форумъ, чего достичь можно было бы только разрушая историческіе памятники, но построить другіе вокругъ него. Цезарь началъ это, императоры ему подражали и такъ какъ каждый старался перещеголять своихъ предшественниковъ, расходы становились все значительнѣе и сооруженія великолѣпнѣе. Такимъ образомъ въ центрѣ всемірнаго города создали самую красивую совокуп-

ность памятниковъ и площадей, которыми когда либо украшался какой бы то ни было городъ. Иностранецъ, входившій въ Римъ по Фламиніевой дорогѣ и, перейдя черезъ форумъ Траяна, форумы Нервы, Веспасіана, Августа и Цезаря, приходившій наконецъ на древній римскій форумъ, гдѣ красота зданій повышалась еще величіемъ воспоминаній, долженъ былъ быть пораженъ этимъ зрѣлищемъ. Хотя онъ и представлялъ себѣ на своей родинѣ въ грандіозномъ видѣ чудеса Рима, ему приходилось признать, что мечты его были гораздо ниже дѣйствительности; онъ чувствовалъ, что находится въ столицѣ міра, и возвращался домой преисполненный восхищенія къ этому городу, на который устремлены были взгляды всей вселенной и который, начиная со 2-го вѣка, не называли иначе, какъ священнымъ городомъ.

ГЛАВА II.

Палатинскій холмъ.

Раскопки палатинскаго холма такъ же, какъ раскопки форума, привели къ очень любопытнымъ открытіямъ. Холмъ этотъ, занятый нѣкогда виллами важныхъ особъ и монастырскими садами, куда не было доступа, сдѣлался одной изъ самыхъ интересныхъ прогулокъ въ Римѣ. Думаю, что нѣтъ другого мѣста, гдѣ болѣе тѣснились бы въ головѣ воспоминанія о прошломъ, гдѣ наблюдатель жилъ бы болѣе въ древнемъ мірѣ. Приходится, однако, признать, что эта древность возвращена намъ въ очень плохомъ видѣ; люди, введенные въ обманъ надписью, поставленной надъ входомъ въ сады Фарнезе, и думающіе, что дѣйствительно нашли „дворецъ Цезарей", очень удивятся, видя, что отъ него осталось; отъ него имѣется всего нѣсколько обломковъ и чтобы увидѣть его такимъ, какимъ онъ былъ, надо сильно напрягать воображеніе.

Это напряженіе, впрочемъ, почти вездѣ необходимо въ Римѣ, если хочешь посѣщать его съ интересомъ. На это нужно обратить вниманіе всѣхъ путешественниковъ, чтобы избавить ихъ отъ разочарованій. Римъ не похожъ на другіе

итальянскіе города, Венецію, Неаполь, Флоренцію, сразу поражающіе посѣтителя; онъ не производитъ впечатлѣнія такъ быстро; чтобы понять его и вполнѣ вкусить, необходимо предварительное ознакомленіе. По многимъ причинамъ находящіеся въ Римѣ великіе памятники не соотвѣтствуютъ тому представленію, какое составляешь себѣ о нихъ предварительно. Спѣшишь посмотрѣть античныя развалины, о которыхъ такъ много слышалъ; но эти развалины находятся обыкновенно среди новыхъ домовъ, и эта посредственная обстановка мѣшаетъ схватить въ первую минуту всю ихъ красоту. Спѣшатъ посѣтить древнія церкви, восходящія къ первымъ вѣкамъ христіанства; но такъ какъ ихъ очень часто ремонтировали и подновляли, онѣ въ значительной степени потеряли свой настоящій характеръ и свою первобытную оригинальность. При бѣгломъ осмотрѣ это не поражаетъ, но бѣглаго взгляда не достаточно, чтобы оцѣнить ихъ по достоинству. Можно сказать, что Римъ посѣщаютъ ежегодно тысячи торопящихся путешественниковъ, которые не имѣли достаточно времени, чтобы его увидѣть, и получаютъ о немъ неполное впечатлѣніе. Не будемъ дѣлать, какъ они; дадимъ себѣ трудъ посѣтить нѣсколько разъ эти прекрасныя развалины, къ которымъ мы сначала были равнодушны; пусть воображеніе поможетъ глазамъ ихъ разсмотрѣть; постараемся отдѣлить ихъ отъ сосѣднихъ зданій, которыя ихъ обезображиваютъ, окружимъ ихъ великими воспоминаніями, ихъ возвеличивающими, и тогда мы можемъ съ увѣренностью сказать, что они примутъ для насъ совсѣмъ другой видъ.

Слѣдовательно, чтобы понять и узнать Римъ, надо произвести цѣлое изслѣдованіе, которое требуетъ времени и труда; но время это хорошо употреблено и трудъ обѣщаетъ одно изъ самыхъ большихъ удовольствій, какое можетъ получить образованный человѣкъ. Удовольствіе это не становится менѣе пріятнымъ отъ того, что заставляло себя долго ждать; напротивъ, мы находимъ въ немъ особую прелесть, потому что оно до извѣстной степени составляетъ нашу работу, что частью мы обязаны имъ самимъ себѣ и что мы сами его пріобрѣли. Въ довершеніе къ нему прибавляется тайное довольство самимъ собой и извѣстное чувство гордости, когда соображаешь, что это удовольствіе сильнѣе у болѣе образованныхъ умовъ, что оно требуетъ знакомства съ прошлымъ, что невѣжды и глупцы не въ состояніи ощущать такого удовольствія. Другіе города, даже тѣ, которые мы всего больше любимъ, оставляютъ насъ довольными только ими; Римъ имѣетъ это единственное преимущество, что онъ въ одно и то же время дѣлаетъ насъ довольными имъ и нами самими. Прибавимъ, что удовольствіе, какое испытываешь при его посѣщеніи, постоянно увеличивается, хоть и не приходитъ сразу. Ближе изучая всѣ эти памятники, мы постоянно открываемъ новыя причины быть ими пораженными; чѣмъ больше мы ихъ разсматриваемъ, тѣмъ больше находимъ въ нихъ прелести, и наконецъ намъ бываетъ очень трудно отъ нихъ оторваться. Римъ это тотъ городъ, гдѣ любопытство и восхищеніе ослабѣваютъ всего менѣе, и замѣчаютъ, что кто жилъ въ немъ всего дольше менѣе всего спѣшатъ покинуть его и всего бо-

лѣе желаютъ вернуться туда. Папа Григорій XVI, который былъ умнымъ человѣкомъ, всегда спрашивалъ у иностранцевъ, приходившихъ прощаться съ нимъ, сколько времени они прожили въ Римѣ. Когда пріѣзжій провелъ всего нѣсколько недѣль, онъ говорилъ: прощайте; но тѣмъ, кто прожилъ въ Римѣ нѣсколько мѣсяцевъ онъ всегда говорилъ: до свиданія.

Эти размышленія, которыя относятся къ Риму вообще, подходятъ можетъ быть больше къ Палатинскимъ развалинамъ, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ; тутъ особенно поспѣшный путешественникъ рискуетъ ничего не понять; тутъ любопытствующій любитель, который не жалѣетъ времени, чтобы узнать, щедро вознаграждается за свой трудъ. Такъ какъ Палатинскій холмъ древнѣйшій римскій кварталъ, постройки различныхъ эпохъ были тамъ перемѣшаны еще больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Онъ имѣлъ во всѣ времена большое значеніе; цари, республика, имперія оставили тамъ значительные памятники, которые въ теченіе десяти вѣковъ были покрыты землей. Раскопки послѣднихъ лѣтъ возвратили ихъ намъ, но къ несчастію онѣ возвратили ихъ намъ всѣ вмѣстѣ. Эти зданія, обвалившіяся одно на другое, появляются сразу, и сначала кажется, что среди этого смѣшенія никогда не разберешься. По счастію каждый вѣкъ въ Римѣ имѣлъ свою отдѣльную архитектуру и каждая эпоха пользовалась разными матеріалами; смотря по тому сложена ли стѣна изъ туфа, или травертиноваго туфа или кирпича, представляетъ ли работа opus incertum или opus reticulatum, можно опредѣлить приблизительно ея возрастъ. Кромѣ того въ ма-

нерѣ, какъ соединены кирпичи или положены камни, имѣются признаки, достаточные для опытнаго археолога. Наконецъ, иногда оказываются надписи на водосточныхъ свинцовыхъ трубахъ и на кирпичахъ знаки мастерской или даже имена консуловъ, при которыхъ они были сдѣланы, и это устраняетъ всякія сомнѣнія. Такимъ образомъ опредѣлили съ большой вѣроятностью время открытыхъ памятниковъ. Пользуемся всѣми этими свѣдѣніями, чтобы получить представленіе о сохранившихся остаткахъ дворца Цезарей и постараемся познакомиться съ тѣмъ, что послѣднія раскопки сообщаютъ намъ о разныхъ періодахъ древняго Палатина.

I.

Какъ производились раскопки Палатинскаго холма. Roma quadrata и стѣны Ромула. Храмъ Юпитера Статора. Остатки эпохи царей. Древность письма у римлянъ и заключенія, которыя можно изъ этого извлечь. Палатинскій холмъ во время республики. Причина, почему раскопки въ Римѣ всегда такъ плодотворны.

Палатинскій холмъ, имѣющій около 1800 метровъ въ окружности и около 35 метровъ высоты, стоитъ на подобіе острова среди другихъ холмовъ, соединеніе которыхъ образовало вѣчный городъ. Хоть онъ самый маленькій изъ всѣхъ, остальные, по словамъ одного писателя, точно окружаютъ его поклоненіемъ, какъ своего владыку. Дѣйствительно онъ имѣлъ въ жизни Рима самое большое значеніе. Такъ какъ естественно было предполагать, что онъ хранитъ прекрасныя воспоминанія о своемъ славномъ прошломъ, на

немъ со временъ Возрожденія нѣсколько разъ дѣлали раскопки. По обычаю той эпохи, тамъ искали мозаики, статуи, художественныя произведенія и по удовлетвореніи любопытства или жадности изслѣдователей, опять прикрывали землей развалины на минуту открытыя. Серьезныя и послѣдовательныя работы начались только въ наше время и по иниціативѣ Франціи. Въ 1861 г. императоръ Наполеонъ III, который, какъ извѣстно, очень интересовался римской исторіей, особенно исторіей Цезарей, задумалъ купить у неаполитанскаго короля Франсуа II сады Фарнезе, занимавшіе сѣверную сторону Палатинскаго холма. Этотъ планъ встрѣтилъ много препятствій со стороны римскаго двора, который не желалъ, чтобы Франція стала собственницей такъ близко отъ него. Онъ поднялъ множество затрудненій, которыя трудно было устранить. Леонъ Ренье, нашъ знаменитый ученый, понимавшій всю важность этого пріобрѣтенія и его совѣтовавшій, удостоился чести окончить переговоры. По окончаніи ихъ, когда Палатинскій холмъ сталъ нашимъ, онъ указалъ императору архитектора, который по его мнѣнію былъ самымъ подходящимъ для руководства предстоящими работами; это Піетро Роза, извѣстный своими топографическими трудами объ окрестностяхъ Рима. Роза тотчасъ же принялся за дѣло и важными открытіями оправдалъ довѣріе. Сейчасъ же послѣ событій 1870 г. Италія купила Палатинскій холмъ у Наполеона III, когда онъ находился еще въ плѣну въ Германіи.

Открытія эти не ограничивались императорской эпохой. Въ то время, какъ искали преимущественно дворецъ Цезарей, нашли остатки древняго города Ромула, который можно было считать навѣки потеряннымъ. Извѣстно было, что онъ построенъ былъ на Палатинскомъ холмѣ. Историки разсказываютъ, какъ первый царь, собравъ всѣхъ окрестныхъ авантюристовъ, начертилъ стѣны по этрусскому обычаю. Они сообщаютъ, что онъ запрягъ въ плугъ вола и корову и что онъ обошелъ холмъ, поднимая плугъ тамъ, гдѣ должны были быть ворота и отмѣчая глубокой бороздой окружность города, который онъ хотѣлъ основать. Эта борозда или лучше пространство, остававшееся свободнымъ внутри начертанной линіи, составляла то, что называлось pomoerium, т. е. священной оградой города, въ которой запрещено было хоронить мертвыхъ или вводить иностранныя божества. Граница была обозначена камнями, положенными на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга вдоль Палатинскаго холма. Во время Тацита это еще знали и показывали прежнее мѣсто. То былъ квадратный Римъ (Roma quadrata), какъ называли его по формѣ холма, на которомъ онъ помѣщался или, скорѣе, потому что онъ былъ основанъ по правиламъ искусства авгуровъ и что онъ воспроизводилъ на землѣ идеальное пространство (templum), которое авгуръ чертилъ на небѣ своей палкой. Несмотря на столько вѣковъ и столько революцій, не всѣ слѣды этого древняго Рима исчезли. Нашлись и еще видны въ разныхъ мѣстахъ Палатинскаго холма остатки стѣнъ, построенныхъ первыми основателями города. Это большія каменныя глыбы, извлеченныя изъ самого холма, изъ которыхъ цезари впослѣд-

ствіи сдѣлали фундаменты своихъ дворцовъ. Когда рушились императорскіе дворцы, обнаружились эти древніе остатки, ими прикрытые. Не только въ разныхъ мѣстахъ признали ограду первобытнаго Рима, но думаютъ, что нашли его главный входъ. По направленію къ аркѣ Тита одна улица отдѣляется отъ Священной дороги и поднимается прямо къ холму; она не шире и не круче остальныхь и отъ всѣхъ намъ извѣстныхъ отличается только величиной плитъ мостовой; это была улица или подъемъ на Палатинскій холмъ (clivus palatinus). Какъ только входишь на нее, видишь остатки большихъ воротъ; нѣсколько дальше большіе камни, оторвавшіеся отъ стѣнъ, покатились на землю; это та самая стѣна, которую приписываютъ Ромулу; ворота гораздо менѣе древнія, но предполагаютъ, что они замѣнили главный входъ Roma quadrata. Его называли Vetus porta или porta Mugonia и, говорятъ, это послѣднее названіе происходило отъ мычанья быковъ, которые каждое утро выходили на болотистое пастбище, ставшее впослѣдствіи форумомъ. Когда императоры поселились на Палатинскомъ холмѣ, они построили новыя ворота, гораздо красивѣе первыхъ, уничтожившія память о нихъ. Тогда не существовало больше ни быковъ, ни болотъ, и важныя особы и придворные цѣлый день утаптывали широкую мостовую Палатинской дороги, идя къ властелину; но вѣроятно, что новыя ворота были построены очень близко отъ прежнихъ и что по вторымъ мы можемъ судить о мѣстѣ первыхъ.

Это не единственное открытіе, сдѣланное въ этомъ мѣстѣ. Производя раскопки направо отъ

воротъ, нашли груду большихъ камней, въ которой легко было распознать фундаментъ очень древняго храма. Это несомнѣнно храмъ Юпитера Статора, одинъ изъ знаменитѣйшихъ римскихъ храмовъ, мѣсто котораго археологи до сихъ поръ не знали и который они, руководствуясь своей фантазіей, помѣщали въ разныхъ мѣстахъ. Титъ Ливій разсказываетъ, по какому поводу онъ былъ построенъ. Сабиняне, завладѣвъ Капитоліемъ, бросились оттуда на солдатъ Ромула; римляне въ разстройствѣ бѣжали. „Уже, говоритъ историкъ, армія въ безпорядкѣ дошла до древнихъ Палатинскихъ воротъ, когда Ромулъ, котораго бѣглецы увлекли за собой, остановился и, поднявъ руки къ небу, сказалъ: „Юпитеръ, это ты побудилъ меня положить основаніе города на этомъ холмѣ. Молю тебя, отецъ боговъ и людей, удали отъ насъ врага, успокой страхъ моихъ воиновъ, останови ихъ позорное бѣгство, и я построю тебѣ здѣсь храмъ, который вѣчно будетъ напоминать потомству, что Римъ былъ спасенъ твоей помощью.“ Этого храма, посвященнаго богу, останавливающему бѣглецовъ (Jupiter stator), и нашли развалины. Разъ что установленъ этотъ пунктъ, легко оріентироваться въ древнемъ городѣ Ромула. Только отъ насъ зависитъ мысленно его пробѣжать и найти главные его памятники. Близъ Юпитера Статора, сообщаетъ Титъ Ливій, жилъ Тарквиній Гордый, и Роза сдѣлалъ надпись на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ находиться его домъ. Нѣсколько ниже возвышался храмъ Весты, гдѣ горѣлъ священный огонь; предполагаютъ, что фундаментъ его находится подъ церковью Маріи Либератриче. За св. Ѳео-

доромъ, на склонѣ холма противъ Forum boarium, вплоть до послѣднихъ дней имперіи показывали любопытствующимъ и набожнымъ людямъ маленькій гротъ, осѣненный фиговымъ деревомъ, называвшійся Луперкаломъ. Тутъ, говорили, волчица кормила молокомъ божественныхъ близнецовъ; поэтому тамъ помѣстили бронзовую волчицу, работу этрусскаго скульптора, которую нашли, какъ тогда полагали, въ началѣ 15-го вѣка и которая украшаетъ теперь Капитолійскій музей. Нѣсколько дальше, на мѣстѣ церкви св. Анастасіи находился большой жертвенникъ (ara maxima), поставленный,говорятъ, Евандромъ, гдѣ до конца имперіи праздновали побѣду Геркулеса надъ Какусомъ. Выше на холмѣ виднѣлся памятникъ еще болѣе почтенный, котораго истый римлянинъ не могъ видѣть безъ волненія; это былъ домъ или лучше хижина Ромула, скромное жилище, гдѣ по словамъ поэта два царя довольствовались однимъ очагомъ, представлявшее поразительный контрастъ съ окружавшими его мраморными дворцами. Его такъ тщательно хранили и ремонтировали, что оно существовало еще въ концѣ 4-го вѣка. Мы не только можемъ себѣ его представить по описаніямъ древнихъ писателей, но недавнее открытіе почти поставило его передъ нашими глазами. При раскопкахъ древняго кладбища близъ Альбы, нашли погребальныя урны изъ терракоты грубой работы, представляющія маленькое круглое зданіе съ остроконечной крышей. Мы знаемъ, что это типъ древней хижины латинскихъ крестьянъ, построенной изъ тростника, покрытой соломой. Они, слѣдовательно, имѣли обыкновеніе строить

гробницы на подобіе домовъ и жилище мертвыхъ было устроено такъ же, какъ жилище живыхъ. Какъ мы видѣли по этому образцу построили древнѣйшіе храмы Геркулеса побѣдителя, Весты и вполнѣ естественно было, что жилище царей должно было быть похоже на жилище боговъ. Эти памятники, покрывавшіе нѣкогда Палатинскій холмъ, болѣе не существуютъ, но мы знаемъ, гдѣ они должны были стоять, и мы не рискуемъ ошибиться, относя къ нѣкоторымъ изъ нихъ остатки, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ холма.

Скажутъ, можетъ быть, что я очень серьезно отношусь къ этимъ древнимъ воспоминаніямъ и что слишкомъ много чести для Тита Ливія и Діонисія Галикарнасскаго вѣрить ихъ разсказамъ о древнѣйшей эпохѣ; но Амперъ замѣтилъ уже, что если ученому очень легко въ своемъ кабинетѣ насмѣхаться надъ Ромуломъ и его преемниками и видѣть въ разсказахъ о нихъ только басни и объяснять ихъ какъ миѳы, не имѣющіе никакой реальности, не имѣешь той же увѣренности послѣ посѣщенія Рима. Тамъ это прошлое, которое сначала кажется такимъ отдаленнымъ, такимъ сомнительнымъ приближается къ намъ; его трогаешь, его видишь. Оно оставило послѣ себя такіе глубокіе и живые слѣды, что невозможно отказать ему во всякой вѣрѣ. Можно еще представить себѣ, что если ничего не осталось отъ этихъ древнихъ вѣковъ, греческіе лѣтописцы, первые распутывавшіе римскіе анналы, придумывали разныя басни, чтобы наполнить пустоту исторіи. Но, предполагая даже, что они были безстыдными лжецами, они не въ силахъ были все выдумать по

своему капризу; они находили воспоминанія, къ которымъ имъ надо было относиться съ почтеніемъ. Эти воспоминанія не могли потеряться, потому что они были привязаны къ неразрушимымъ памятникамъ, восходившимъ къ началу города. Изъ поколѣнія въ поколѣніе передавались имена основателей памятниковъ и видя ихъ вспоминали пораженія или побѣды, давшія поводъ ихъ построить. Анналисты шестого вѣка несомнѣнно должны были много прибавить къ этимъ преданіямъ. Воображеніе римлянъ было сухо и коротко; они не обладали какъ греки искусствомъ украшать свою исторію чудесными выдумками. По мѣрѣ того какъ время изглаживало память о прошломъ, народная фантазія не умѣла пополнить потери новыми прелестными выдумками. По прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ отъ этихъ древнихъ событій оставалось всего нѣсколько именъ и нѣсколько фактовъ, на которые легко было нанизать много лжи; но если ложь покрываетъ всю поверхность, на днѣ все же должно было оставаться немного правды.

Вотъ размышленія, на которыя неминуемо наводитъ посѣщеніе Палатинскаго холма; они являются особенно настойчиво, когда встрѣчаешь тамъ большія развалины стѣнъ, о которыхъ я говорилъ и которыя составляли ограду Ромула. Эти стѣны были построены приблизительно по той же системѣ, какъ стѣны, приписываемыя Сервію, и должны быть только немного древнѣе. Тѣ и другія состоятъ изъ туфовыхъ глыбъ, не соединенныхъ никакимъ цементомъ и держащихся только своей тяжестью. Расположеніе

слоевъ въ нихъ одинаково; камни положены послѣдовательно по своей длинѣ и высотѣ. Увѣряли, что такая постройка составляла особенность этрусковъ и что римляне позаимствовали ее у нихъ; это была ихъ обыкновенная система; они повсюду брали, говоритъ Плиній, что могло имъ пригодиться. Но если эта разумная раса, чуждая всякаго самообольщенія, безъ стѣсненія заимствовала у своихъ сосѣдей и даже у своихъ подданныхъ все, что могло быть ей полезно, она умѣла усваивать то чему подражала. Вводя чужія изобрѣтенія, римляне приспособляли ихъ къ своему генію; они вполнѣ ими овладѣвали, видоизмѣняли и обновляли ихъ по своимъ потребностямъ; это были ученики, дѣлавшіеся скоро учителями. Белэ справедливо замѣчаетъ, что изъ великаго искусства строить, переданнаго этрусками римлянамъ, сами этруски сдѣлали немного и что оно значительно усовершенствовалось въ Римѣ. Римляне все больше придавали ему свой характеръ и когда они прилагали его къ публичнымъ зданіямъ, мостамъ, водопроводамъ, или къ величественнымъ постройкамъ, амфитеатрамъ и тріумфальнымъ аркамъ, они производили шедевры. По моему достаточно посмотрѣть на прекрасныя стѣны, остающіяся отъ царской эпохи на Палатинскомъ холмѣ или въ другихъ мѣстахъ, чтобы предчувствовать и предугадать, какое развитіе приметъ архитектура въ Римѣ и въ какомъ направленіи она будетъ развиваться. Ихъ строители, кто бы они ни были, не могли быть варварами. Такія значительныя сооруженія указываютъ на то, что они дошли до извѣстной степени цивилизаціи. Они располагали мо-

гущественными средствами ставить камни одинъ на другой и доводить ихъ до такой большой высоты. Они имѣли чувство собственнаго достоинства и увѣренность въ своемъ продолжительномъ существованіи, свойство великихъ народовъ. Они не довольствовались, какъ дикіе, тѣмъ, что строили себѣ на спѣхъ временный пріютъ, который защищалъ бы ихъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей отъ неожиданнаго нападенія; они думали о будущемъ, работали для своихъ потомковъ. Среди болотъ и лѣсовъ они строили укрѣпленія, которымъ суждено было простоять тысячи лѣтъ. Начинали уже, говоритъ Монтескье, строить вѣчный городъ. Прибавлю, что они старались не только сдѣлать свои стѣны крѣпкими; манера, какой соединены камни, показываетъ, что они по крайней мѣрѣ смутно обладали инстинктомъ величія, чувствомъ пропорцій и вкусомъ того рода красоты, который исходитъ отъ силы. Несомнѣнно, повторяю, они не могли быть варварами.

Важное открытіе, сдѣланное недавно, доказываетъ, какъ основательны эти предположенія. При раскопкахъ, предпринятыхъ съ начала 1870 г., въ разныхъ кварталахъ города, особенно около термъ Діоклеціановыхъ, нашли многочисленные остатки прекрасныхъ стѣнъ эпохи царей. При ближайшемъ разсмотрѣніи на большихъ камняхъ оказались знаки. Иногда они высѣчены довольно поверхностно и тогда ихъ очень трудно прочесть; но большей частью рабочій сдѣлалъ значительное углубленіе, сопротивлявшееся времени и видное теперь такъ же хорошо, какъ въ первый день. По всей вѣроятности, знаками этими

отмѣчались каменоломни, откуда брались камни, и мѣста, на которыя они предназначались. Такъ какъ они добывались на сосѣднихъ горахъ, необходимо было указать лицамъ, ихъ переносившимъ, куда ихъ нужно поставить, чтобы избѣжать возможной ошибки. Знаки эти очень часто буквы, принадлежащія къ древнему латинскому алфавиту.

Открытіе это, откровенно говоря, не удивило ученыхъ. Отфридъ Мюллеръ увѣрялъ, правда, что первые римляне не умѣли писать и что они научились письму только около времени децемвировъ, когда были изданы законы двѣнадцати таблицъ; но Момсенъ давно опровергъ это мнѣніе. Въ настоящее время невозможно сомнѣваться, что нашли буквы, высѣченнныя на стѣнахъ эпохи царей. Съ тѣхъ поръ невозможно сомнѣваться, что отъ этой отдаленной эпохи остались письменные памятники. Прежде принято было смѣяться надъ Светоніемъ, потому что онъ серьезно разсказываетъ, будто во время пожара Капитолія при Вителліи погибло три тысячи мѣдныхъ дощечекъ, на которыхъ записаны были законы, сенатусконсульты и плебисциты, съ самаго возникновенія города. Не допускали, чтобы во времена Августа существовали копіи съ договоровъ, заключенныхъ Тулломъ Гостиліемъ съ Сабинянами и Тарквиніемъ съ жителями Габій, хотя Горацій увѣряетъ, что ими наслаждались антикваріи. Безъ сомнѣнія не надо слишкомъ поспѣшно и бездоказательно принимать, что всѣ эти документы были подлинными, но они могли быть подлинными. Нѣтъ болѣе причинъ съ презрѣ-

ніемъ отвергать точное свидѣтельство такихъ историковъ, какъ Діонисій Галикарнасскій, увѣрявшихъ, что они существовали и онъ ихъ читалъ, не дѣлая имъ даже чести ихъ оспаривать. Итакъ, въ настоящее время несомнѣнно, что основатели Рима знали письмо и что они имъ пользовались въ обыкновенной жизни. Оно не было у нихъ привилегіей какихъ-нибудь классовъ, знати или жрецовъ; предприниматели общественныхъ работъ и можетъ быть даже рабочіе пользовались письмомъ. Было бы конечно смѣшно увѣрять вмѣстѣ съ Цицерономъ, что во время Ромула наука и литература уже процвѣтали въ Римѣ, и представлять себѣ сенаторовъ въ звѣриныхъ шкурахъ мудрецами, окончившими школу Пиѳагора и повторявшими полученные тамъ уроки; но еще болѣе крупная ошибка дѣлать изъ нихъ настоящихъ дикарей, варваровъ, не знакомыхъ ни съ какими знаніями и искусствами. Они не были также героями эпопеи, какими представляетъ ихъ Нибуръ, Аяксами или Гекторами, пришедшими въ то время, когда военные подвиги сохранялись только въ пѣсняхъ рапсодовъ, и эти легендарныя гипотезы и эпическіе разсказы не имѣютъ мѣста въ эпоху, когда умѣли читать и писать.

Городу Ромула не пришлось оставаться долго въ тѣсной оградѣ, начертанной первымъ царемъ. Онъ выросъ скоро во всѣ стороны и занялъ всѣ сосѣдніе холмы. Съ тѣхъ поръ Палатинскій холмъ пересталъ быть всѣмъ Римомъ, какъ онъ былъ раньше, но онъ все же оставался однимъ изъ главныхъ кварталовъ разросшагося города. Тамъ находились въ большомъ числѣ знаменитые

храмы, Юпитера Побѣдителя, богини Вириплака, примирявшей супруговъ, храмъ Матери боговъ, откуда ежегодно 27 марта отправлялся веселый кортежъ вѣрующихъ и нищенствующихъ жрецовъ, съ пѣніемъ проходившихъ по римскимъ улицамъ купать статую богини въ маленькой рѣчкѣ Альмѣ. Тамъ поселились нѣкоторые самые знаменитые граждане; они считали удобнымъ жить какъ можно ближе къ форуму и общественнымъ дѣламъ. Мы знаемъ точное мѣстоположеніе самаго знаменитаго изъ всѣхъ этихъ домовъ, дома Цицерона, если вѣрно, какъ думаютъ Висконти и Ланчіани, что большое сооруженіе, остатки котораго видны въ углу Велабра, принадлежало къ портику Катулла; домъ Цицерона, какъ намъ извѣстно, находился въ ближайшемъ отъ него сосѣдствѣ. Онъ очень гордился тѣмъ, что жилъ на самомъ красивомъ мѣстѣ города; онъ сообщаетъ, что видѣлъ оттуда форумъ и что видъ его простирался на всѣ кварталы города. Домъ его раздѣлилъ превратности его судьбы. Во время его изгнанія Клодій заставилъ народъ постановить, что онъ будетъ снесенъ и на его мѣстѣ посвященъ храмъ Минервѣ. По его возвращеніи сенатъ постановилъ отстроить его вновь на общественный счетъ и Цицеронъ получилъ на постройку два милліона сестерцій (400 тысячъ франковъ). Не похоже ли это на разсказъ изъ современной исторіи?

Ото всѣхъ этихъ частныхъ домовъ, построенныхъ во время республики и иногда соединенныхъ съ великими воспоминаніями, осталось только нѣсколько развалинъ; и мы обязаны особенному случаю, нто они сохранились. Дома

стоявшіе на верху холма были снесены, чтобы построить тамъ дворцы Цезарей; но другіе находились въ томъ мѣстѣ, которое называлось на варварскомъ языкѣ intermontium Палатина. Палатинскій холмъ, какъ Капитолій, былъ первоначально раздѣленъ на двѣ части узкой долиной, направлявшейся съ сѣвера на югъ, отъ арки Тита до Большого цирка. Эта маленькая долина была засыпана императорами, когда они захотѣли расширить и сравнять мѣсто, гдѣ они возводили свои дворцы, и построенные тамъ дома рушились подъ тяжестью нагроможденной земли. Нѣкоторые однако устояли и при раскопкахъ появились ихъ остатки.

По этому поводу считаю умѣстнымъ напомнить одну причину, можетъ быть, главную, почему раскопки въ Римѣ всегда плодотворны. Обыкновенно эта плодотворность поражаетъ людей, привыкшихъ къ нашимъ современнымъ городамъ и способу, какъ они обновляются на нашихъ глазахъ. Римъ, какъ всѣ большія столицы, былъ нѣсколько разъ заново отстроенъ въ теченіе своего долгаго существованія, но способъ, какимъ римляне обновляли свой городъ, былъ для древнихъ остатковъ прошлаго менѣе роковымъ, чѣмъ нашъ современный. Теперь ихъ сносятъ, тогда ихъ зарывали. Мы стараемся прежде всего имѣть прямыя улицы и чтобы легче было двигаться безчисленнымъ экипажамъ, наводняющимъ наши улицы, мы уравниваемъ возвышенности и уничтожаемъ холмы. Слѣдовательно можно сказать, что парижская почва постоянно вырывается; почва Рима напротивъ постоянно поднималась. Важные римскіе господа,

желавшіе доставить себѣ пріятное зрѣлище болѣе обширнаго вида или хотѣвшіе просто пользоваться болѣе свѣжимъ воздухомъ, имѣли обыкновеніе строить свои дома на обширныхъ фундаментахъ. Точно также, когда хотѣли построить новый кварталъ, заполняли прежній принесенной землей и строили на этомъ наслоеніи. Значитъ, почти несомнѣнно, что, если снять эти наносные слои, можно найти первоначальную почву и остатокъ древнихъ построекъ.

Это случилось съ Палатинскимъ холмомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и вотъ какимъ образомъ подъ дворцами Цезарей открыли нѣсколько домовъ болѣе древней эпохи. Одинъ изъ нихъ называется, не знаю почему, банями Ливія, и отъ него сохраняются еще нѣсколько комнатъ. На потолкахъ видны красивые орнаменты, группы, фигуры, арабески, выдѣляющіяся на золотомъ фонѣ, совокупность украшеній скромныхъ и изящныхъ, дающихъ очень выгодное представленіе о римскомъ искусствѣ во время республики. Палатинскій холмъ во время Цицерона и Цезаря долженъ былъ быть наполненъ подобными домами, но это единственный домъ, отъ котораго сохранились сколько-нибудь значительные остатки.

II.

Домъ Августа на Палатинскомъ холмѣ. Превращеніе его во дворецъ. Остатки его. Употребленіе мрамора въ императорскую эпоху. Новые архитектурные пріемы. Дворецъ Тиверія. Дворецъ Калигулы. Криптопортикъ, гдѣ погибъ Калигула. Домъ Ливіи и ея живопись. Дворецъ Нерона.

Съ имперіей начинается для Палатинскаго холма новая судьба; онъ становится жилищемъ Цезарей и, по словамъ Тацита, центромъ римскаго міра. Во время своей молодости Августъ жилъ близъ форума; нѣсколько позже, когда онъ былъ еще только однимъ изъ честолюбцевъ, добивавшихся наслѣдія великаго диктатора, онъ купилъ на Палатинскомъ холмѣ довольно скромный домъ, принадлежавшій оратору Гортензію; въ немъ не было ни мрамора ни мозаики, онъ былъ украшенъ только посредственными портиками, поддерживавшимися каменными колоннами. Тѣмъ не менѣе возникновеніе этихъ императорскихъ дворцовъ привело къ тому, что, безпрестанно распространяясь, они покрыли весь холмъ. Домъ Августа росъ постепенно вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ и не безъинтересно изучить постепенныя его приращенія; въ ловкомъ способѣ, какимъ онъ незамѣтно превратилъ частное жилище въ мѣстопребываніе главы государства, мнѣ кажется можно найти всю политику этого искуснаго дѣятеля.

Не безъ основанія приходится отыскивать тайную пружину всѣхъ его дѣйствій. Даже въ своей частной жизни онъ ничего не предоставлялъ случаю, и извѣстно, что онъ заранѣе записывалъ

свои разговоры съ женой, боясь сказать лишнее. Слѣдовательно, надо думать, что если онъ предпочелъ Палатинскій холмъ всѣмъ остальнымъ римскимъ кварталамъ, онъ сдѣлалъ это на какомъ-нибудь основаніи, и основаніе это не трудно найти. На Палатинскомъ холмѣ жили, какъ говорили, древніе римскіе цари. Августъ очень желалъ попасть въ ихъ общество; когда онъ рѣшилъ разстаться съ именемъ Октавія и выбрать новое, его соблазняло сначала имя Ромула, и онъ предпочелъ бы его другимъ, если-бы насильственная смерть перваго царя не представлялась дурнымъ предзнаменованіемъ для его преемника. Несомнѣнно, что выбирая для своего жительства холмъ, служившій резиденціей царей, онъ надѣялся наслѣдовать почетъ, которымъ окружены были эти древнія воспоминанія. Поэтому онъ и слѣдовавшіе за нимъ монархи очень старались сохранить и возстановить все остававшееся на Палатинскомъ холмѣ отъ того отдаленнаго прошлаго. Замѣчено было, что императорскіе дворцы часто съ почтеніемъ отдаляются отъ античныхъ развалинъ и мѣры предосторожности, чтобы оставить ихъ за чертой новыхъ построекъ, замѣтны до сихъ поръ. Несомнѣнно считали, что почтенные памятники древнихъ римскихъ царей охраняли и освящали жилище новыхъ владыкъ имперіи.

Августъ кромѣ того избѣгалъ рѣзкихъ пріемовъ; онъ обладалъ большимъ искусствомъ устраивать переходы, устранять во всемъ скандалы и неожиданности и совершать безъ шума самыя важныя перемѣны. Онъ также поступилъ и въ этомъ случаѣ, хотя повидимому менѣе важномъ.

Онъ зналъ, что императору нуженъ дворецъ и что владыка міра не можетъ жить какъ частное лицо. Онъ рѣшилъ увеличить маленькій домъ Гортензія, который уже былъ недостаточенъ для его положенія. Послѣ его побѣды надъ Секстомъ Помпеемъ, когда власть его была признана всей Италіей, онъ приказалъ своимъ управляющимъ купить нѣсколько домовъ, окружавшихъ его домъ, и снести ихъ. Такъ какъ это разрушеніе могло возбудить тревогу въ подозрительныхъ умахъ, онъ распространялъ, что работаетъ не только для себя, но и для общественной пользы, и что онъ намѣревается посвятить часть мѣста священнымъ зданіямъ. Онъ дѣйствительно построилъ тамъ знаменитый храмъ Аполлона Палатинскаго и двѣ библіотеки, греческую и латинскую, о которыхъ такъ часто говорятъ писатели того времени. Вниманіе привлекало только великолѣпіе этихъ построекъ и не замѣчали, что въ то же время увеличивался и мѣнялъ наружный видъ домъ монарха. Немного спустя новый дворецъ былъ уничтоженъ пожаромъ. Въ Римѣ было въ обычаѣ, что послѣ подобнаго рода несчастій друзья пострадавшаго складывались и помогали ему возстановить потерю; эти добровольныя приношенія замѣняли наше страхованіе. Пожаръ представлялъ естественный случай показать, сколько у Августа было друзей; всѣ римскіе граждане поспѣшили внести ему свою долю; но онъ не хотѣлъ принять ихъ подношеній. Онъ взялъ у нихъ только ничтожную сумму и отстроилъ домъ на свои средства; но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отстроить домъ больше и великолѣпнѣе. Когда онъ былъ избранъ главнымъ жрецомъ, онъ вмѣсто того, чтобы поступить, какъ его предшественники, жившіе близъ храма Весты въ отдѣльномъ зданіи, остался у себя и удовольствовался тѣмъ, что возвелъ храмъ Весты въ своемъ домѣ. Такимъ образомъ древній обычай повидимому сохранился и главный жрецъ все еще жилъ по сосѣдству съ божествомъ, покровительствовавшимъ Риму. Въ интересномъ и часто цитированномъ мѣстѣ Овидій описалъ домъ Августа въ концѣ его царствованія. Изгнанный на край свѣта, сожалѣя о Римѣ, куда доступъ ему былъ запрещенъ, бѣдный поэтъ посылаетъ стихи, чтобы они молили за него. Онъ представляетъ ихъ бродящими по этому городу, гдѣ они стали чужестранцами, вынужденными спрашивать дорогу у прохожихъ, ищущими жилище того, кто ихъ такъ жестоко караетъ, но кто можетъ и простить ихъ. Указанія, дающіяся имъ, такъ точны, что мы и теперь можемъ итти вмѣстѣ съ ними. Вотъ прежде всего форумъ и священная дорога. „Посмотримъ, говорятъ имъ (Trist. $II_{,1}$), здѣсь направо палатинскія ворота близъ храма Юпитера Статора“. Нѣсколько выше виденъ домъ болѣе красивый, чѣмъ остальные и „достойный бога“. Онъ окруженъ храмами, украшенъ оружіемъ и гербами, вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ оттѣняетъ входъ, лавры посажены по обѣимъ сторонамъ двери. Эти лавры, этотъ гражданскій вѣнокъ, торжественно присужденный Августу сенатомъ отъ имени гражданъ, имъ спасенныхъ, обозначали жилище владыки міра.

Работы послѣднихъ лѣтъ еще не обнаружили дворца Августа, но приведенные стихи сообща-

ютъ намъ, гдѣ его надо искать; онъ находится близъ храма Юпитера надъ Палатинскими воротами, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится садъ виллы Милльсъ. Тамъ въ 1775 г. произведены были раскопки аббатомъ Ранкурелемъ, которому принадлежало это мѣсто, и подъ развалинами нашли двухъ-этажный домъ, расположеніе котораго легко было распознать. Верхній этажъ конечно сильно пострадалъ; но нижній почти вполнѣ сохранился. Обломки наполняли нѣсколько залъ; другія были пусты, по нимъ можно было пройти и, что хуже, ихъ можно было опустошить. Онѣ сохранили еще штукатурку, цѣнный полъ, мраморную обшивку, придѣланную къ стѣнамъ стальными скобами. Прелестная живопись, изящнѣе Помпейской, украшала потолки. Великолѣпныя статуи, въ томъ числѣ ватиканскій Аполлонъ Савроктонъ, были найдены нетронутыми Тамъ не оставили ни одной художественной вещи, изъ которой надѣялись извлечь выгоду; что касается обломковъ колоннъ и пола, ихъ сняли безъ всякихъ предосторожностей, нагрузили ими нѣсколько возовъ и продали гуртомъ торговцу мраморомъ на Campo Vaccino. Владѣлецъ, ревнивый любитель и вмѣстѣ съ тѣмъ ловкій купецъ, скрывалъ по возможности свою находку. Онъ не позволялъ другимъ археологамъ подойти къ ней и разсказываютъ, что знаменитый Пиронези, пожелавшій ее увидѣть, проникъ въ садъ ночью, какъ воръ, рискуя быть растерзаннымъ собаками и что онъ нарисовалъ развалины при лунномъ свѣтѣ. Сохранился планъ, поспѣшно снятый имъ во время его рискованнаго похожденія, и, что еще важнѣе, планъ архитектора Барбери, руководившаго раскопками подъ наблюденіемъ

Ранкуреля, (онъ воспроизведенъ въ Monumenti antichi inediti di Roma отъ 1785 г.)

При первомъ же взглядѣ на планъ Барбери видно, что этотъ домъ, въ которомъ съ достаточною вѣроятностью признали дворецъ Августа, походилъ въ общемъ своемъ расположеніи на всѣ римскіе дома. Въ немъ находился внутренній дворъ или перистиль, окруженный колоннами, куда выходили разные покои дворца. Эти покои состояли изъ ряда комнатъ круглыхъ, квадратныхъ, прямоугольныхъ, соотвѣтствующихъ довольно точно другъ другу, въ которыхъ архитекторъ старался соединить разнообразіе съ симметріей. Тамъ нашли даже двѣ осьмиугольныя залы съ такими капризными формами, что онѣ напомнили видѣвшимъ ихъ странныя постройки Борронини. Первоначально удивило, что эти многочисленныя залы или комнаты въ общемъ довольно узки и ни одна не была достаточно обширна для оффиціальныхъ пріемовъ; но Августъ, какъ извѣстно, старался жить у себя, какъ простой гражданинъ; онъ желалъ, чтобы его считали человѣкомъ экономнымъ и умѣреннымъ: онъ спалъ на низкой и жесткой постели, онъ носилъ исключительно платье, сотканное его женой и дочерью, за обѣдомъ ему никогда не подавали больше трехъ кушаній, и онъ говоритъ въ своихъ письмахъ, что иногда постился по утрамъ съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ іудей, справляющій субботу. Однако есть нѣкоторое лицемѣріе въ этой простотѣ, выставляющейся на показъ. Хотя онъ принималъ скромный видъ, домъ его, какъ видно, отличался внутри роскошью. Этотъ монархъ, восхвалявшій постоянно древніе обычаи, тѣмъ не менѣе произвелъ

революцію въ нравахъ и обычаяхъ своего времени; никто больше него не способствовалъ развитію роскоши, о которой онъ говорилъ съ сожалѣніемъ. Разсказываютъ, что по его приказанію передъ сенатомъ и народомъ читали древнюю рѣчь Рутилія противъ тѣхъ, кто одержимъ маніей построекъ; онъ забывалъ, что самъ внушилъ вкусъ къ нимъ и показалъ примѣръ своими великолѣпными постройками и что значительная часть упрековъ, которые онъ дѣлалъ другимъ, могла быть обращена на него самаго.

„Я засталъ Римъ кирпичнымъ, говорилъ онъ иногда, я оставляю его мраморнымъ“. Жордонъ справедливо замѣчаетъ, что эта метафора была истиной. До Августа мраморъ рѣдко употреблялся въ римскихъ постройкахъ; со временъ имперіи онъ сталъ общеупотребительнымъ. Не только монархъ украшалъ имъ свои дома, въ Помпеѣ онъ встрѣчался въ лавкахъ валяльщиковъ и виноторговцевъ; но особенно много его на Палатинскомъ холмѣ; нигдѣ не попадается онъ въ такомъ количествѣ и трудно было бы понять, какимъ путемъ архитекторы, строившіе дворцы Цезарей, могли такъ легко добывать эти рѣдкіе и цѣнные мраморы, привозившіеся изо всѣхъ странъ міра, если бы открытіе, сдѣланное нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не помогло понять это. На берегу Тибра, недалеко отъ странной горы Тестаччіо, образовавшейся изъ черепковъ разбитыхъ вазъ, въ 1867 г. нашли древній римскій портъ. До сихъ поръ видны кольца, къ которымъ привязывали суда, ступени, по которымъ вносили и сносили грузы. Вокругъ порта были устроены обширныя кладовыя, куда временно складывали товары послѣ ихъ выгрузки. Когда ихъ открыли, въ нихъ находилось еще значительное количество мраморныхъ глыбъ, которыя начали полировать. Надписи, вырѣзанныя на этихъ глыбахъ, а также на камняхъ древней стѣны Сервія, даютъ намъ любопытныя указанія на ихъ происхожденіе и способъ, какимъ онѣ были препровождены въ Римъ. Каменоломни, самыя знаменитыя во всемъ мірѣ, тѣ, что доставляли лучшій мраморъ, принадлежали императорамъ; ими пользовались они исключительно для своихъ построекъ. Работы, въ нихъ предпринимавшіяся, и нужное для этого количество рабочихъ стали такъ значительны при Траянѣ, что образовали отдѣльное управленіе, зависѣвшее несомнѣнно отъ частныхъ доменовъ. Каждой каменоломней завѣдывалъ управляющій императора, которому подчинены были разные чиновники, смотрители, художники. Рабочихъ было оченъ много и они состояли большей частью изъ людей, приговоренныхъ по суду къ каторжнымъ работамъ; эти несчастные, мало приспособленные къ такимъ работамъ, живыми погребались въ ненавистныхъ пещерахъ подъ жестокимъ руководствомъ рабовъ или вольноотпущенниковъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ суровыхъ приговоровъ, которые могъ вынести судья, и во время гоненій его очень часто примѣняли къ христіанамъ. Мало было добыть мраморъ изъ каменоломни, надо было доставить его въ Римъ. Изъ портовъ Греціи и Азіи, Александріи и Карѳагена выходили постоянно тяжелыя суда, нагруженныя громадными глыбами, пересѣкавшія море съ неимовѣрнымъ трудомъ и со всевозможными опасностями. Такъ какъ большія суда не могли подниматься вверхъ

по Тибру, они останавливались въ Остіи; поэтому правительство установило тамъ цѣлое учрежденіе, принимавшее мраморъ и отправлявшее его въ Римъ. Глыбы средней величины помѣщали на обыкновенныя барки, но приходилось строить спеціальныя суда для монолитныхъ колоннъ, для колоссальныхъ статуй или гранитныхъ обелисковъ. Значительны были расходы, вызывавшіеся этими сложными операціями, и плата, которую приходилось выдавать тысячамъ рабочихъ, чиновниковъ и матросовъ. Представьте себѣ во что обходился мраморъ съ того дня, когда онъ выходилъ изъ каменоломни, до того дня, когда приносили его въ мастерскую художника. Но необходимо было поражать толпу и давать ей восхищаться все новыми чудесами; необходимо было, чтобы это общественное довольство, такъ часто упоминаемое въ надписяхъ и на медаляхъ, бросалось всѣмъ въ глаза. Чтобы не обвиняли во лжи декреты сената, прославлявшаго при вступленіи на престолъ каждаго императора возстановленное благополучіе и упроченный миръ имперіи, чтобы дать наглядное доказательство этого благополучія, нужно было безпрестанно увеличивать празднества и памятники. Такимъ образомъ великолѣпіе стало со временъ Августа политическимъ учрежденіемъ и способомъ управлять міромъ.

Этой политикѣ способствовали счастливыя обстоятельства; въ то самое время, когда монархи принялись за эти великолѣпныя сооруженія, чтобы занять и ослѣпить народы, въ архитектурѣ происходила своего рода революція, дѣлавшая эту роскошь болѣе доступной. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, говоритъ Шуази въ своемъ ученомъ трудѣ (L'art de bâtir chez les Romains), римляне употребляли для своихъ памятниковъ громадныя каменныя глыбы, отесанныя или неотесанныя, но всегда поставленныя другъ на друга безъ цемента. Они никогда не отказывались вполнѣ отъ этого способа, гдѣ каждый камень напоминаетъ объ осиленной трудности и даетъ всей совокупности зданія видъ могущественный и величественный; но такъ какъ этотъ способъ отличался медлительностью и дороговизной, они со времени имперіи предпочли другой способъ. Вмѣсто того, чтобы составлять корпусъ своихъ памятниковъ изъ большихъ камней съ трудомъ нагроможденныхъ другъ на друга, они стали пользоваться неправильнымъ матеріаломъ, соединеннымъ кусками и скрѣпленнымъ известкой. Этотъ способъ, котораго они, несомнѣнно, не изобрѣли (я только что упоминалъ, что они ничего не изобрѣтали), но изъ котораго они первые сдѣлали методическое и общее употребленіе, представлялъ значительныя выгоды людямъ, желавшимъ строить быстро и выгодно. Онъ позволялъ имъ возводить колоссальные своды при помощи простыхъ рабочихъ и безъ другого матеріала, кромѣ булыжника и известки. Мы не знаемъ, откуда они позаимствовали этотъ способъ и какой періодъ ощупываній и испытаній они прошли раньше, чѣмъ научились имъ пользоваться. Шуази замѣчаетъ, что Пантеонъ одинъ изъ древнѣйшихъ и красивѣйшихъ памятниковъ, построенныхъ по этому способу. Слѣдовательно, онъ доходитъ до совершенства около перваго вѣка имперіи. Среди общаго упадка искусства,

говоритъ Шуази, добрыя традиціи римской архитектуры продолжались безъ измѣненій, какъ и безъ развитія. При Антонинахъ не иначе строили, чѣмъ при первыхъ цезаряхъ. Употребленіе этихъ экономическихъ и быстрыхъ пріемовъ, которыми съ успѣхомъ пользовались вплоть до послѣдняго дня Рима, сдѣлало возможнымъ большія постройки имперіи.

Тиберій не былъ такъ щедръ, какъ Августъ, и онъ не любилъ такъ построекъ; тѣмъ не менѣе о немъ сохранилось нѣкоторое воспоминаніе на Палатинскомъ холмѣ. Онъ повидимому не жилъ въ томъ же домѣ, какъ его предшественникъ, онъ имѣлъ свой отдѣльный дворецъ, носившій его имя (domus Tiberiana). Онъ нѣсколько разъ упоминается въ разсказахъ историковъ и изъ ихъ сообщеній мы узнаемъ о его мѣстоположеніи. Среди этихъ разсказовъ есть нѣкоторые, которые не забываются; по словамъ Тацита, 15 января 69 г. императоръ Гальба совершалъ жертвоприношеніе въ храмѣ Аполлона, близъ дворца Августа. Рядомъ съ нимъ стоялъ его другъ Отонъ, желавшій завладѣть имперіей. Боги ему не содѣйствовали, знаки, наблюдаемые во внутренностяхъ животныхъ, были ему неблагопріятны и аруспицій предсказывалъ императору неминуемую гибель. Отонъ радовался, зная, что близокъ взрывъ заговора, подготовленнаго его друзьями противъ стараго императора. Вдругъ одинъ вольноотпущенникъ приходитъ за нимъ и по условленному знаку уводитъ его съ собой. Отонъ, опираясь на его руку, проходитъ черезъ домъ Тиберія, сходитъ оттуда на Велабръ и, поворачивая направо къ форуму, подходитъ къ храму Сатурна, къ золотому милліарію, откуда начинались всѣ дороги имперіи. Тамъ встрѣчаетъ онъ двадцать три солдата преторіанской гвардіи, провозглашающихъ его императоромъ, сажающихъ его на носилки и ведущихъ его въ лагерь въ то время, какъ Гальба, по словамъ Тацита, продолжалъ утомлять своими молитвами боговъ имперіи, ему уже не принадлежавшей (Hist I 27). Значитъ домъ Тиберія долженъ былъ находиться на сѣверной сторонѣ Палатинскаго Холма со стороны Велабра. Онъ, по всей вѣроятности, былъ старымъ жилищемъ его семейства, которое онъ расширилъ въ виду своего новаго положенія. До настоящаго времени сохраняются только нѣсколько узкихъ комнатъ, служившихъ вѣроятно помѣщеніемъ для рабовъ; можетъ быть отъ него найдутъ больше, когда произведутъ раскопки въ садахъ, все еще прикрывающихъ античныя зданія.

Нѣсколько выше въ углу Палатинскаго холма, обращенномъ къ форуму, находился дворецъ Калигулы. Говорятъ, что онъ былъ великолѣпенъ, что онъ былъ украшенъ живописью и статуями, взятыми изъ всѣхъ знаменитыхъ храмовъ Греціи. Но Палатинскаго холма было недостаточно для Калигулы; онъ распространилъ свои постройки вплоть до форума и сдѣлалъ изъ храма Кастора сѣни своего дома. Слыша постоянно, что онъ богъ, онъ сталъ серьезно относиться къ своей божественности и считалъ себя наравнѣ со всѣми обитателями Олимпа. Не довольствуясь тѣмъ, что соорудилъ храмъ себѣ одному, гдѣ ему приносили въ жертву павлиновъ, попугаевъ и рѣдкостныхъ птицъ, онъ желалъ получать часть даровъ, приносившихся всѣмъ остальнымъ богамъ, его кол-

легамъ; онъ часто приходилъ въ храмъ Кастора, важно усаживался между богами Діоскурами и такимъ образомъ предоставлялъ себя поклоненію народа. Разказываютъ, что однажды въ толпѣ вѣрующихъ онъ замѣтилъ смѣявшагося сапожника и спросилъ его, желая вѣроятно дать ему возможность поправить свой поступокъ, какое онъ производитъ на него впечатлѣніе. „Впечатлѣніе большого дурака“, отвѣтилъ сапожникъ. Довольно удивительно, что Калигула простилъ ему дерзкій отвѣтъ. Но однажды онъ разсердился на Юпитера Капитолійскаго, великаго римскаго бога, котораго онъ обвинялъ навѣрно въ недостаточной почтительности. Часто видѣли, какъ онъ въ ярости шепталъ на ухо деревянной статуѣ грозныя слова. „Надо, чтобы одинъ изъ насъ исчезъ“, повторялъ онъ, и опасались, что онъ прикажетъ отрубить голову почтенной статуѣ и замѣнить ее своей, какъ вдругъ онъ успокоился. Юпитеръ, по его словамъ, попросилъ у него прощенія, и рѣзко перейдя отъ бѣшенства къ крайностямъ страсти, онъ сталъ неразлучнымъ со своимъ новымъ другомъ. Чтобы находиться поближе отъ него и имѣть возможность посѣщать его во всякое время, онъ построилъ висячій мостъ надъ самыми высокими зданіями форума, соединявшій Палатинскій холмъ съ Капиталіемъ.

Мостъ этотъ былъ рано разрушенъ; но память о Калигулѣ сохранилась на Палатинѣ; она связана съ другими развалинами императорскаго жилища, обнаруженными раскопками. Недалеко отъ древнихъ воротъ Mugonia близъ храма Юпитера Статора нашли одинъ изъ проходовъ, называвшихся римлянами криптопортиками, которые находились подъ землей и по которымъ можно было переходить изъ одного дома въ другой, не пересѣкая улицъ или площадей. Это одинъ изъ самыхъ длинныхъ извѣстныхъ намъ проходовъ; онъ начинается у самой Палатинской улицы, идетъ на разстояніи болѣе 100 метровъ вдоль домовъ Тиберія и Калигулы, затѣмъ внезапно поворачиваетъ направо и продолжается до того мѣста, гдѣ онъ приводилъ къ одному дворцу, теперь разрушенному. Онъ былъ тщательно разукрашенъ и свѣтъ въ него падалъ черезъ отверстія, продѣланныя въ сводѣ. При этомъ сомнительномъ свѣтѣ 24 января 41 года произошло ужасное событіе, подробно разсказанное историкомъ Іосифомъ Флавіемъ (Antiq. Jud. XIX, I). Калигулу, говорятъ, сначала всѣ римляне очень любили, такъ что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ совершили больше 160 тысячъ жертвоприношеній, чтобы отблагодарить боговъ за его восшествіе на престолъ; но трехъ лѣтъ было достаточно, чтобы весь міръ началъ бояться и возненавидѣлъ его; поэтому подъ руководствомъ военнаго трибуна Кассія Хереи составился заговоръ съ цѣлью освободить имперію отъ Калигулы. Несмотря на то, что Херея уже не былъ молодъ, онъ сохранялъ привычку элегантно одѣваться и выражаться и имѣлъ безпечный и изнѣженный видъ, вслѣдствіе чего онъ казался менѣе энергичнымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности; подъ наружностью франта скрывалась душа воина; это былъ кромѣ того республиканецъ, помнившій о прежнемъ правленіи среди людей, на перерывъ восхвалявшихъ новое. Калигула, безпощадный и жестокій, не переставалъ наносить ему оскор-

бленія. Когда трибунъ по обычаю приходилъ къ нему, чтобы узнать лозунгъ, императоръ, желая посмѣяться надъ его изнѣженными привычками, давалъ ему грубое или грязное слово, которое давало поводъ солдатамъ и офицерамъ насмѣхаться надъ Хереей. Императоръ выбиралъ его для непріятныхъ порученій. Разъ онъ поручилъ ему подвергнуть пыткѣ актрису, любовника которой хотѣли погубить; но актриса, несмотря на страшнѣйшія страданія, отказалась сказать что бы то ни было, что могло бы повредить любимому человѣку. Херея, недовольный имъ и другими, стыдясь навязываемой имъ роли, негодуя на наносимыя имъ оскорбленія, рѣшилъ убить монарха. Послѣ долгихъ колебаній рѣшено было привести планъ въ исполненіе во время Палатинскихъ игръ, дававшихся въ честь Августа. Игры эти праздновались внизу холма, близъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи возведена была арка Тита. Тамъ ставили временный театръ изъ досокъ и нѣсколько дней тамъ тѣснилась толпа. Въ тотъ день она была многочисленнѣе обыкновеннаго, потому что вечеромъ собирались дать особенное зрѣлище, представленіе сценъ въ аду труппой египтянъ и эѳіоповъ. Около полудня императоръ обыкновенно на короткое время возвращался во дворецъ, чтобы поѣсть и отдохнуть; тутъ ждали его заговорщики. Онъ вышелъ изъ театра со своимъ дядей Клавдіемъ и нѣсколькими друзьями въ предшествіи германскихъ воиновъ, составлявшихъ его гвардію. Пройдя Палатинскія ворота, онъ далъ своимъ спутникамъ пройти въ улицу, ведшую ко дворцу, а самъ свернулъ въ криптопортикъ; онъ хотѣлъ увидѣть дѣтей знат-

ныхъ фамилій, выписанныхъ имъ изъ Азіи для игръ, которыя онъ собирался дать народу. Въ этомъ уединенномъ мѣстѣ ихъ обучали пѣть гимны и плясать пиррихъ. Херея, бывшій дежурнымъ трибуномъ, бросился за нимъ; онъ устранилъ любопытствующихъ и придворныхъ, говоря, что императоръ желаетъ быть одинъ, и пошелъ за нимъ съ заговорщиками. Затѣмъ, подойдя къ нему, въ то время какъ онъ разговаривалъ съ молодежью, онъ нанесъ ему ударъ мечомъ по головѣ. Калигула, только раненый, поднялся ничего не говоря и хотѣлъ убѣжать. Но его тотчасъ же окружили сообщники Хереи и нанесли ему тридцать ударовъ кинжалами. На шумъ прибѣжали солдаты гвардіи, и заговорщики, которые не могли уже возвратиться вспять, потому что они встрѣтились бы съ офицерами и германцами, шедшими отомстить за него, продолжали итти по портику вплоть до того мѣста, гдѣ стоялъ, по словамъ Іосифа, домъ Германика, и тамъ имъ легко было убѣжать.

Историки разсказываютъ объ ужасныхъ безпорядкахъ, послѣдовавшихъ за смертью императора. Сожалѣвшіе о немъ германцы убивали всѣхъ, кого встрѣчали на своемъ пути, вокругъ портика и дворца; невинные и виновные падали вмѣстѣ подъ ихъ ударами. Въ это время слухъ о происшествіи сталъ распространяться въ театрѣ. Никто не рѣшался ему повѣрить, хотя всѣ желали его. Какъ ужасно было то время, говоритъ Светоній, видно изъ того, что вообразили, будто самъ императоръ распространилъ слухъ о своей смерти, чтобы получить поводъ казнить тѣхъ, кто окажется доволенъ этимъ слухомъ. Распро-

странялись самые странные слухи; не знали, что предпринять, никто не имѣлъ храбрости проявить свои чувства или покинуть свое мѣсто, когда пришли германцы; все болѣе и болѣе пьянѣя отъ крови и гнѣва и видя повсюду сообщниковъ убійцъ, они грозили броситься на безоружную толпу. Успокоить ихъ стоило большого труда, и зрители спаслись среди невообразимаго безпорядка.

Криптопортикъ, гдѣ произошли эти трагическія событія, почти вполнѣ сохранился. По немъ можно пройти отъ начала до конца и въ воображеніи легко представить себѣ страшную сцену, тамъ происходившую 18 вѣковъ тому назадъ. Видишь передъ собой этого монарха, истощеннаго всевозможными излишествами, этого 29 лѣтняго старца, какимъ Сенека и Светоній описали его чертами незабываемыми: маленькая голова на громадномъ тѣлѣ, впалые глаза, блѣдный цвѣтъ лица, дикій взглядъ, физіономія, которую природа сдѣлала зловѣщей и которой по странному кокетству онъ старался придать еще болѣе страшный видъ. Можно слѣдовать за убійцами съ того момента, когда они проникаютъ въ портикъ, до той минуты, когда они спасаются черезъ домъ Германика, прося убѣжища у отца, послѣ того какъ они убили сына.Этотъ домъ по счастливой случайности можетъ быть существуетъ еще, потому что нѣкоторые ученые думаютъ, что это тотъ домъ, который нашли почти цѣлымъ въ концѣ портика.

Онъ былъ открытъ Розой въ 1869 г. и это несомнѣнно одинъ изъ любопытнѣйшихъ остатковъ Палатинскаго холма. Много спорили о томъ, кому

этотъ домъ принадлежалъ. Вслѣдствіе близости къ дворцу Тиберія естественно было предположить, что это былъ его семейный домъ, въ которомъ онъ родился, который отецъ завѣщалъ ему умирая. Это было дѣйствительно первое названіе, которое ему дали; но нѣсколько позже нашли въ фундаментѣ кусокъ свинца отъ водопровода, на которомъ можно было прочесть вырѣзанныя въ нѣсколькихъ мѣстахъ слова: Juliae Augustae. Имя это, по всей вѣроятности имя владѣльца, носили разныя лица, прежде всего Ливія, жена Августа, и Леонъ Ренье увѣренъ, что о ней-то и идетъ рѣчь. Слѣдовательно, домъ на Палатинскомъ холмѣ тотъ самый, куда удалилась Ливія послѣ смерти мужа; тамъ, по мнѣнію Ренье, она провела въ одиночествѣ и грусти послѣдніе годы своей жизни, ненавидимая сыномъ, который стыдился, что обязанъ ей своимъ величіемъ. Съ другой стороны по мнѣнію Висконти и Ланчіани нашъ маленькій домъ это тотъ, о которомъ говоритъ Іосифъ и черезъ который спаслись убійцы Калигулы, и они рѣшаются назвать его домомъ Германика. Какъ бы мы ни относились къ этимъ мнѣніямъ, которыя возможно согласовать между собой, домъ этотъ во всякомъ случаѣ древнѣе портика; нѣкоторыя подробности архитектуры указываютъ, что онъ относится къ концу республики или первымъ годамъ имперіи. Онъ продолжалъ существовать среди перемѣнъ, происходившихъ на Палатинѣ; все болѣе и болѣе скрытый и погребенный среди этихъ большихъ дворцовъ, которые строили вокругъ него, онъ имѣлъ счастье пережить ихъ. Весь нижній этажъ прекрасно сохранился. Вокругъ атрія, куда спу-

скаешься по нѣсколькимъ ступенямъ, расположены четыре залы, покрытыя до сихъ поръ самой красивой и самой нетронутой живописью найденной въ Римѣ. Вдоль карнизовъ виднѣются элегантныя арабески, гирлянды листьевъ и цвѣтовъ, переплетенныя крылатыми геніями, фантастическіе пейзажи прекраснаго вкуса. По срединѣ стѣнъ видно пять большихъ фресокъ на различные сюжеты. Меньшія по размѣру и качеству представляютъ сцены посвященій и магіи. Другая, имѣющая около 3 метровъ высоты, представляетъ римскую улицу, видную изъ открытаго окна. Это была манера увеличить комнату, сдѣлать ее веселѣе и придать римскимъ домамъ видъ на улицу, котораго у нихъ обыкновенно не было. Обычай этотъ существуетъ до сихъ поръ. „Всѣ путешествовавшие по Италіи, говоритъ Перро, знаютъ какое пристрастіе сохранили итальянцы къ обману глазъ, къ этимъ перспективамъ, какія ихъ декораторы употребляютъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Входишь во дворъ и передъ собой на стѣнѣ видишь вмѣсто сѣраго тусклаго цвѣта штукатурки или яркой бѣлизны известки удаляющуюся улицу, окаймленную красивыми зданіями или садомъ, рощи, наполненныя птицами, летающими по листьямъ, бесѣдки, гдѣ виситъ спѣлый виноградъ. Глазъ, хоть и не введенный въ заблужденіе, испытываетъ все-таки большое удовольствіе отъ этой подтасовки; пріятно наслаждаться иллюзіей, которая въ зависимости отъ искусства художника можетъ продолжаться дольше и меньше. Отъ художниковъ, украшавшихъ дома императорскаго Рима, вплоть до тѣхъ, которые въ настоящее время разрисовываютъ стѣны домовъ

въ Генуѣ, Миланѣ, Падуѣ и Болоньѣ, идетъ непрерывная традиція, наслѣдіе, передаваемое изъ вѣка въ вѣкъ, несмотря на всѣ политическія превратности“. Палатинская перспектива воспроизводитъ видъ улицы съ домами, гдѣ въ каждомъ этажѣ видны открытыя террасы или балконы подъ крышей, опирающейся на колонны, какъ современная лоджія. Люди, высунувшись изъ окна, смотрятъ на прохожихъ; женщина вышла изъ своей двери и такъ какъ ее сопровождаетъ молодая дѣвушка съ блюдомъ въ рукахъ, на которое клали священные пироги, можно предположить, что онѣ обѣ шли сдѣлать приношеніе въ сосѣдній храмъ. Это значитъ реальный пейзажъ, точно воспроизведенный уголокъ Рима, гдѣ мы находимъ то, чего недостаетъ въ Помпеяхъ, дома въ нѣсколько этажей.

Двѣ остальныя картины миѳологическія. На одной представленъ Полифемъ, преслѣдующій Галатею. Великанъ на половину поглощенъ волнами и чтобы показать, что онъ обуреваемъ своею страстью, живописецъ поставилъ за нимъ маленькаго безкрылаго Амура, стоящаго на его плечахъ и правящаго имъ при помощи двухъ лентъ. Галатея убѣгаетъ, сидя на гиппокампѣ, она поворачивается въ сторону Циклопа; его правая рука опирается на задъ лошади въ то время какъ въ лѣвой, обнимающей шею лошади, онъ держитъ красную мантію, спускающуюся до бедра. Красная драпировка и черная грива гиппокампа выдѣляютъ бѣлизну тѣла нимфы. На заднемъ планѣ виденъ морской рукавъ среди высокихъ береговъ. Горы покрыты деревьями, вода сохраняетъ свою прозрачность. „Я не знаю античнаго

пейзажа, говоритъ Перро, гдѣ была бы болѣе удачная и широкая интерпретація природы". Другая фреска, лучшая по исполненію, представляетъ Іо въ тотъ моментъ, когда Гермесъ освобождаетъ ее отъ Аргуса. Ничего не можетъ быть элегантнѣе и граціознѣе позы молодой дѣвушки: она въ отчаяніи, глаза ея обращены къ небу, одежда въ безпорядкѣ, она едва удерживаетъ на груди плащъ, готовый улетѣть. За ней крадется Гермесъ, скрытый скалой отъ Іо и ея стража, въ то время какъ бдительный Аргусъ не теряетъ изъ виду свою жертву и кажется готовъ броситься на освободителя, появленія котораго онъ опасается. „Эта картина, говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ античной живописи, Гельбигъ, обнаруживаетъ руку необыкновенно искусную и твердую, контуры ея тонко, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ опредѣленно очерчены; гамма цвѣтовъ, которая держится въ тонахъ сравнительно свѣтлыхъ, производитъ гармоничное впечатлѣніе, на которомъ глазъ отдыхаетъ. Трудно было бы найти въ Помпеѣ фигуру, которую можно было бы поставить на ряду съ палатинской Іо; пропорціи ея болѣе стройны и нѣжны, колоритъ болѣе прозрачный и нѣжный, чѣмъ у кампанскихъ живописцевъ. Слѣдуетъ ли объяснить большую тонкость замысла и исполненія тѣмъ, что римскіе живописцы имѣли болѣе возможности, чѣмъ провинціальные, видѣть и изучать греческіе оригиналы? Слѣдуетъ ли принимать во вниманіе вліяніе, которое должны были оказывать на римскихъ художниковъ реальный міръ ихъ окружавшій и изящество свѣтскихъ женщинъ большого города?

На это я не рѣшаюсь дать положительнаго отвѣта".

Представляется удивительнымъ, что этотъ изящный домъ, едва отдѣленный отъ императорскихъ дворцовъ портиками и улицами, могъ существовать безъ значительныхъ измѣненій отъ конца республики до паденія имперіи. Можетъ быть онъ находился подъ покровительствомъ знаменитыхъ хозяевъ, жившихъ въ немъ въ первые годы; можетъ быть также послѣдующіе цезари имѣли особенную причину поддерживать его и ремонтировать такъ тщательно. Какое бы удовольствіе ни доставляло быть императоромъ или королемъ, бываютъ минуты, когда это ремесло надоѣдаетъ и когда является потребность сойти на нѣкоторое время съ этой высоты. Эта оффиціальная и публичная жизнь надоѣла бы самымъ храбрымъ честолюбцамъ, если бы она не прерывалась отъ времени до времени нѣкоторымъ уединеніемъ. Даже Людовикъ XIV, такой пригодный для этого вѣчнаго представительства и привыкшій къ нему съ дѣтства, отправлялся въ Марли, гдѣ этикетъ былъ менѣе строгъ, чтобы избѣжать того, что Сен-Симонъ называетъ придворной механикой, и сколько-нибудь принадлежать самому себѣ. Быть можетъ этотъ маленькій и прелестный домъ, находившійся такъ близко отъ императорскихъ дворцовъ и все же отъ нихъ независимый, гдѣ ничто не напоминаетъ верховный санъ, служилъ мѣстомъ отдыха монархамъ, уставшимъ отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ былъ къ этому очень пригоденъ; онъ представлялъ для нихъ картину частной жизни, о которой всегда вспоминаютъ съ нѣкоторымъ сожа-

лѣніемъ, покинувъ ее. По моему мнѣнію, независимо отъ удовольствія, доставляемаго красивой живописью, мысль, что его часто посѣщали такіе монархи, какъ Веспасіанъ или Титъ, Траянъ или Маркъ Аврелій, что они проводили тамъ пріятные часы въ интимной бесѣдѣ со своими друзьями, увеличиваетъ интересъ къ его посѣщенію.

Отъ Нерона ничего не сохранилось на Палатинскомъ холмѣ. Такъ какъ у него былъ вкусъ ко всему громадному, онъ мечталъ построить дворецъ, гдѣ могъ бы помѣститься цѣлый городъ. Такъ какъ на узкомъ холмѣ, покрытомъ уже храмами и знатными домами, не было довольно мѣста для построекъ, которыя онъ проектировалъ, онъ рѣшилъ построить свой дворецъ въ другомъ мѣстѣ. Для дворца Калигулы уже занята была часть форума; Неронъ задумалъ воспользоваться садами Мецената на обширной равнинѣ, отдѣляющей Палатинскій холмъ и Целій отъ Эсквилина. Когда ужасный пожаръ, продолжавшійся десять дней, освободилъ мѣсто отъ тѣснившихся на немъ домовъ, архитекторы Нерона, Северъ и Целеръ принялись за дѣло. Ихъ смѣлое воображеніе, находящее неожиданныя комбинаціи, плѣняло императора, болѣзненный умъ котораго любилъ только новыя зрѣлища и особенные замыслы. Они построили ему дворецъ, раньше невиданный. Громадное пространство, которымъ они располагали, было наполнено всевозможными зданіями. При входѣ, гдѣ Адріанъ возвелъ впослѣдствіи храмъ Рима, они помѣстили статую монарха, колоссъ въ 120 футовъ, изъ котораго сдѣлали позже изображеніе солнца. Со стороны Эсквилина, гдѣ земля очень плодородна, простирались обширные луга, поля, виноградники, лѣса, въ которыхъ бродили дикія животныя. Среди равнины вырыли прудъ, по словамъ Светонія, столь же обширный, какъ море, по берегамъ котораго возвышались живописныя зданія. Дворецъ въ собственномъ смыслѣ слова блисталъ драгоцѣнными металлами и рѣдкими камнями, вставленными въ стѣны; поэтому его называли золотымъ домомъ. Въ немъ находились обширные портики, столовыя съ полами изъ слоновой кости и фонтаны, изъ маленькихъ отверстій обдававшіе гостей дождемъ ароматовъ и цѣнныхъ эссенцій, ванны, гдѣ въ бассейнахъ имѣлись въ изобиліи морская вода и разныя сѣрнистыя воды. Когда Неронъ переселился въ свой новый дворецъ, онъ удостоилъ благодарностью своихъ архитекторовъ, сообразовавшихся съ его вкусомъ, и заявилъ, что наконецъ нашелъ себѣ жилище.

III.

Флавіи и ихъ политика. Описаніе дворца Домиціана. Дворецъ Севера. Императорская ложа въ Большомъ циркѣ. Помѣщеніе солдатъ и служителей.

Династія Флавіевъ, замѣнившая Цезарей, вынуждена была держаться другого образа дѣйствій. Такъ какъ она была недавняго происхожденія и не пользовалась авторитетомъ, основывающемся на древнихъ воспоминаніяхъ, ей приходилось опираться на общественное мнѣніе, выслушивать его жалобы и серьезно съ нимъ считаться. Изо всѣхъ безумныхъ затѣй Нерона, постройка Золо-

того дома раздражила можетъ быть всего больше честныхъ людей; она напоминала одно изъ самыхъ ужасныхъ несчастій этого царствованія, пожаръ Рима; Нерона обвиняли въ томъ, что онъ самъ зажегъ его, чтобы устроить желательное ему мѣсто. Едва погасъ огонь, говоритъ одинъ историкъ, онъ поспѣшилъ воспользоваться разрушеніемъ родного города, чтобы построить великолѣпный дворецъ. Съ негодованіемъ смотрѣли, на эти поля, сады, луга, замѣнившіе столько бѣдныхъ домовъ, на все это громадное пространство среди города, наполненнаго народомъ, занятое однимъ жилищемъ. „Римъ, говорили въ ядовитыхъ стихахъ, скоро превратится въ одинъ дворецъ. Граждане, готовьтесь переселиться въ Веи, если только и Веи не войдутъ въ домъ Цезаря (Sueton, Nero, 39)“. Кромѣ того, эти великолѣпія стоили очень дорого, архитекторы императора не соображались съ имѣющимися средствами и казна была постоянно пуста; чтобы наполнить ее, прибѣгали по обычаю къ конфискаціямъ и убійствамъ, такъ что Золотой домъ напоминалъ всѣ преступленія, которыя онъ вызвалъ. Новые императоры не только его не достроили, но даже его уничтожили. Обширныя земли, которыя онъ занималъ, были частью возвращены городу; оставили за собой только мѣсто, нужное для возведенія нѣсколькихъ великолѣпныхъ памятниковъ. На мѣстѣ Нероновыхъ прудовъ былъ построенъ амфитеатръ Флавіана, который теперь называютъ Колизеемъ. На Эсквилинѣ начали строить термы, которыя впослѣдствіи получили имя Тита и ниже Палатинской улицы, на Священной дорогѣ, изящная тріумфальная арка

напоминала взятіе Іерусалима. Эти зданія, которыми новая династія старалась сдѣлаться популярной, имѣли то преимущество передъ постройками Нерона, что ими пользовался народъ. „Римъ говорилъ одинъ поэтъ, вновь владѣетъ собой, благодаря тебѣ, Цезарь; что было наслажденіемъ одного, стало удовольствіемъ для всѣхъ“ (Martial. De spect. 2, 12).

Имперія вернулась опять на Палатинскій холмъ съ тѣмъ, чтобы оттуда уже не уходить. Веспасіанъ и Титъ держались политики Августа, не щадя никакихъ издержекъ на общественныя зданія въ то время какъ сами они жили просто, скорѣе какъ частные люди, чѣмъ какъ монархи. Они повидимому приспособили себѣ прежніе императорскіе дворцы, которые отремонтировали послѣ пожара; но эта простота не пришлась по вкусу ихъ преемнику Домиціану. Онъ имѣлъ манію или, какъ выражается Плутархъ, болѣзнь построекъ. Рѣдко императоры возводили такія великолѣпныя зданія, и намъ сообщаютъ, что его дворецъ былъ всѣхъ великолѣпнѣй. Человѣкъ, требовавшій поклоненія, приказывавшій, чтобы въ прошеніяхъ, ему подаваемыхъ, его называли господиномъ и богомъ, могъ жить только въ святилищѣ; такъ называлъ онъ самъ свой домъ и желалъ, чтобы его называли другіе. Естественно было, что онъ желалъ построить зданіе, достойное этого имени.

Раскопки послѣднихъ лѣтъ вполнѣ обнаружили этотъ дворецъ, бывшій предметомъ восхищенія современниковъ. Это не совсѣмъ новое открытіе; въ началѣ 18-го вѣка герцогъ Пармскій Франсуа I, владѣвшій этой частью холма,

поручилъ ученому Біанкини сдѣлать раскопки; тамъ нашли значительное количество развалинъ и безъ колебанія признали, что онѣ должны принадлежать дворцу Домиціана. Онъ былъ тогда въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ теперь, и въ нѣсколькихъ залахъ сохранялись значительные остатки первоначальной живописи. Послѣ того какъ унесли все, чѣмъ можно было украсить музеи Фарнезе, развалины были вновь завалены землей на полтора вѣка. Роза окончательно раскрылъ ихъ и такъ какъ онѣ вполнѣ расчищены и легко возстановить общій планъ зданія, которое болѣе соотвѣтствуетъ нашему представленію о дворцѣ, то путешественники охотнѣе посѣщаютъ это мѣсто Палатинскаго холма и сохраняютъ о немъ самое лучшее воспоминаніе.

Дворецъ Домиціана—римскій домъ, построенный по тому же плану, какъ другіе, съ тою только разницею, что пропорціи здѣсь крупнѣе. Къ нему приходили по тому крутому подъему (clivus palatinus), который, какъ я говорилъ, отдѣлялся отъ Священной дороги у арки Тита и со времени Ромула служилъ обычнымъ входомъ на Палатинскій холмъ. Въ концѣ этой улицы находился главный фасадъ дворца. Подъ великолѣпнымъ портикомъ, поддерживавшимся колоннами, столбы котораго найдены, открывались три двери. Средняя вела въ одинъ изъ самыхъ большихъ извѣстныхъ намъ покоевъ. Это безъ сомнѣнія пріемная зала, за которой Роза сохранилъ ея античное названіе tablinum. Императоръ давалъ въ ней аудіенціи; тамъ принималъ онъ пословъ царей или чужеземныхъ народовъ и депутаціи

отъ провинцій, въ ежегодные праздники приносившія ему поздравленія и пожеланія его самыхъ отдаленныхъ подданныхъ. Эта зала—живое свидѣтельство того развитія, какое получили монархическіе нравы со временъ Августа Въ концѣ ея противъ входной двери видна абсида, въ которой несомнѣнно долженъ былъ помѣщаться тронъ императора, такъ какъ Домиціанъ имѣлъ тронъ; съ нимъ введенъ былъ при дворѣ этикетъ восточныхъ монархій. Стацій, его любимый поэтъ, открыто давалъ ему имя царя, котораго Цезарь не рѣшался принять, и зналъ, что не рискуетъ сдѣлать непріятное монарху. Украшеніе залы соотвѣтствовало ея обширности. Біанкини разсказываетъ, что, открывъ ее, онъ нашелъ тамъ восхитительные остатки ея прежняго величія. По стѣнамъ, облицованнымъ самымъ цѣннымъ мраморомъ, возвышались 16 коринѳскихъ колоннъ прекрасной работы въ 28 футовъ высоты. Въ восьми большихъ нишахъ съ фронтонами надъ ними, какъ въ Пантеонѣ Агриппы, стояли восемь колоссальныхъ статуй изъ базальта: двѣ изъ нихъ, Вакхъ и Геркулесъ, были найдены на своихъ мѣстахъ. По сторонамъ входной двери стояли двѣ колонны изъ античнаго янтаря; порогъ былъ сдѣланъ изъ мраморной плиты такой величины, что изъ нея сдѣлали престолъ для одной церкви. Всѣ эти сокровища разбрелись по разнымъ мѣстамъ; вдоль стѣнъ или на полу остается всего нѣсколько слѣдовъ покрывавшаго ихъ мрамора, и эти остатки не даютъ понятія о роскоши этой залы.

Таблинумъ находится между двумя комнатами неодинаковой величины, выходящими какъ онъ на входной портикъ. Меньшую изъ нихъ сочли

за домашнюю часовню, гдѣ поклонялись семейнымъ богамъ, и дали ей названіе Lararium, но въ такомъ назначеніи комнаты позволительно сомнѣваться. Относительно второй напротивъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; это была базилика, т. е. зала суда. Можно вполнѣ ясно распознать всѣ ея части, и даже около полукруглой абсиды, гдѣ сидѣли судьи, сохранился остатокъ мраморной балюстрады, отдѣлявшей ихъ отъ публики. Тутъ императоръ разбиралъ гражданскія и уголовныя дѣла, относившіяся къ его компетенціи. Домиціанъ очень дорожилъ этой прерогативой верховной власти; онъ хотѣлъ пріобрѣсти репутацію строгаго судьи и безпощадно наказывалъ другихъ за тѣ вины, которыя онъ себѣ такъ охотно прощалъ.

За этими тремя залами, занимающими весь фасадъ дворца, находится перистиль, обширный дворъ, окруженный портиками пространствомъ свыше 3000 квадратныхъ метровъ. Еще видны остатки колоннъ съ канелюрами изъ карійскаго мрамора, поддерживавшихъ потолокъ, и плиты изъ нумидійскаго мрамора, покрывавшія стѣны. Въ концѣ перистиля противъ таблинума широкая дверь ведетъ въ триклиній или столовую залу дворца. Марціалъ сообщаетъ, что до Домиціана Палатинскій холмъ не имѣлъ триклинія, достойнаго Цезаря, и поздравляетъ императора съ тѣмъ, что онъ построилъ такой, который представляется ему не менѣе красивымъ, чѣмъ столовая Олимпа; онъ говоритъ, что боги могли бы пить тамъ нектаръ и получать изъ рукъ Ганимеда священный кубокъ. Сравненіе это отличается смѣлостью, но надо признать, что зала должна была быть

очень красива, когда она была цѣла. По римскому обычаю въ ней стояло три стола; два изъ нихъ поставлены были по боковымъ стѣнамъ, а главный противъ входной двери въ своего рода абсидѣ, великолѣпно украшенной, гдѣ сохраняется еще часть пола изъ порфира, серпентина и янтаря; ее занимали императоръ и самыя знатныя лица. Середина оставалась свободной для служителей. Съ каждой стороны пять большихъ оконъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга колоннами изъ краснаго гранита, выходили на двѣ нимфеи, среди которыхъ еще находятся остатки мраморнаго бассейна, украшеннаго нишами, гдѣ должны были стоять статуи. Съ ложа, на которое гости ложились во время ѣды, они могли видѣть воду, каскадами падавшую изъ фонтана среди зелени, мрамора и цвѣтовъ. Современные писатели часто упоминаютъ объ этой изящной столовой. Домиціанъ, хваставшійся тѣмъ, что любитъ литературу, и въ молодости писавшій стихи, которые льстецы находили божественными, удостаивалъ иногда поэтовъ приглашеніемъ къ столу. Стацій, удостоенный этой чести, описалъ свою радость; это настоящій бредъ; онъ говоритъ, что, войдя въ императорскій триклиній, онъ словно былъ перенесенъ въ кругъ свѣтилъ и усѣлся какъ будто за столъ Юпитера. „Тебя ли я вижу, говоритъ онъ императору, побѣдителя и отца покоренной вселенной, тебя, надежду людей и попеченіе боговъ? Итакъ, я подлѣ тебя. Среди чашъ и блюдъ, покрывающихъ столъ, я разсматриваю твое лицо“. И онъ прибавляетъ: „Признаюсь, вся роскошь пира, эти дубовые столы, опирающіеся на колонны слоновой кости, эта толпа рабовъ не

привлекаетъ моего взора; я желалъ видѣть только императора, я смотрѣлъ только на него. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого спокойнаго лица, которое видомъ яснаго величія казалось хотѣло умѣрить блескъ его положенія; но ему не удавалось скрыть свое величіе; оно противъ его желанія отражалось въ его чертахъ. Видя его, самые отдаленные народы, самыя варварскія орды признали бы своего властелина" (Silv. IV. 2). Эти комплименты представляются нѣсколько преувеличенными когда рѣчь идетъ о Домиціанѣ; но честь, оказанная императоромъ Стацію, кружитъ голову поэтамъ. Марціалъ увѣряетъ, что если бы въ одинъ и тотъ же день пригласили его къ обѣду Юитеръ и Домиціанъ, онъ пренебрегъ бы богомъ и отправился бы къ императору.

Отъ всѣхъ этихъ большихъ залъ сохранились только мраморные полы, основанія колоннъ и нѣсколько частей стѣнъ; все остальное разрушено. Но описаній современныхъ писателей достаточно, чтобы дать намъ представленіе о томъ, что мы потеряли. Они единодушно прославляютъ обширные размѣры зданія и описываютъ его высоту. Они говорятъ на своемъ гиперболическомъ языкѣ, что, глядя на него, можно думать, „что видишь Пеліонъ на Оссѣ, что своды его пронизываютъ эѳиръ и видятъ вблизи вершину Олимпа, что снизу глаза едва могутъ различить крышу и что позолоченный верхъ сливается съ блескомъ небесъ". Они говорятъ о безчисленномъ количествѣ колоннъ, „могущихъ поддержать небесный сводъ въ то время какъ отдыхаетъ Атласъ", они перечисляютъ сорта мрамора, по-

шедшаго на украшеніе стѣнъ, они даже такъ злоупотребляютъ этими торжественными описаніями, что поневолѣ является мысль, что въ этихъ украшеніяхъ должно было быть нѣкоторое излишество. Не любили больше простоты во времена Домиціана. Вкусъ публики и талантъ художниковъ понизились; уже не умѣли творить красиво, старались творить богато: таково обыкновеніе всѣхъ искусствъ, находящихся въ упадкѣ. Императоръ первый страстно любилъ все это безпорядочное великолѣпіе; одинъ шутникъ сравнивалъ его съ царемъ Мидасомъ, превращавшимъ въ золото все чего онъ ни касался.

Въ этомъ обширномъ дворцѣ находится много другихъ залъ менѣе важныхъ, чѣмъ вышеописанныя, но въ немъ не нашли внутреннихъ покоевъ, необходимыхъ для частной жизни. Онъ служилъ только для оффиціальнаго представительства, жили же императоры въ другомъ мѣстѣ. Ихъ настоящимъ жилищемъ былъ, повидимому, во всѣ времена домъ Августа или Тиберія. Чтобы переходить изъ этого послѣдняго во дворецъ Домиціана, не пересѣкая площади, вырыли подземный ходъ, существующій до сихъ поръ и соединяющійся съ криптопортикомъ, о которомъ я говорилъ. Такимъ образомъ жизнь императоровъ дѣлилась, такъ сказать, на двое; часть своей жизни, конечно наименѣе пріятную, они проводили въ томъ великолѣпномъ дворцѣ, на двери котораго Нерва начерталъ слова: aedes publicae (общественное зданіе), давая этимъ понять, что всякій имѣетъ право приходить туда съ требованіями справедливости; остальное время они жили въ помѣщеніи менѣе роскошномъ, но бо-

лѣе уединенномъ, удобномъ и приспособленномъ для семейной жизни, гдѣ по отбытіи ремесла императора они могли насладиться, по прекрасному выраженію Антонина, удовольствіемъ быть человѣкомъ.

Прошелъ уже вѣкъ, самый прекрасный вѣкъ имперіи, что цезари жили въ древнихъ дворцахъ, когда Септимію Северу пришла мысль построить новый дворецъ. Можетъ быть поводомъ послужилъ странный пожаръ на Палатинскомъ холмѣ въ концѣ царствованія Коммода; но несомнѣнно была еще другая причина его построить. Новыя династіи чувствуютъ всегда потребность поразить воображеніе народа грандіозными предпріятіями. Династія, послѣдовавшая за Антонинами и которой нужно было заставить забыть свое иностранное происхожденіе, особенно много заботилась о Римѣ, объ его красотѣ и украшеніи. Северъ, какъ всѣ люди, доходящіе быстро до высокаго положенія, опасался, что вспомнятъ его прошлое и старался, чтобы его забыли. Когда онъ вернулся на свою родину, получивъ общественную должность, одинъ изъ его старыхъ друзей, какъ разсказываютъ, обрадовавшись ему, бросился ему на шею,—онъ наказалъ его розгами, чтобы научить обращаться болѣе почтительно съ должностнымъ лицомъ римскаго народа. Ему безъ сомнѣнія казалось, что, соревнуя въ великолѣпіи со своими предшественниками, онъ оказывался достойнымъ ихъ наслѣдникомъ. Онъ хотѣлъ завладѣть императорскимъ холмомъ, построивъ тамъ дворецъ, который носилъ бы его имя.

На Палатинскомъ холмѣ становилось тѣсно и

мѣста для новыхъ построекъ оставалось мало. Впрочемъ еще было свободное пространство противъ Целія вдоль Тріумфальной дороги. Тамъ прежде строили меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что тамъ почва постепенно понижается и не представляетъ ровной поверхности, гдѣ можно было бы поставить обширное зданіе. Однако дворецъ Домиціана какъ-то дошелъ до этого мѣста. Вышеупомянутый перистиль, занимавшій такое большое пространство, рядомъ комнатъ, еще намъ мало извѣстныхъ, соединялся съ домомъ Августа, который Домиціанъ такимъ образомъ включилъ въ свой обширный дворецъ. За домомъ Августа онъ построилъ стадій, который теперь совсѣмъ расчищенъ. Стадіемъ называли своего рода циркъ, предназначенный для бѣга людей или игръ атлетовъ. Это было однимъ изъ любимыхъ развлеченій у грековъ; этому художественному народу ничто не доставляло больше удовольствія, чѣмъ смотрѣть на красивое голое тѣло, выказывающее въ разныхъ упражненіяхъ силу и грацію. Римляне, видѣвшіе въ подобныхъ зрѣлищахъ только непристойность и опасность упражненія, ихъ не любили. Вкусъ къ нимъ однако проявился во время имперіи и Домиціанъ въ особенности способствовалъ распространенію этого вкуса. Онъ построилъ для этихъ игръ большой циркъ Марсова поля, форму и планъ котораго сохраняетъ до сихъ поръ Piazza Navona; онъ любилъ предсѣдательствовать на играхъ въ греческомъ костюмѣ, съ пурпурнымъ плащомъ на плечахъ, съ золотой короной на головѣ. Неудивительно, что онъ желалъ имѣть стадій въ своемъ дворцѣ, гдѣ онъ могъ бы давать для себя и для своихъ

друзей то зрѣлище, которое на Марсовомъ полѣ онъ дѣлилъ со всѣми римлянами. Ему нравилось испробовать въ компаніи нѣсколькихъ знатоковъ бѣгуна или легкаго атлета, котораго онъ собирался показать народу. Мѣсто, гдѣ давались эти празднества, должно было быть очень изящно; нашли императорское полукружіе, состоящее изъ двухъ залъ, поставленныхъ одна на другую, при чемъ верхняя должна была быть самой красивой. Вокругъ цирка находились два этажа портиковъ, поддерживавшихся мраморными колоннами. Легко представить себѣ видъ, какой имѣло это мѣсто, когда императоръ сидѣлъ въ своей ложѣ и придворные, счастливые, что могутъ принять участіе въ развлеченіи императора, толпились подъ портиками.

Свой дворецъ Домиціанъ построилъ за стадіемъ, въ углу холма, по направленію къ западу и югу. Расходъ долженъ былъ быть очень значителенъ; раньше чѣмъ построить дворецъ нужно было приготовить почву, гдѣ его поставить. Какъ мы только что видѣли, она постепенно опускалась до равнины; ее подняли при помощи громаднаго фундамента, состоявшаго изъ каменныхъ аркадъ, помѣщенныхъ одна надъ другой. Фундаментъ этотъ существуетъ до сихъ поръ; прикрывавшая его земля исчезла и со всѣхъ сторонъ видны аркады одна надъ другой, составляющія странныя группы. Онѣ кажутся такими высокими, онѣ такъ поражаютъ того, кто смотритъ на нихъ съ сосѣднихъ улицъ, что ихъ принимаютъ иногда за самый дворецъ императоровъ; а это только фундаментъ, надъ которымъ былъ построенъ дворецъ Северовъ. Отъ

него остается нѣсколько еще крѣпкихъ стѣнъ, самыя высокія и лучше сохранившіяся изъ имѣющихся на Палатинскомъ холмѣ. Одна изъ нихъ поддерживала великолѣпную лѣстницу, ведшую къ верхнимъ этажамъ. Но изъ всѣхъ этихъ грандіозныхъ развалинъ всего интереснѣе остатки отъ императорской ложи въ большомъ циркѣ. Она соприкасалась съ самимъ дворцомъ, такъ что императоръ присутствовалъ на бѣгахъ колесницъ и лошадей не выходя изъ дворца. Она состояла изъ закрытаго помѣщенія, гдѣ императоръ и его семейство могли отдохнуть, и изъ террасы, откуда виденъ былъ весь циркъ. Видъ оттуда въ день, когда давалось празднество, собиравшее весь римскій народъ, долженъ былъ быть великолѣпенъ. Эта длинная и узкая долина, простирающаяся отъ Палатина до Авентина, въ настоящее время одинъ изъ самыхъ печальныхъ и бѣдныхъ кварталовъ Рима. Тогда это былъ обширный ипподромъ, украшенный колоннами, обелисками, статуями, окруженный мраморными ступенями, на которыхъ во время публичныхъ зрѣлищъ собирались около 400 тысячъ любопытныхъ. Необыкновенное оживленіе царило въ этой толпѣ, когда должны были бѣжать лошади и возницы любимые публикой. Зрители, говоритъ Лактанцій, представляли самый странный видъ; они съ увлеченіемъ слѣдили за всѣми перипетіями бѣговъ, жестикулировали, кричали, ревѣли, соскакивали съ скамеекъ; каждый изъ нихъ стоялъ за какую-нибудь партію; они бранили и привѣтствовали возницъ, одѣтыхъ въ голубое или зеленое, бѣлое или красное, вращавшихся вокругъ spina (столба). Съ

того момента, когда должностное лицо, предсѣдательствовавшее на играхъ, давало сигналъ къ отправленію, бросая бѣлый платокъ на арену, до той минуты, когда наиболѣе счастливая колесница, пробѣжавъ разстояніе въ $7^1/_2$ километровъ, подходила къ цѣли, надъ толпой присутствовавшихъ поднимался такой страшный шумъ, что, говорятъ, онъ былъ слышенъ на нѣсколько верстъ отъ Рима. Императоры раздѣляли всеобщее увлеченіе. Они также имѣли своихъ излюбленныхъ лошадей и любимыхъ возницъ и неохотно терпѣли ихъ пораженіе. Я думаю тамъ, въ императорской ложѣ, сохранившейся благодаря счастливой случайности, происходила странная сцена, разсказанная Геродіаномъ. Такъ какъ освистали возницу партіи голубыхъ, которой покровительствовалъ Каракалла, онъ приказалъ своей стражѣ наказать виновныхъ. Воины бросились на ступени цирка и, чтобы не затруднять себя выборомъ, убивали всѣхъ, въ кого могли попасть. Это была сцена невѣроятнаго замѣшательства и избіенія, которой императоръ, глядя на нее изъ своей ложи, должно быть остался очень доволенъ.

Септимій Северъ послѣдній цезарь, построившій себѣ новый домъ; имперія стала слишкомъ жалкой послѣ него, чтобы императоръ могъ позволить себѣ такую роскошь. Я перечислилъ всѣ дворцы, находившіеся на Палатинскомъ холмѣ, но на немъ находились другія зданія кромѣ императорскихъ жилищъ; рядомъ съ императоромъ надо было помѣстить его стражу и служителей. Хотя эти дома для солдатъ и рабовъ должны были быть построены съ меньшимъ тщаніемъ и

меньшими расходами, отъ нихъ остались все-таки слѣды въ разныхъ мѣстахъ холма. Внизу Палатинской улицы у арки Тита раскопки открыли большое количество комнатъ не одинаковой величины; Роза думаетъ, что въ нихъ жила преторіанская когорта, охранявшая цезарей; вполнѣ естественно предполагать, что казармы помѣстили рядомъ съ главнымъ входомъ на Палатинскій холмъ. Значитъ тутъ, по сообщенію Тацита, несчастный Пизонъ, только что усыновленный Гальбой, при первой вѣсти о возстаніи Отона, собралъ гвардію и держалъ ей честную и меланхоличную рѣчь, которая не могла покорить ему сердца преторіанцевъ. Гораздо интереснѣе этихъ безформенныхъ развалинъ, назначеніе которыхъ сомнительно, тѣ, которыя находятся на противоположномъ концѣ по направленію къ Велабру. Тамъ открыли цѣлую улицу, довольно хорошо сохранившуюся, въ которой признали то, что назвали подъемомъ Побѣды (clivus Victoriae). Это тоже остатокъ Рима древнѣйшей эпохи. Туда проникали черезъ Римскія ворота, происхожденіе которыхъ, какъ говорили, относилось тоже ко времени Ромула. Оттуда узкая и крутая дорога поднималась на вершину холма. Улица, которая съ обѣихъ сторонъ окаймлена высокими домами, никогда не была очень свѣтлой, но она стала болѣе темной съ тѣхъ поръ какъ Калигула отчасти покрылъ ее, чтобы расширить террасы своего дворца. Правая сторона улицы, опирающаяся на холмъ, принадлежала конечно къ императорскимъ дворцамъ. Когда проникаешь въ до сихъ поръ существующія, наполовину засыпанныя, комнаты и глаза привыкаютъ къ темнотѣ, удивляешься, что

это темное помѣщеніе, которое сначала кажется едва достаточнымъ для рабовъ, кое-гдѣ украшено съ большимъ изяществомъ; во многихъ мѣстахъ сохранилась штукатурка и мозаика; въ нѣкоторыхъ стѣны имѣютъ еще свою изящную живопись и одинъ изъ балконовъ сохранилъ тонкую мраморную баллюстраду. Если въ этихъ домахъ, какъ естественно предполагать, жили служители императора, то они должны были быть предназначены для самыхъ выдающихся рабовъ и вольноотпущенниковъ, для служительской аристократіи императоровъ. Тамъ жили, конечно, люди безъ отечества и безъ имени, благорасположенія которыхъ искали самыя важныя лица, оказывавшіе вліяніе на императора и часто управлявшіе имперіей. Ставъ значительными и богатыми, они рѣшались жить въ этомъ помѣщеніи безъ воздуха и свѣта, чтобы не удаляться отъ властелина, какъ при Людовикѣ XIV самые важные вельможи, обладавшіе большими домами и красивыми замками, скучивались въ грязныхъ помѣщеніяхъ Версаля, чтобы быть постоянно на глазахъ у короля. Но если эти рабы или вольноотпущенники считали себя обязанными не покидать темныхъ комнатъ, они желали по возможности ихъ украсить и сдѣлать достойными своего положенія; по крайней мѣрѣ нѣтъ другого способа объяснить эту роскошь живописи и мраморовъ и красивыхъ украшеній на стѣнахъ, гдѣ ихъ едва можно было разсмотрѣть.

На другой сторонѣ Палатинскаго холма, около большого цирка, нашли одинъ изъ старыхъ домовъ, сохранившихся послѣ того какъ холмъ былъ занятъ императорскими дворцами и тутъ помѣстили служителей. Въ немъ помѣщались, можетъ быть въ разныя эпохи, солдаты и рабы. Комнаты, окружающія атрій, полны надписями, которыя итальянцы называютъ graffiti. Онѣ были по большей части вырѣзаны солдатами, которые называютъ себя ветеранами императора; нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ пикантныя эпиграммы, въ которыхъ ветеранъ жалуется, что извлекъ мало выгоды изъ своей службы. Нѣкоторыя доказываютъ, что въ этомъ домѣ существовала школа для молодыхъ рабовъ, гдѣ тщательно воспитывали дѣтей, предназначенныхъ служить императору, находиться въ его обществѣ и увеселять его разговоромъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей оставили на стѣнахъ надписи, изъ которыхъ видно, что школа не доставляла имъ удовольствія и что они рады были ее покинуть. Тутъ нашли тоже знаменитую карикатуру, о которой такъ много говорили и которая находится въ музеѣ Кирхнера. Она представляетъ человѣка съ ослиной головой распростертаго на крестѣ; внизу лицо, грубо нарисованное, смотритъ на распятаго, поднося руку ко рту. Сцена объясняется греческой надписью, которая гласитъ: Алексаменъ поклоняется своему богу. Это очевидно насмѣшка надъ христіаниномъ; въ эпоху Антониновъ даже въ просвѣщенномъ обществѣ думали, что христіане и евреи поклоняются ослу. Воинъ или рабъ императора Алексаменъ, принявшій новую религію, служилъ предметомъ насмѣшекъ среди товарищей; но онъ мужественно переносилъ ихъ и среди враждебнаго ему общества не отказывался отъ своей вѣры. Висконти нашелъ въ 1870 году надпись, въ которой онъ

исповѣдуетъ свою вѣру и въ которой имѣются слѣдующія слова: Alexamenos fidelis. Хотя христіанство рано проникло въ домъ Цезарей, это единственное воспоминаніе, оставшееся о немъ на Палатинскомъ холмѣ.

IV.

Видъ холма въ третьемъ вѣкѣ. На немъ зданія всѣхъ временъ. Памятники императорской эпохи. Отличія отъ современныхъ дворцовъ. Красота общаго вида.

Хотя этотъ очеркъ уже довольно длинный, я считаю полезнымъ прибавить къ нему нѣсколько словъ. Перечисливъ всѣ зданія, которыя въ каждомъ вѣкѣ строились на Палатинскомъ холмѣ, надо попробовать отдать себѣ отчетъ въ общемъ впечатлѣніи, которое онъ долженъ былъ производить. Представимъ себѣ, что мы живемъ въ 3-мъ вѣкѣ, въ эпоху, когда Септимій Северъ только что отстроилъ послѣдній императорскій дворецъ, и представимъ себѣ, что въ одну изъ тѣхъ минутъ, все болѣе и болѣе рѣдкихъ, когда имперія пользуется тишиной и побѣдами, мы посѣщаемъ знаменитый холмъ. Въ эту минуту онъ весь принадлежитъ Цезарямъ; его занимаютъ исключительно ихъ семейства, ихъ воины и служители. На немъ находятся зданія очень различнаго возраста, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся къ началу Рима, но которыя всѣ тщательно содержатся и ремонтируются. Никакія развалины не опечаливаютъ глазъ, Цезари нигдѣ ихъ не терпятъ; ничто въ имперіи не должно имѣть несчастнаго и заброшеннаго вида,

позорнаго для процвѣтанія ихъ царства. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ уничтожилъ товарищества, образовавшіяся для скупки крупныхъ имѣній и извлекавшія значительные барыши изъ земель, разбивъ ихъ на участки, но не находившія нужнымъ поддерживать дома, если ихъ нельзя было продать. Императоръ возмущенъ такими поступками; онъ объявляетъ въ своемъ эдиктѣ, что это убійственное торгашество, враждебное всему міру и мѣшающее общему благу, что не покрывать поля развалинами надлежитъ столь счастливому вѣку, но строить новые дома, чтобы дать возможность просіять счастію человѣческаго рода. Эти взгляды, понятно, должны были осуществляться на Палатинскомъ холмѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; приличествовало содержать все въ хорошемъ видѣ вокругъ императорскихъ дворцовъ; поэтому, несмотря на всевозможныя бѣдствія имперіи, не допускали, чтобы какое-нибудь зданіе тамъ разрушилось; этимъ объясняется, что самыя старыя хижины сохранились тамъ до прихода варваровъ.

Слѣдовательно, на Палатинскомъ холмѣ находились зданія всевозможныхъ эпохъ, и для посѣтителя они представляли большой интересъ въ томъ отношеніи, что на небольшомъ пространствѣ помѣщалась, такъ сказать, вся исторія Рима. Съ эпохи, когда тамъ отдыхали быки аркадійца Евандра, вплоть до того времени, когда тамъ поселилась африканская и восточная династія Северовъ, каждый вѣкъ оставлялъ тамъ какое-нибудь воспоминаніе. Тамъ находилось жилище перваго царя и дворецъ перваго императора; тамъ показывали мѣсто, гдѣ жили знатнѣйшія особы рес-

публики и лучшіе императоры. Тамъ можно было прослѣдить всѣ преобразованія національнаго культа; храмы Юпитера Статора, Аполлона, Матери боговъ послѣдовательно напоминали эпоху, когда Римъ довольствовался божествами Лаціума, ту, когда онъ допускалъ къ себѣ боговъ Греціи, наконецъ ту, когда онъ сталъ искать восторженные культы Востока, познакомившіе его съ новыми религіозными потребностями и подготовившіе пути къ христіанству. Съ почтеніемъ посѣщали всѣ эти памятники и не менѣе чествовали самые древніе, хотя они и были самые простые. Римляне не принадлежали къ выскочкамъ, которые стыдятся своего происхождекія и стараются его скрыть; напротивъ они хвастались имъ, потому что оно яснѣе указывало на величину пройденнаго ими пути. Ни одна эпоха ихъ исторіи не вспоминалась безъ благодарности; они знали, что всѣ вѣка способствовали славѣ Рима; политическая ненависть, партійные предразсудки не въ состояніи были сдѣлать ихъ несправедливыми по отношенію къ кому бы то ни было; каковъ бы ни былъ пылъ споровъ, время все успокоило и отъ прошлаго ничего не осталось, кромѣ вѣчно живой памяти объ услугахъ, оказанныхъ странѣ. Патріотизмъ римлянина 3-го вѣка включалъ въ себѣ одинаковое восхищеніе героями республики и великими императорами и съ одинаковымъ чувствомъ почтенія и гордости посѣщалъ онъ хижину Ромула, домъ Цицерона и дворецъ Августа.

Господствовала однако и оставила всего больше слѣдовъ на Палатинскомъ холмѣ императорская эпоха. Не совсѣмъ точно увѣрять, что тамъ

находился, какъ гласитъ вывѣска въ садахъ Фарнезе, дворецъ Цезарей (Palazzo de'Cesari), изъ чего можно было бы сдѣлать заключеніе, что тамъ стояло только одно обширное зданіе, которое постоянно увеличивали и украшали новые императоры, въ немъ поселявшіеся, на подобіе французскаго Тюильри. То былъ скорѣе кварталъ дворцовъ. Было пять различныхъ дворцовъ, носившихъ имена императоровъ, которые ихъ построили. Ничего подобнаго не встрѣчается въ нашихъ современныхъ столицахъ. Когда монархи по капризу или изъ тщеславія желаютъ построить новый дворецъ, они почти всегда ставятъ его очень далеко отъ прежняго. Имъ нужна перемѣна, они ищутъ другого мѣстоположенія и новыхъ точекъ зрѣнія. Двѣ главныя папскія резиденціи, Ватиканъ и Квириналъ, находятся на противоположныхъ концахъ Рима. Здѣсь, напротивъ, все соединено на одномъ холмѣ; онъ сталъ резиденціей имперіи и казалось, что императоръ не могъ жить въ другомъ мѣстѣ. Діонъ Кассій увѣряетъ, что мѣста, гдѣ императоры останавливались во время путешествія, назывались Палатиномъ.

Скопленіе дворцовъ должно было производить на посѣтителей очень большое впечатлѣніе. Представимъ себѣ, что образованный и любознательный провинціалъ, какихъ тогда было много, отправился посмотрѣть на тотъ Римъ, о которомъ говорилъ тогда весь міръ. Даже прошедшаго черезъ императорскіе форумы и осмотрѣвшаго чудеса Капитолія долженъ былъ поразить Палатинскій холмъ. Намъ легко представить себѣ зрѣлище, которое они видѣли;

раскопки послѣднихъ лѣтъ даютъ намъ возможность довольно точно установить топографію холма. Когда поднимались по clivus palatinus, о которомъ я много разъ упоминалъ, и проходили подъ древними воротами Ромула, сосѣдними съ храмомъ Юпитера Статора, передъ собой видѣли фасадъ дворца Домиціана. Этотъ дворецъ, который прежде всего бросался въ глаза, былъ и самымъ важнымъ изъ всѣхъ, тѣмъ, который всего больше соотвѣтствовалъ величію Цезарей; площадь, въ которой видятъ area palatina, находящаяся направо, дѣлила императорскіе дворцы на двѣ отдѣльныя группы; въ одной изъ этихъ группъ находились дома Тиберія и Калигулы, построенные на сѣверной сторонѣ холма, вдоль Велабра и форума, вторая группа состояла изъ трехъ отдѣльныхъ дворцовъ, имѣвшихъ свои отдѣльные фасады, входы и характеръ, но соединявшихся все-таки между собой и въ торжественныхъ случаяхъ составлявшихъ одинъ дворецъ. Дворецъ Домиціана соприкасался съ домомъ Августа, стоявшимъ далѣе къ югу и занимавшимъ приблизительно центръ холма; на той же линіи нѣсколько дальше находился дворецъ Севера, стоявшій на южномъ углу Палатинскаго холма. Зданія, находившіяся внѣ храмовъ и историческихъ памятниковъ, служили для помѣщенія рабовъ или вольноотпущенниковъ императора.

Мнѣ кажется, что, хотя мы восхищаемся Палатинскимъ холмомъ, мы все-таки нашли бы въ немъ нѣкоторые недостатки, если бы увидѣли его такимъ, какимъ онъ былъ въ 3-мъ вѣкѣ. Нашъ вкусъ пріобрѣлъ нѣкоторыя привычки, и онъ предъявляетъ требованія, которыя не вполнѣ были бы

удовлетворены. По всей вѣроятности входъ и сосѣдство императорскихъ дворцовъ показались бы намъ мизерными; clivus palatinus не широкъ, clivus Victoriae еще уже, area palatina также не представляется довольно просторной. Если дворецъ Домиціана былъ такъ высокъ, какъ увѣряетъ Стацій, право некуда было бы стать, чтобы обнять всю его высоту. Внутри эти великолѣпныя жилища понравились бы намъ больше. Залы, дворы, портики возбуждали бы наше восхищеніе. Но насъ очень удивило бы, что мы не нашли бы тамъ садовъ. Когда императоры желали насладиться природой, они отправлялись за городъ. Близъ Рима на Альбскомъ озерѣ въ Тибурѣ они владѣли прелестными виллами, которыя имъ легко было посѣщать сколько угодно. Когда они желали пользоваться настоящей деревней безъ всякихъ прикрасъ, они отправлялись дальше; извѣстно, съ какимъ удовольствіемъ Антонинъ уѣзжалъ на сборъ винограда въ свои крупныя помѣстья въ Лаціумѣ. Этого императорамъ было вполнѣ достаточно, и они повидимому никогда не насаждали на Палатинскомъ холмѣ роскошныхъ садовъ, которыми современные богачи любятъ окружать свои дома. Только Неронъ предвосхитилъ наши вкусы, но можетъ быть не столько изъ любви къ деревнѣ, сколько изъ желанія совершить насиліе надъ природой. Ему представлялось особеннымъ и вполнѣ достойнымъ Цезаря насадить лѣса среди Рима и имѣть соленый прудъ въ 10 верстахъ отъ моря. Съ такими ограниченіями мы, по всей вѣроятности, были бы на столько же поражены, какъ римляне имперіи, красотой зданій, построенныхъ на Палатинскомъ

холмѣ. Хотя эти зданія принадлежали къ разнымъ эпохамъ, они не должны были представлять такой разницы, которая оскорбляла бы художественный глазъ. Ихъ часто касались пожары, этотъ хроническій бичъ древняго Рима. Каждый разъ торопились ихъ возстановить, потому что Римъ, по выраженію Марціала, похожъ на феникса, возрождающагося сжигая себя, и когда ихъ заново отстраивали, ихъ всегда примѣняли къ новой модѣ. Такимъ образомъ исчезало несоотвѣтствіе и оставалось все-таки довольно разницы, чтобы противоположностью приковывать вниманіе посѣтителей. Каждый дворецъ имѣлъ свои особенности и свои достоинства. Домъ Августа долженъ былъ быть проще и въ болѣе строгомъ вкусѣ, Домиціановъ безконечно роскошенъ, Севера проникнутъ той грандіозностью, какую мы видимъ въ термахъ Каракаллы. Внутренніе покои были разукрашены съ несравненнымъ великолѣпіемъ; залы и портики похожи были на настоящіе музеи, гдѣ собрали шедевры всѣхъ эпохъ. Уже Плиній говорилъ, что въ его время тамъ можно было видѣть произведенія самыхъ выдающихся греческихъ художниковъ; послѣдующіе императоры, особенно Адріанъ, этотъ тонкій знатокъ и страстный любитель искусства, должны были значительно пополнить коллекцію. Чтобы тамъ ни въ чемъ не было недостатка, собрали и большое количество рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ. Обѣ библіотеки—латинская и греческая, портика Аполлона и дома Тиберія—были знамениты по всему свѣту.

Прибавимъ къ этому, что положеніе императорскихъ дворцовъ соотвѣтствовало ихъ красотѣ. Цицеронъ говоритъ, что Палатинскій холмъ былъ самымъ красивымъ мѣстомъ Рима. Оттуда виденъ былъ весь городъ и взглядъ охватывалъ почти всѣ знаменитые памятники, которыми украсили его республика и имперія. „Какое болѣе благородное мѣстопребываніе, говоритъ Клавдіанъ, могли выбрать владыки міра? На этомъ холмѣ могущество имѣетъ больше величія; оно какъ будто лучше сознаетъ свою силу. Тамъ дворецъ монарховъ, поднимая надъ форумомъ свою гордую голову, видитъ у ногъ своихъ храмы боговъ, ставшіе кругомъ, вокругъ него, какъ защищающіе его посты. Великолѣпное зрѣлище! Оттуда глазъ видитъ поверхъ алтарей гремящаго Юпитера, гигантовъ, висящихъ на Тарпейской скалѣ, чеканное золото Капитолійскихъ воротъ и на кровлѣ храмовъ статуи, словно движущіяся въ облакахъ; далѣе ростральныя колонны, покрытыя мѣдью судовъ, и зданія, построенныя на вершинѣ самыхъ высокихъ горъ, смѣлыя работы, которыя рука человѣческая присоединила къ твореніямъ природы, и безчисленныя тріумфальныя арки, увѣшанныя добычей, отнятой у народовъ. Повсюду блескъ золота поражаетъ глаза и своимъ вѣчнымъ сіяніемъ утомляетъ дрожащія рѣсницы (Claudian. in sext. cons. Honorii, 35)“.

Всѣ эти богатства исчезли; остаются только фундаменты тѣхъ мраморныхъ дворцовъ, съ высоты которыхъ поэтъ разсматривалъ золоченыя зданія форума; въ настоящее время это только развалины, откуда взоръ переходитъ на другія развалины; но хотя намъ трудно представить

себѣ, чѣмъ они были въ цѣломъ видѣ, вспомнимъ, что лица, посѣщавшія ихъ въ послѣднее время Западной имперіи, считали, что великолѣпіе не можетъ итти дальше и что они казались имъ идеаломъ царскаго жилища. Начиная съ 3-го вѣка слово дворецъ (palatium), происходящее отъ Палатинскаго холма, и на греческомъ и на латинскомъ языкѣ означало жилище монарха; оно перешло въ новые языки, такъ же, какъ названіе цезаря, которое варвары набожно восприняли, разрушая имперію, и сдѣлали изъ него самый высокій титулъ, который можно дать верховной власти.

ГЛАВА III.

Катакомбы.

Открытія, сдѣланныя въ катакомбахъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, особенно замѣчательны въ двухъ отношеніяхъ; прежде всего это дѣло одного человѣка, и можно сказать, что слава ихъ безраздѣльно принадлежитъ Росси; затѣмъ они носятъ характеръ, ясно показывающій, что случай не игралъ тутъ никакой роли, что они— награда за основательное знаніе, дѣйствующее по опредѣленному порядку и правиламъ. Росси никогда не поступаетъ наугадъ, онъ знаетъ, чего хочетъ и куда идетъ, и всегда заранѣе объявляетъ о томъ, что разсчитываетъ найти. Блестящій успѣхъ его открытій доказываетъ, какія преимущества имѣетъ хорошій методъ.

Катакомбы, не посѣщавшіяся больше съ девятаго вѣка и почти совершенно забытыя, были случайно открыты вновь въ 1578 году. Спустя нѣсколько лѣтъ знаменитый ученый Бозіо задумалъ ихъ изучить, и такъ какъ это былъ человѣкъ ума яснаго и точнаго, онъ сразу нашелъ способъ сдѣлать свое изслѣдованіе плодотворнымъ. Онъ началъ съ того, что ознакомился со

всѣмъ древнимъ христіанскимъ міромъ; благодаря огромной начитанности, онъ былъ увѣренъ, что приступаетъ къ катакомбамъ, снабженный такими документами, которые дадутъ ему возможность понять значеніе этихъ катакомбъ. Онъ хотѣлъ ихъ изслѣдовать одну за другой, по порядку изучить каждую, шагъ за шагомъ подвигаясь по лабиринту всѣхъ ихъ галлерей, пытаясь вновь найти имя каждой, возсоздавъ ея исторію. Такая работа требовала безконечной эрудиціи, глубокаго знанія церковныхъ писателей и необычайной проницательности. Бозіо несомнѣнно былъ на это способенъ; его послѣдователи, казалось, испугались такой задачи и покинули ее. Они все больше и больше пренебрегали самыми катакомбами, чтобы сосредоточить все вниманіе на открываемыхъ въ нихъ памятникахъ. Посѣщая катакомбы, они копировали надписи и живопись, не дѣлая даже указаній, въ какомъ мѣстѣ онѣ были найдены, брали все, что можно было взять, и помѣщали въ какой-нибудь музей; на новомъ мѣстѣ такое произведеніе искусства, оторванное отъ всего, что его окружало раньше, снятое со стѣнъ, для которыхъ было создано, теряло свой характеръ и свое значеніе. Изъ за этихъ любопытныхъ подробностей, имѣющихъ второстепенное значеніе, пренебрегали изученіемъ самихъ кладбищъ, что есть главное, и ради богатствъ и драгоцѣнныхъ предметовъ, въ обиліи извлекавшихся изъ подземелій, забывали о нихъ самихъ. Впрочемъ, таковъ былъ тогда способъ изслѣдованія всѣхъ древнихъ памятниковъ, оказавшійся для нихъ столь пагубнымъ.

Росси измѣнилъ методъ самымъ рѣшительнымъ образомъ; онъ осмѣлился заявить, что вотъ двѣсти лѣтъ, какъ сбились съ вѣрнаго пути, что всѣ его предшественники ошиблись, что надо вновь итти по слѣдамъ Бозіо и вновь приняться за работу съ того мѣста, гдѣ онъ остановился. Росси справедливо утверждалъ, что для извлеченія большей пользы изъ чтимыхъ остатковъ христіанской древности ихъ не слѣдуетъ отдѣлять отъ изученія тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находятся, что, если они заслуживаютъ сохраненія, благодаря пробуждаемымъ имъ воспоминаніямъ, тѣмъ важнѣе хорошо знать катакомбы, замѣчательнѣйшее произведеніе зарождающагося христіанства. Вотъ почему, подобно Бозіо, онъ намѣтилъ себѣ изучить послѣдовательно различныя христіанскія кладбища, составить ихъ планъ, разыскать первоначальные размѣры каждаго изъ нихъ и узнать насколько и какъ они увеличились, опредѣлить, по возможности, время, когда была выкопана каждая галлерея, что вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ узнать и возрастъ заключенныхъ въ ней памятниковъ, словомъ, разыскать исторію и установить топографію этого огромнаго подземнаго города, что было сдѣлано съ такимъ успѣхомъ относительно города, выстроеннаго надъ нимъ.

Вотъ что захотѣлъ исполнить Росси, вотъ избранный имъ методъ: изъ дальнѣйшаго будетъ видно, каковы были результаты его работъ.

I.

Значеніе приписываемое христіанами погребенію.—Катакомбы — произведеніе христіанъ, а не древнія покинутыя каменоломни. —Что побудило христіанъ устраивать катакомбы. —Ипогеи различныхъ культовъ въ римской Кампаніи.—Правила погребенія, принятыя церковью.

Катакомбы—это мѣста, гдѣ первые христіане хоронили своихъ умершихъ. Нѣкоторые ученые послѣдняго столѣтія высказали предположеніе, что онѣ могли служить общимъ кладбищемъ для бѣдныхъ людей всѣхъ культовъ; это мнѣніе невозможно больше поддерживать въ наши дни. Въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ, что работы ведутся тамъ, были открыты въ нихъ тысячи могилъ, но ни разу не нападали на могилу языческую. Поэтому можно смѣло утверждать, что онѣ были исключительно предназначены для христіанъ.

Христіане приписывали погребенію большое значеніе. Разъ что тѣлу было назначено ожить и раздѣлить съ душой ея безсмертіе, они думали, что надлежитъ заботиться о немъ послѣ смерти и дать ему, въ ожиданіи великаго пробужденія, достойный для него пріютъ. „Скоро-скоро, говорилъ Пруденцій въ своемъ похоронномъ гимнѣ, наступитъ время, что согрѣются и оживутъ эти кости, кровь вновь побѣжитъ по жиламъ, и жизнь снова войдетъ въ эту покинутую ею обитель. Эти трупы, столько времени лежавшіе неподвижно среди праха могилъ, воспрянутъ и устремятся ввысь, чтобы вновь соединиться съ

своими прежними душами". И прибавлялъ, выражаясь удивительными стихами: „Мать-земля, прими и сохрани въ нѣдрахъ твоихъ эти останки, что мы довѣряемъ тебѣ: то было мѣстопребываніе души, созданной творцомъ всѣхъ вещей; тутъ обиталъ духъ, оживляемый мудростью Христовой. Укрой это тѣло, что мы полагаемъ въ лоно твое. Наступитъ день, когда создавшій его, сотворившій его руками своими, потребуетъ у тебя свое произведеніе." Такъ какъ никто не былъ лишенъ этой надежды, христіане одинаково заботились о погребеніи всѣхъ вѣрныхъ. Они не могли бы безъ ужаса, по примѣру язычниковъ, бросать, подобно имъ, трупы бѣдныхъ людей въ общія ямы (puticuli), гдѣ имъ предоставляли разлагаться. Видно, что у нихъ было запрещено класть два тѣла одно на другое: надлежало, чтобы у каждаго было свое особое мѣсто, гдѣ бы онъ покоился одинъ до послѣдняго дня. Мы знаемъ отъ Тертулліана, что на похоронахъ присутствовалъ священникъ; религія освящала могилы. Во времена гоненій при Деціи римское духовенство въ посланіяхъ своихъ къ духовенству карѳагенскому напоминало ему, что не было болѣе важной обязанности, какъ хоронить мучениковъ и другихъ христіанъ. Церковная сокровищница шла на прожитіе бѣдныхъ и на погребеніе ихъ должнымъ образомъ. Наконецъ, Св. Амвросій признаетъ, что для погребенія вѣрныхъ имѣешь право разбивать, расплавлять и продавать священные сосуды. Эти тексты объясняютъ устройство катакомбъ. Когда знаешь, какъ первые христіане почитали своихъ умершихъ, меньше удивляешься предпри-

нятымъ ими для ихъ погребенія гигантскимъ работамъ.

Но вѣрно ли, что эти работы исполнены ими? Безусловно ли катакомбы произведеніе христіанъ, или они просто воспользовались ими для своего употребленія? Этотъ вопросъ послужилъ поводомъ къ большимъ спорамъ. Въ прошломъ вѣкѣ было не мало недовѣрчивыхъ людей, отрицавшихъ подлинность открытій Бозіо. Когда имъ говорили, что первые христіане сами выкопали себѣ кладбища, они спрашивали, кто снабдилъ маленькое бѣдное общество суммами нужными, чтобы прорыть такое страшное количество подземныхъ галлерей, что могли сдѣлать съ выкопанной оттуда землей, и какимъ образомъ гонимые за вѣру осмѣлились рыть землю у самыхъ воротъ Рима, на глазахъ своихъ преслѣдователей. На подобныя замѣчанія большинству ученыхъ нечего было возразить, они смутили даже самыхъ отважныхъ защитниковъ катакомбъ. Поэтому, высказано было предположеніе, что катакомбы были древнія каменоломни, откуда римляне въ прежнія времена извлекали пуццолану. Христіане нашли ихъ покинутыми и, чтобы сдѣлать изъ нихъ свои кладбища, имъ понадобилось лишь высѣчь въ стѣнахъ горизонтальныя углубленія, долженствовавшія принимать усопшихъ. Существованіе такихъ каменоломенъ не было простой гипотезой; оно подтверждается древними писателями. Цицеронъ говоритъ объ одномъ убитомъ въ нихъ человѣкѣ, жившемъ въ его время, а Светоній передаетъ, что, когда уговаривали Нерона укрыться въ нихъ, онъ объявилъ, что не хочетъ быть заживо погребеннымъ. Разъ что

катакомбы представляли мало посѣщаемое мѣсто, гдѣ могли найти пріютъ скрывавшіеся люди, онѣ оказались подходящими для совершенія христіанскаго богослуженія и погребенія. Боттари замѣчаетъ, что христіанамъ было легко знать про нихъ: христіанская религія распространилась сначала среди людей бѣдныхъ и рабовъ, то-есть, среди тѣхъ, кого употребляли для копанія ихъ; они же были проводниками, которые могли вести своихъ братьевъ по извилинамъ покинутыхъ галлерей. Такимъ образомъ это мнѣніе казалось совершенно правдоподобнымъ; оно заставило замолчать скептиковъ и потому благоговѣйно было принято и сохранялось въ теченіе двухъ вѣковъ, являясь закономъ вплоть до нашихъ дней. Однако оно не выдерживаетъ критики Отецъ Марки первый поколебалъ его, Росси докончилъ то, что онъ началъ. Ему не трудно доказать, что комнаты въ 3—4 квадратныхъ метра и галлереи, самое большое въ метръ ширины, пересѣкающіяся подъ прямыми углами, никакъ не могли быть удобны, чтобы извлекать изъ нихъ пуццолону и перевозить ее. Сохранились древнія римскія каменоломни, назначеніе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, и видъ ихъ совершенно иной, чѣмъ катакомбъ: коридоры въ нихъ гораздо шире, выходы многочисленнѣе; все тутъ повидимому лучше приспособлено для цѣлей промышленной эксплуатаціи. Впрочемъ, Михаилъ Росси, тщательно изучая свойства почвы, въ которой вырыто большинство кладбищъ Рима, замѣтилъ, что для нихъ систематически избѣгали пластовъ разсыпчатой пуццолоны, предпочитая углубляться въ такіе, гдѣ камень болѣе пористый и твердый,

и онъ прямо заявляетъ, что никогда не могли извлекать изъ катакомбъ матеріала, годнаго для постройки. Это доказательство вѣское и уничтожаетъ послѣднія сомнѣнія, какія еще могли оставаться. Это не значитъ, что христіане не пользовались иногда нѣкоторыми изъ заброшенныхъ каменоломенъ, называвшихся arenariae: объ этомъ говоритъ исторія, и это доказываютъ раскопки послѣднихъ лѣтъ; позднѣе я разскажу при какихъ обстоятельствахъ и по какому поводу они такъ поступали; но это были исключенія. Въ общемъ среди двадцати пяти или тридцати кладбищъ, которыя покуда были осмотрѣны, можно признать до сихъ поръ только пять за такія древнія каменоломни, и не вѣроятно, чтобы ихъ было много больше Все остальное сдѣлано руками христіанъ. Въ катакомбахъ можно найти нѣсколько изображеній землекопателей за работой. Они представлены съ киркой въ рукахъ, готовые ударить по нависшей скалѣ. Такое приданное имъ положеніе указываетъ на ихъ пріемъ дѣйствія. Они смѣло шли впередъ, пробивая себѣ путь, помощью кирки, среди пластовъ туфа, которымъ полна почва римской Кампаніи; они пробивали передъ собой скалу, поддерживаемые своей вѣрой, „обитая въ нѣдрахъ земли, какъ монахъ въ своей кельѣ", и эти безконечныя галлереи, заключающія, какъ говорятъ, шесть милліоновъ могилъ, всецѣло ихъ работа.

Откуда появился у первыхъ христіанъ такой обычай погребенія, требовавшій отъ нихъ страшныхъ трудовъ? На это съ давнихъ поръ былъ отвѣтъ — отъ евреевъ. Къ этому надо бы прибавить, что евреи въ свою очередь слѣдовали обычаю большинства народовъ Востока. Въ Сиріи иначе не хоронили. Всюду, куда проникли тирцы, въ Мальтѣ, въ Сициліи, въ Сардиніи, находятъ подобныя гробницы. Бэле подтвердилъ существованіе катакомбъ въ Карѳагенѣ, Ренанъ видѣлъ ихъ въ Финикіи; въ Малой Азіи, въ Киренаикѣ и въ Херсонесѣ ихъ имѣется большое количество; онѣ встрѣчаются даже у этрусковъ, которымъ иногда приписываютъ восточное происхожденіе Наконецъ, ихъ ежедневно открываютъ въ Римѣ, и это не должно удивлять. Въ концѣ республиканскаго періода и въ первыя времена имперіи Римъ какъ бы весь былъ наводненъ народами Востока. Они приносили съ собой въ этотъ большой городъ, терпимый и невзыскательный, свои вѣрованія, свои обычаи. Имъ позволяли молиться по своему, своимъ богамъ, и хоронить своихъ умершихъ, какъ они хотѣли. Ихъ не только не тревожили, но они могли проповѣдывать свое ученье, что и дѣлали безъ стѣсненія. Я не думаю, чтобы какой-либо другой городъ, даже Александрія временъ Птоломеевъ, представлялъ для всего міра болѣе любопытное и болѣе оживленное зрѣлище, чѣмъ Римъ въ началѣ имперіи. Это не была только промышленная и политическая столица вселенной, это было также мѣсто, гдѣ встрѣчались представители всевозможныхъ философскихъ системъ и религій со всѣхъ концовъ земли. Среди огромнаго промышленнаго движенія тутъ царило движеніе духовное, еще болѣе замѣчательное. Ослабленіе древнихъ вѣрованій предоставляло свободное поле дѣйствія для новыхъ мнѣній; и новыя идеи пользовались этимъ, чтобы, волнуя умы, распро-

страняться и вербовать себѣ всюду прозелитовъ. Въ особенности религіи Востока привлекали души странностью своихъ ритуаловъ и таинственнымъ характеромъ своихъ ученій. Иные всецѣло имъ предавались; большинство, не проникаясь вполнѣ ихъ духомъ, легко усваивало во всякомъ случаѣ, ихъ внѣшнюю обрядность. Такимъ образомъ, многіе римляне стали хоронить своихъ умершихъ по обычаю Востока. Со временъ Антониновъ обычай сжигать трупы становится все рѣже и рѣже; въ эпоху Макробія онъ почти не существовалъ. Такъ и язычники съ давнихъ поръ имѣли уже свои ипогеи, подобно народамъ Востока. Мнѣ представляется, что съ конца второго вѣка римская Кампанія была изрыта во всѣхъ направленіяхъ. Евреи, финикіяне, поклонники Митры и Сабарія, въ особенности христіане, которыхъ становилось такъ много, иногда также и язычники, всѣ копали землю для своихъ гробницъ. Была во всѣхъ этихъ различныхъ культахъ извѣстная дѣятельность скрытая и подземная, соотвѣтствовавшая дѣятельности наружной. Эти гробокопатели старались избѣгать другъ друга, но это не всегда имъ удавалось. Въ центрѣ катакомбъ находится склепъ, гдѣ покоится одинъ жрецъ Сабарія и нѣсколько его учениковъ: несомнѣнно, что христіанскіе работники, не желая того, натолкнулись на него, прокладывая себѣ путь, и теперь онъ въ непосредственномъ общеніи съ могилами мучениковъ. Количество подземелій, которыя были тогда вырыты, неисчислимо. Каждый день открываютъ новыя. Языческіе ипогеи уже больше не рѣдкость. Извѣстны названія болѣе сорока христіанскихъ кладбищъ. Извѣстны также двѣ катакомбы

еврейскія, одна на той сторонѣ Тибра, до-христіанскаго періода, и другая—по Аппіевой дорогѣ; надо надѣяться, что найдутъ еще другія, которыя научатъ насъ тому, что мы такъ хотѣли бы знать: устройству и управленію синагогъ въ Римѣ. Быть можетъ, удастся найти и катакомбы диссидентскихъ христіанскихъ сектъ; мы знаемъ, что они у нихъ также были, и что для приданія имъ нѣкотораго значенія сектанты крали на католическихъ кладбищахъ тѣла мучениковъ, наиболѣе чтимыхъ, и помѣщали ихъ у себя. Сколько свѣта прольютъ эти открытія на исторію религіи тѣхъ временъ, если при этомъ ими будутъ руководить люди чести и науки, подобные Росси!

Среди всѣхъ этихъ, похожихъ одна на другую, гробницъ христіанскія кладбища узнаются по двумъ признакамъ. Прежде всего, они гораздо обширнѣе другихъ. Нигдѣ не находили такого развѣтвленія галлерей, ни такого множества могилъ; никогда никакая вѣра, никакой народъ казалось не испытывалъ такой потребности сближаться и соединяться въ смерти. Затѣмъ, ниши, гдѣ помѣщали тѣла, въ еврейскихъ склепахъ открытыя, закрыты въ христіанскихъ катакомбахъ. Эта разница зависитъ отъ привычки, которую имѣли христіане,—постоянно приходить навѣщать могилы мучениковъ и молиться на нихъ. Евреямъ, у которыхъ гробницы открывались только когда въ нихъ хотѣли похоронить кого-нибудь, не было надобности принимать предосторожности для огражденія трупа отъ нескромнаго любопытства посѣтителей, достаточно было заложить входъ въ склепъ большимъ камнемъ. У христіанъ дѣло обстояло иначе, и такъ какъ

ихъ кладбища были открыты для вѣрныхъ, поневолѣ приходилось закрывать могилы. Во всемъ остальномъ ихъ катакомбы вполнѣ схожи съ еврейскими, а также съ катакомбами другихъ народовъ Востока, и съ перваго же взгляда ясно видно, что у нихъ переняли христіане этотъ способъ погребенія.

Однако не слѣдуетъ думать, что въ зарождающейся церкви существовало постоянное точно опредѣленное правило и постоянный обычай при погребеніи. Единственное всѣми принятое правило заключается въ томъ, чтобы ни для себя, ни для своихъ не пользоваться языческими могилами и не допускать язычниковъ на кладбища, гдѣ покоились христіане. „Оставьте мертвецамъ хоронить своихъ мертвецовъ", сурово говорилъ непреклонный св. Иларій, и мы знаемъ, что забвеніе этого закона привело къ низложенію одного епископа во времена Кипріана. Во всемъ остальномъ христіане были свободны и пользовались своей свободой. Такъ мы видимъ, что иногда они употребляли отдѣльные склепы или гробницы. Была найдена эпитафія одной супружеской четы, въ которой сказано, что они построили себѣ мѣсто успокоенія у себя въ саду (in hortulis nostris secessimus), въ чемъ, повидимому, они вовсе не оправдываются. На другомъ надгробномъ камнѣ содержится эгоистическая формула, странное смѣшеніе языческихъ обычаевъ съ христіанскими выраженіями, въ которыхъ обладатель могилы призываетъ на судъ Господенъ всякаго, кто осмѣлится помѣстить другого покойника подъ однимъ съ нимъ памятникомъ и на смежной съ нимъ землѣ; онъ хочетъ

сохранить ихъ всецѣло для себя. Между тѣмъ, обыкновенно христіанами владѣли другого рода чувства. Какъ я только что сказалъ, они испытывали потребность покоиться вмѣстѣ съ другими. Они хотѣли и въ смерти быть въ единеніи, какъ старались объ этомъ при жизни. Съ самыхъ первыхъ дней христіане инстинктивно собирались вокругъ епископовъ и мучениковъ, и по всему христіанскому міру скоро образовались эти собранія могилъ, которымъ дали названія мѣстъ покоя или сна (occubitorium, *κοιμητήριον*). Но только эти кладбища, въ зависимости отъ ихъ мѣстоположенія, были расположены на воздухѣ или скрывались подъ землей. Въ Римѣ предпочли кладбища подземныя. Оттого-ли, что тамъ были больше на глазахъ у власти и опасались ея надзора? Вѣроятнѣе, для того, чтобы оставаться вѣрными традиціямъ зарождающейся церкви, которая, происходя отъ еврейской общины, унаслѣдовала отъ нея этотъ ея обычай. Но въ особенности изъ подражанія могилѣ Христа, жизнь и смерть котораго были примѣромъ для христіанъ. Несомнѣнно, что гробница Іосифа Аримаѳейскаго, „новая и высѣченная имъ въ скалѣ", съ ея горизонтальной нишей, сверху украшенная только дугообразной аркой, служила образцомъ для первыхъ христіанскихъ могилъ.

Такимъ образомъ мы можемъ быть увѣрены, что катакомбы—произведеніе христіанъ, что онѣ были вырыты ими и для нихъ; въ этомъ надо было убѣдиться раньше, чѣмъ приступать къ ихъ изученію. Теперь, когда этотъ пунктъ выясненъ, мы можемъ проникнуть въ нихъ и обойти ихъ. Постараемся только слѣдовать руководству

Росси; это лучшій путеводитель, какого только можно выбрать, чтобы осмотрѣть катакомбы съ пользою.

II.

Первое впечатлѣніе при посѣщеніи катакомбъ.—Огромность кладбищъ и выводы, какіе можно сдѣлать вслѣдствіе этого.—Быстрое распространеніе христіанства.—Религія отдѣляется отъ семьи и отечества.—Катакомбы—самый древній памятникъ христіанства въ Римѣ.—Воспоминанія, какія онѣ заключаютъ о временахъ гоненій.—Воспоминанія о дняхъ торжества.

Посѣщеніе катакомбъ, особенно, если оно затянется на нѣсколько часовъ, способно скорѣе вызвать удивленіе, чѣмъ доставить удовольствіе людямъ, сколько-нибудь не подготовленнымъ къ этому научно. Плохо знающихъ исторію первыхъ лѣтъ христіанства оно, быть можетъ, оставитъ равнодушными; во всякомъ случаѣ такое посѣщеніе потеряло бы большую часть своего интереса, если-бы мы не наталкивались на нѣкоторыя подробности, сами по себѣ не представляющія ничего замѣчательнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне важныя. Съ перваго взгляда все тутъ похоже одно на другое, и ничто не поражаетъ. Идешь узкими галлереями, гдѣ съ трудомъ могутъ помѣститься два человѣка рядомъ, идешь вдоль стѣнъ съ продѣланными въ нихъ параллельно нишами, довольно схожими съ большими выдвижными ящиками, помѣщенными одинъ надъ другимъ, служившими для погребенія. Послѣ того какъ туда былъ положенъ трупъ, отверстіе закрывалось мраморными плитами или кирпичами, на которыхъ писали имя покойнаго. Почти всѣ эти кирпичи обвалились и теперь легко можно видѣть въ глубинѣ этихъ открытыхъ нишъ маленькую кучку праха, все, что по прошествіи пятнадцати столѣтій осталось отъ разложившагося тѣла. Время отъ времени по дорогѣ попадаются болѣе обширныя и украшенныя помѣщенія для важныхъ покойниковъ; они обыкновенно заключаютъ почти стертую живопись, подробности которой съ большимъ трудомъ можно разсмотрѣть при невѣрномъ свѣтѣ сегіпі, и которыя при сколько-нибудь бѣгломъ осмотрѣ кажутся очень схожими между собой. Галлереи пересѣкаются подъ прямыми углами; онѣ перепутаны одна съ другой и образуютъ лабиринтъ коридоровъ и улицъ, гдѣ невозможно найти дорогу. Когда обойдешь одинъ этажъ, попадаешь на лѣстницу въ другой, нижній, гдѣ находишь опять то же зрѣлище, которое только что имѣлъ передъ глазами, съ тою разницей, что тьма кажется чернѣе, дыханье становится болѣе затрудненнымъ, и сердце замираетъ все больше и больше по мѣрѣ того, какъ дальше углубляешься подъ землю и дальше уходишь отъ воздуха и свѣта дня.

Когда это первое впечатлѣніе проходитъ, начинаешь размышлять и разсуждать. Прежде всего трудно, если посѣщеніе затягивается не быть пораженнымъ самой величиной этихъ кладбищъ. Эти этажи, идущіе одинъ надъ другимъ, эти безъ числа пересѣкающіяся галлереи, эти гробницы, все больше тѣснящіяся одна къ другой во всю длину стѣнъ,—это показатель той поразительной быстроты, съ какой христіанство распространилось въ Римѣ. Первые христіане, похоронившіе

своихъ умершихъ въ катакомбахъ, казалось, не ожидали такого быстраго успѣха. Они удовольствовались тѣмъ, что прорыли нѣсколько галлерей не глубоко подъ землей и загромоздили ихъ обширными саркофагами, поставленными близко отъ стѣны. Но скоро, такъ какъ число вѣрныхъ все возрастало, количество умершихъ стало слишкомъ велико, чтобы возможно было не считаться съ пространствомъ. Часто ставился вопросъ, нѣтъ ли большого преувеличенія у отцовъ церкви, когда они описываютъ намъ чудесное развитіе христіанства, утверждая, что съ конца второго вѣка оно охватило „города, острова, замки, войска, племена, дворцы, сенатъ, форумъ, и оставило язычникамъ только ихъ храмы“. Надо сознаться, что безграничный ростъ кладбищъ, необходимость прибавлять безпрестанно къ старымъ галлереямъ новыя и скучивать могилы ближе одна къ другой, повидимому, вполнѣ оправдываютъ эти слова.

Огромное пространство, занимаемое катакомбами, скоро наводитъ на другое размышленіе, не лишенное значительности. Языческіе склепы, съ которыми неизбѣжно ихъ сравниваешь, были несравненно менѣе обширны: обыкновенно они заключали только одну семью. Самые большіе изъ нихъ тѣ, которые содержатъ вольноотпущенниковъ одного и того же господина, членовъ одной и той же коллегіи или бѣдныхъ людей, соединившихся, чтобы выстроить себѣ съ меньшими тратами одну общую могилу. Иная причина соединила тѣхъ, которые хотѣли покоиться вмѣстѣ въ катакомбахъ. По происхожденію, по рожденію, по состоянію они часто очень различались другъ отъ друга, они принадлежали къ различнымъ семьямъ, не занимались одинаковыми ремеслами; можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ никогда не встрѣчались при жизни. Единственная между ними связь была ихъ религія, но эта связь стала такъ крѣпка, что замѣнила всѣ другія. Мы только что видѣли, что церковь не вмѣняла вѣрнымъ въ обязанность общее погребеніе, и что среди первыхъ христіанъ были такіе, которые выстроили себѣ въ своихъ имѣньяхъ частныя могилы, куда принимали только своихъ близкихъ *); но это должно было встрѣчаться рѣдко, и почти всѣ хотѣли покоиться вмѣстѣ со своими братьями по вѣрѣ. Если поразмыслить, это было важное нововведеніе и указаніе на новыя отношенія и на новый взглядъ на религію. Почти у всѣхъ древнихъ народовъ религія была не отдѣлима отъ семьи и родины; христіанство первое разъединило то, что древность соединяла; отнынѣ перестали поклоняться домашнимъ или національнымъ богамъ, религія стала существовать сама по себѣ, внѣ семьи и города и надъ ними. Многіе изъ тѣхъ, что похоронены въ катакомбахъ, навѣрно имѣли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ семейные склепы; другіе могли быть погребены среди людей своего положенія, съ которыми провели жизнь: всѣ захотѣли покоиться на одномъ изъ большихъ кладбищъ христіанскихъ.

*) Въ катакомбахъ также нашли нѣсколько семейныхъ могилъ; но онѣ не могли быть многочисленны. Обыкновенно землю, извлеченную изъ новыхъ галлерей, употребляли, чтобы засыпать старыя, когда онѣ были полны. Поэтому семьѣ становилось невозможно сохранять могилу дольше, чѣмъ въ теченіе одного или двухъ поколѣній.

Они охотно отказались отъ сосѣдства съ родными и друзьями, на что до тѣхъ поръ смотрѣли, какъ на одно изъ самыхъ большихъ утѣшеній въ смерти. Они заняли свое мѣсто подлѣ незнакомцевъ, часто прибывшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ, съ которыми ихъ связывала одна вѣра. Рабы, вольноотпущенники и люди свободные, греки, римляне и варвары, всѣ забыли всякія различія состоянія и происхожденія и помнили только общую имъ всѣмъ религію. Ничто не было такъ противно древнимъ обществамъ, какъ отдѣленіе семьи или государства отъ религіи, которое тогда произошло; это дѣло христіанства и въ катакомбахъ оно выступаетъ съ наибольшей наглядностью.

Вотъ мысли, прежде всего приходящія на умъ, даже когда ограничиваются бѣглымъ осмотромъ этихъ длинныхъ галлерей. Если имѣешь время присмотрѣться къ нимъ ближе, интересъ и любопытство увеличиваются. Подумаемъ о томъ, что катакомбы—самый древній памятникъ христіанства въ Римѣ. Другіе появляются только съ четвертаго вѣка, то есть съ эпохи, когда догматика уже выработана, когда новая религія нашла искусство и языкъ для выраженія своихъ вѣрованій. Ни одинъ изъ нихъ не напоминаетъ о времени исканій и борьбы; ни одинъ не сохранилъ воспоминаній о героическихъ временахъ церкви. Впрочемъ, они слишкомъ часто были реставрированы и передѣланы; они приняли слишкомъ современный видъ. Что осталось дѣйствительно античнаго въ базиликахъ Константина? Сколько нужно труда, чтобы представить себѣ, каковы должны были быть церкви св. Лаврентія, св.

Пракседа или св. Агніи, когда ихъ только что выстроили? Катакомбы сохранились лучше. На ихъ долю выпала удача быть почти забытыми и утраченными вплоть до временъ Бозіо. Если послѣ этого случалось иногда, что ихъ опустошали алчные любители или неумѣлые изслѣдователи, по крайней мѣрѣ не передѣлывали ихъ подъ предлогомъ поправки. Это самые цѣнные остатки, самый подлинный свидѣтель первыхъ вѣковъ христіанства, и нѣтъ въ Римѣ памятника, который бы лучше воскресилъ передъ нами эти первобытныя времена, такъ мало намъ знакомыя, но которыя мы такъ хотимъ знать.

Влѣдствіе этого все въ нихъ становится интереснымъ, и малѣйшія подробности дѣлаются важными. Эти кирпичи, отдѣлившіеся отъ могилъ, и которые путешественники топчутъ ногами, ихъ нужно тщательно подбирать; на нихъ часто печать того, кто ихъ выжигалъ, и они могутъ помочь установить эпоху галлерей. На этихъ мрачныхъ стѣнахъ, вдоль которыхъ мы подвигаемся, намъ указываютъ время отъ времени маленькую нишу или выдающуюся подставку: туда ставили глиняную лампу, освѣщавшую путь посѣтителямъ, и сколько разъ она видѣла, какъ проходили друзья или родные, пришедшіе плакать и молиться подлѣ дорогой могилы. Вотъ мы останавливаемся на минуту въ комнатахъ, болѣе просторныхъ чѣмъ другія, въ глубинѣ которыхъ находится могила, расположенная въ видѣ жертвенника. Онѣ служили, говоритъ Росси, для семейныхъ собраній. Сюда приходили, въ дни годовщины смерти, молить Бога о помилованіи усопшихъ, „читать вмѣстѣ священныя книги, пѣть гимны въ честь

умершихъ, усопшихъ во Господѣ". Легко представить себѣ, какое дѣйствіе должны были производить эти церемоніи на благочестивыя души. Въ этомъ торжественномъ молчаніи, среди этихъ стѣнъ, полныхъ покойниками, людямъ казалось, что они живутъ всецѣло въ обществѣ тѣхъ, кого утратили. Охватившее при этомъ волненіе давало яснѣе понять ту общность умершихъ и живыхъ, которую язычество провидѣло, а церковь возвела въ одинъ изъ своихъ догматовъ. До такой степени проникались воспоминаніемъ о всѣхъ этихъ дорогихъ отшедшихъ, что безъ труда вѣрили, что смерть не можетъ порвать связь, соединяющую одного человѣка съ другимъ, и что они продолжаютъ оказывать взаимныя услуги и за гробомъ, при чемъ отшедшіе пользуются молитвами церкви или, если они пребываютъ въ райскомъ блаженствѣ, помогаютъ своимъ предстательствомъ оставшимся еще въ живыхъ! Это чувство, которое выражаютъ благочестивыя восклицанія, вырѣзанныя на стѣнѣ кончикомъ ножа посѣтителями первыхъ вѣковъ, когда они тутъ проходили; Росси не безъ труда удалось списать ихъ и понять.

Исторія первоначальнаго христіанства заключена всецѣло въ катакомбахъ; обходя ихъ, можно прослѣдить всѣ превратности его существованія, полнаго треволненій. Эти галлереи, имѣющія открытый выходъ на большія общественныя дороги, эти отверстія, предназначенныя для нѣкотораго доступа воздуха и свѣта въ ипогеи, устроены въ то время когда христіане жили спокойно, довѣряя терпимости власти. И наоборотъ, эти темные входы и извилистыя дороги

говорятъ объ эпохѣ преслѣдованій. Въ это время были выстроены маленькія молельни, гдѣ собирались вѣрные, когда не могли отправлять свое богослуженіе открыто. Онѣ состоятъ обыкновенно изъ двухъ комнатъ, пересѣченныхъ самой галлереей катакомбъ, такъ что онѣ въ одно и то же время отдѣлены одна отъ другой и достаточно близки, чтобы можно было изъ обѣихъ слѣдить за священными церемоніями. Онѣ предназначались для обоихъ половъ, никогда не соединявшихся въ первобытной церкви. Въ глубинѣ одной изъ комнатъ находится каменное сѣдалище, на которое садился священникъ во время служенія или проповѣди. Съ этого мѣста должны были часто раздаваться слова убѣжденія, какія мы находимъ въ твореніяхъ отцовъ, воспламенявшія присутствующихъ и дававшія имъ смѣлость итти на смерть за свою вѣру. Тутъ читались письма, которыми обмѣнивались различныя церкви, чтобы сообщить одна другой свои опасенія и свои надежды и ободрить на страданія; тутъ же, послѣ великихъ казней, увеличивавшихъ число мучениковъ, вѣрные сходились, чтобы утѣшать другъ друга, ободрять и подстрекать на продолженіе борьбы; тутъ же отправляли заупокойное служеніе по умершимъ, возславляя ихъ и возвышаясь сами примѣромъ, какой тѣ преподали обществу вѣрныхъ: „Благо нашей церкви! Господь ея защитникъ и слава. До сихъ поръ она сіяла бѣлизной добрыхъ дѣлъ нашихъ братьевъ, Онъ удостаиваетъ ея славы обагриться кровью мучениковъ: и лилій, и розъ много въ вѣнцѣ ея!"

Эпоха гоненій, повидимому, болѣе другихъ оставила яркое воспоминаніе на христіанскихъ

кладбищахъ, и Росси всюду указываетъ намъ ея слѣды. Онъ обращаетъ наше вниманіе на то, что старинныя лѣстницы были въ это время уничтожены и большія галлереи засыпаны, чтобы оградить могилы мучениковъ отъ оскверненія. Поспѣшно вырыли новые проходы, ведшіе къ заброшеннымъ песочнымъ ямамъ (arenaria), о которыхъ я упоминалъ выше; черезъ нихъ можно было входить и выходить, не возбуждая подозрѣній; и даже постарались сдѣлать эти выходы не доступными для постороннихъ и для враговъ. Росси открылъ на кладбищѣ Каликста лѣстницу, ступени которой внезапно обрываются. Отсюда нельзя было добраться до внутреннихъ галлерей иначе какъ при помощи трапа, который приставлялъ по условленному знаку одинъ изъ сообщниковъ и убиралъ послѣ того, какъ входилъ послѣдній вѣрующій. Но эти тщательныя предосторожности не всегда были достаточны, чтобы спасать христіанъ. Намъ извѣстно, что между ними были предатели и измѣнники, предупреждавшіе полицію. „Вы знаете дни нашихъ собраній, говорилъ Тертулліанъ магистратамъ, вы наблюдаете за нами даже во время самыхъ тайныхъ нашихъ собраній; часто поэтому вы захватываете насъ врасплохъ и подавляете насъ!“ Солдаты императора не разъ проникали въ катакомбы, прекращали церемоніи и безъ пощады разили всѣхъ, кого только могли захватить. Надписи, нѣкоторые остатки которыхъ дошли до насъ, сохранили память объ этихъ кровавыхъ расправахъ. Быть можетъ, когда-нибудь найдутъ комнату, гдѣ были заперты и замурованы несчастные, которыхъ накрыли въ то время, какъ они отправляли

богослуженіе на могилѣ одного мученика, и уморили голодомъ. Папа Дамазій при поправкахъ, которыя онъ произвелъ на христіанскихъ кладбищахъ, пожелалъ, чтобы мѣсто, бывшее свидѣтелемъ этого страшнаго событія, осталось нетронутымъ; онъ ограничился тѣмъ, что открылъ въ стѣнѣ большое окно, въ которое вѣрные могли видѣть трупы, лежавшіе на землѣ въ томъ положеніи, въ какомъ постигла ихъ смерть.

На ряду съ этими воспоминаніями казней и опалы катакомбы хранятъ память и о дняхъ торжества, всюду видны остатки великихъ работъ, исполненныхъ по успокоеніи церкви съ цѣлью укрѣпленія ихъ или украшенія. Послѣ Константина въ нихъ мало-по-малу перестали погребать умершихъ; это былъ лишь памятникъ минувшаго, который окружали почитаніемъ. Паломники стекались изъ всѣхъ христіанскихъ странъ, чтобы посѣтить ихъ: всѣ хотѣли видѣть мѣсто погребенія знаменитыхъ мучениковъ; всѣ стремились унести съ собой какое-нибудь благочестивое воспоминаніе своего путешествія. Была даже одна царица, отправившая нарочно священника, чтобы добыть масла изъ лампадъ, горѣвшихъ у могилы святыхъ. Нашествія варваровъ прекратили эти паломничества. Аларихъ, Витегесъ, Атаульфъ поочередно опустошили римскую Кампанію. Чтобъ охранить священныя реликвіи отъ этихъ хищеній, пришлось извлечь ихъ изъ могилъ и перенести въ Римъ, гдѣ онѣ были розданы различнымъ церквамъ. Съ этихъ поръ исчезли поводы для посѣщенія катакомбъ, и вплоть до шестнадцатаго вѣка о нихъ не было почти никакихъ свѣдѣній.

III.

Надписи и живопись въ катакомбахъ. — Характеръ наиболѣе древнихъ надписей.—Зарожденіе христіанскаго искусства. — Первые мотивы, надъ которыми работали художники катакомбъ.—Подражаніе античнымъ тонамъ.—Воспроизведеніе христіанскихъ сюжетовъ.—Символизмъ.—Происхожденіе исторической живописи.—Что сохранилось у христіанскихъ художниковъ отъ античнаго искусства.

Первоначально можно было опасаться не извлечь никакой пользы для исторіи изъ этихъ тысячъ могилъ, схожихъ одна съ другой и заключающихъ множество неизвѣстныхъ покойниковъ. Но эти памятники не такъ нѣмы, какъ кажется: почти на всѣхъ находятся эпитафіи, нѣкоторые украшены барельефами или фресками. Эти надписи и эта живопись, какъ будто, надѣляютъ ихъ голосомъ; какъ они ни пострадали отъ времени, какъ они ни неполны, они знакомятъ насъ съ чертами изъ жизни и чувствованій тѣхъ, кто покоится въ катакомбахъ.

Самыя древнія надписи написаны по гречески: въ началѣ третьяго вѣка это еще былъ офиціальный языкъ церкви, такъ какъ латинскій появился позднѣе. Среди эпитафій, посвященныхъ папамъ, которыя Росси разыскивалъ на кладбищѣ Калликста, одна только эпитафія Корнилія, умершаго въ 252 году, написана на латинскомъ языкѣ. Повидимому, греческій языкъ оставили не сразу и какъ бы нехотя. Нѣсколько любопытныхъ надписей позволяютъ намъ видѣть этотъ переходъ отъ одного языка къ другому, и онѣ указываютъ намъ тѣ угрызенія, какія испытывали, измѣняя языку, служившему церкви почти отъ начала ея зарожденія. Въ нѣсколькихъ изъ этихъ надписей латинскія слова написаны греческими буквами, а есть и такія, гдѣ оба языка перемѣшаны довольно страннымъ образомъ (Julia Claudiane in pace et irene). Только въ галлереяхъ наиболѣе поздняго періода латинскій языкъ преобладаетъ почти безъ исключенія.

Среди этихъ эпитафій самыя древнія отличаются большой краткостью и большой простотой. Христіанская эпиграфія первыхъ временъ любила многословіе греческихъ надписей не больше, чѣмъ величавую торжественность надписей римскихъ. Она довольствуется тѣмъ, что пишетъ одно единственное изъ именъ умершаго (извѣстно, что во времена имперіи было своего рода знакомъ отличія носить много именъ) и прибавляетъ къ нему нѣсколько благочестивыхъ восклицаній, выражающихъ всѣ приблизительно одно и то же: „Миръ тебѣ!—Покойся во Христѣ!—Да найдетъ твоя душа успокоеніе во Господѣ!“ Рѣдко въ нихъ упоминается о томъ, сколько времени жилъ покойный и когда онъ умеръ. Чтò всѣ эти земныя воспоминанія тому, кто вступилъ въ обладаніе вѣчностью? Въ то время, какъ язычники считали необходимымъ выставлять на могилахъ званіе, какое имѣлъ покойный, и называть мѣсто, какое онъ занималъ въ жизни, у христіанъ никогда не было объ этомъ вопроса. „Нѣтъ у насъ, говорилъ Лактанцій, никакого различія между бѣднымъ и богатымъ, рабомъ и человѣкомъ свободнымъ. Мы называемъ другъ друга братьями,

потому что думаемъ, что всѣ мы равны *)." Какъ бы то ни было, равенство всегда страдаетъ въ этой жизни; братья хотѣли, по крайней мѣрѣ, обрѣсти его полностью въ смерти. Ихъ героическое смиреніе представляетъ для насъ нѣкоторыя неудобства, и молчаніе, на какое они себя обрекали, лишаетъ насъ множества любопытныхъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе, мы много узнаемъ благодаря и тому, что они желаютъ намъ сказать. Ихъ эпитафіи показываютъ намъ, что нѣкоторыя мнѣнія, принимавшіяся иногда за новыя, существовали въ христіанскомъ обществѣ съ конца третьяго столѣтія. Такъ, напримѣръ, вѣрили въ дѣйствительность молитвы живыхъ за умершихъ. Только что приведенныя мной благочестивыя воззванія—болѣе чѣмъ пожеланія, онѣ заключаютъ въ себѣ просьбы, съ которыми обращаются къ Богу, предполагая, что ихъ слышатъ. Первые христіане вѣрили въ предстательство святыхъ за тѣхъ, кто имъ молится. Вѣрные, съ такимъ рвеніемъ посѣщавшіе могилу мученика, несомнѣнно думали, что онъ озабоченъ

*) Христіане поступали такъ не по особому обязательному правилу, но по извѣстнаго рода чувству, общему и не произвольному. Доказательство этому то, что въ пещерѣ Луцинія, составляющей самую древнюю часть кладбища Каллякста, находится упоминаніе объ одномъ вольноотпущенникѣ, и что, хотя о духовныхъ чинахъ тамъ вообще упоминается не больше чѣмъ о другихъ, тѣмъ не менѣе тамъ говорится о трехъ священникахъ, и мы видимъ, что одинъ изъ нихъ въ одно и то же время священникъ и врачъ. Слѣдовательно, въ христіанскихъ эпитафіяхъ не запрещалось безусловно сохранять воспоминаніе объ общественныхъ отличіяхъ, и воздерживались отъ этого по доброй волѣ.

ихъ спасеніемъ и можетъ помочь имъ получить его. Въ одной надписи, найденной Росси, имѣется обращеніе къ только что умершей молодой дѣвушкѣ, которую считали святой, и тутъ сказано: „Моли Бога за Фиву и ея мужа, pete pro Phoebe et pro virginio ejus *)."

Позднѣе эта первобытная простота христіанскихъ надписей измѣнилась. Прежде всего стали пробиваться наружу сожалѣнія: было крайне трудно, чтобы вѣра всегда оказывалась достаточно сильной и сдерживала эти сожалѣнія. Затѣмъ стали разрѣшать себѣ робкую похвалу умершему: относительно молодой дѣвушки говорили, что это была „невинная душа" или „чистая голубица;" мужчину называли „большимъ праведникомъ" или даже „несравненнымъ." Отмѣчали количество прожитыхъ имъ лѣтъ и точный день его погребенія или, какъ говорили, его положенія (въ гробъ). Кончилось тѣмъ, что эти подробности одинаково стали отмѣчать на всѣхъ могилахъ: стиль христіанскихъ надписей съ этихъ поръ былъ выработанъ, а это означаетъ то, что формула и условность появилась тамъ, гдѣ никогда не должно бы было быть ничего, кромѣ сердечнаго порыва. Такой прогрессъ, я понимаю, не всѣмъ по вкусу. Когда смотришь на эти такія расчитанныя надписи четвертаго вѣка, нельзя

*) Подъ virginius разумѣли мужа, не имѣвшаго раньше другой жены. Это не вполнѣ, какъ можно думать, христіанское выраженіе; его употребляли язычники. Если они не порицали такъ сурово, какъ нѣкоторые непреклонные христіане, второго брака, во всякомъ случаѣ они любили воздавать честь тѣмъ, которые не злоупотребляли легкостью развода.

не пожалѣть о времени, когда скорбь и вѣра были менѣе дисциплинированы, когда всякій выражалъ свою печаль и свои надежды, какъ онъ ихъ чувствовалъ, не заботясь о томъ, чтобы соблюдать обычай и плакать, какъ плачутъ всѣ.

Живопись еще важнѣе надписей: она позволяетъ намъ добраться до зачатковъ христіанскаго искусства. Такъ какъ оно возникло вслѣдствіе почитанія умершихъ, первыя его попытки должны были зародиться въ катакомбахъ. Христіане стояли за то, чтобы съ полнымъ почетомъ погребать тѣхъ, кого они теряли, особенно если послѣдніе умирали жертвой какого-либо преслѣдованія. Несомнѣнно, скульптура и живопись должны были казаться имъ оскверненными вслѣдствіе употребленія, какое изъ нихъ ежедневно дѣлали язычники; однако они не задумывались пользоваться и той, и другой на своихъ кладбищахъ. Быть можетъ имъ казалось, что, употребляя ихъ на украшеніе послѣдняго жилища своихъ братьевъ, они ихъ очищали.

Можно предположить, что первые художники, призванные для украшенія христіанскихъ могилъ фресками или барельефами, должны были оказаться въ довольно затруднительномъ положеніи. Что предстояло имъ изображать? Вопросъ являлся важнымъ для возникающаго искусства. Такъ какъ секта христіанъ была гонима, и ученіе ихъ должно было оставаться тайнымъ, естественно, что они должны были сначала употреблять, чтобы узнавать другъ друга, извѣстные условные знаки, истинное значеніе которыхъ понимали они одни. Такъ поступали въ языческихъ мистеріяхъ: мы знаемъ, что посвященнымъ раздавали вещи, которыя они должны были сохранять и которыя напоминали имъ о томъ, что имъ было показано во время церемоній посвященія. То же было и у первыхъ христіанъ. Климентъ Александрійскій сообщаетъ, что они вырѣзали на своихъ кольцахъ изображенія голубя, рыбы, судна съ распущенными парусами, лиры, якоря и т. д. Это были символы, напоминавшіе имъ самыя тайныя истины ихъ религіи. Почти всѣ эти изображенія находятся и въ катакомбахъ, но тутъ они не одни. Такіе темные, такіе неясные знаки не могли быть достаточны для вѣрныхъ; скульпторы и художники, которыми они пользовались, обыкновенно обращенные изъ язычниковъ, должны были стараться изображать ихъ новыя вѣрованія болѣе прямымъ, болѣе яснымъ образомъ и такимъ, который былъ бы подлинно искусствомъ. Но тутъ все приходилось создавать: такъ какъ евреи въ этой области не могли имъ доставить никакого образца, они были вынуждены обратиться за искусствомъ къ другимъ, туда, гдѣ оно было, то есть въ языческія школы. Они это дѣлали безъ смущенія, покуда дѣло касалось простыхъ орнаментовъ, не имѣвшихъ настоящаго значенія и которые можно было видѣть вездѣ. Самъ Тертулліанъ, этотъ строгій учитель, разрѣшалъ имъ это. Для украшенія стѣнъ и сводовъ своихъ погребальныхъ комнатъ они списывали изящныя украшенія, обыкновенно встрѣчавшіяся въ домахъ язычниковъ. Потолковъ такого рода довольно много въ катакомбахъ; они встрѣчаются на кладбищѣ Калликста, и ихъ можно считать одними изъ лучшихъ, какіе остались намъ отъ

древности. Тутъ можно видѣть, какъ и въ Помпеѣ, прелестныя арабески, птицъ и цвѣты, и даже крылатыхъ геніевъ, которые словно летятъ въ воздушномъ пространствѣ. Не странно ли, что эти чудеса граціи и изящества, въ которыхъ дышитъ все свѣтлое искусство Греціи, находятся въ мрачныхъ галлереяхъ подземнаго кладбища? Надо думать, что подробности и эмблемы этой декоративной живописи, въ силу своей распространенности, утратили всякое значеніе для души, оставалось только удовольствіе для глазъ, и никто не былъ смущенъ, ни даже удивленъ, видя ихъ изображенными надъ могилой вѣрнаго. Но христіанскіе художники дерзнули на большее. Такъ какъ имъ было трудно изобрѣсти сразу оргинальное выраженіе для своихъ вѣрованій, они стали подражать нѣкоторымъ самымъ чистымъ образцамъ искусства классическаго, когда ихъ можно было примѣнить аллегорически къ новой религіи. Это подражаніе видно уже въ образѣ Добраго Пастыря, видимо вдохновенномъ, во всякомъ случаѣ по первоначальной идеѣ и общей компановкѣ, какой-нибудь античной картиною. Оно еще очевиднѣе въ прекрасныхъ фрескахъ, гдѣ Спаситель изображенъ подъ видомъ Орфея. Ѳракійскій пѣвецъ, привлекающій звуками своей лиры звѣрей и скалы, могъ казаться образомъ того, чье слово покорило самые варварскіе народы и низшіе классы народовъ цивилизованныхъ: въ катакомбахъ извѣстны три его репродукціи. Скульпторы поступаютъ такъ же, какъ художники, и даже идутъ дальше ихъ. Художники работали въ самихъ катакомбахъ, далеко отъ нескромныхъ глазъ невѣрныхъ, и фрески ихъ были задуманы и исполнены въ этомъ безмолвномъ городѣ мертвыхъ, гдѣ все располагало художника со всѣмъ пыломъ отдаваться своей вѣрѣ. Такъ какъ саркофаги работались въ мастерскихъ, ихъ могли видѣть всѣ, и это заставляло быть осторожнымъ. Возможно даже, что въ большинствѣ случаевъ, когда христіанамъ нужна была каменная или мраморная гробница, они брали ее готовой у продавца, выбирая такую, фигуры которой менѣе возмущали ихъ понятія. Поэтому на кладбищѣ Калликста можно найти гробницы, на которыхъ изображено приключеніе Одиссея съ сиренами или поэтическая исторія Психеи и Амура.

Но христіанское искусство не могло долго жить заимствованіями. Ученіе столь юное, столь полное жизни и силъ, цѣликомъ захватывавшее душу и ее преображавшее, скоро должно было достичь того, чтобы выражаться ему одному свойственнымъ образомъ. Было замѣчено, что, когда оно заимствуетъ не ему принадлежащіе типы, оно обрабатываетъ ихъ по своему и старается ихъ усвоить. Орфей кладбища Калликста, вмѣсто того чтобы привлекать къ себѣ звѣрей и деревья, какъ это разсказано въ баснѣ, и какъ онъ изображенъ въ Помпеѣ, представленъ лишь съ двумя овцами у своихъ ногъ, которыя внимаютъ его пѣснямъ; ясно, что еще немного—и онъ превратится въ Добраго Пастыря. Скоро художники осмѣлились вдохновляться непосредственно своими вѣрованіями и изображать событія, заимствованныя изъ священныхъ книгъ; изъ Ветхаго Завѣта брали жертвоприношеніе Исаака, переходъ черезъ Красное море, исторію Іоны, Даніила,

Сусанны, трехъ отроковъ въ раскаленной печи; изъ Новаго—волхвовъ, приходящихъ поклониться младенцу Христу, исцѣленіе разслабленнаго, воскресеніе Лазаря, насыщеніе пятью хлѣбами. Было обращено вниманіе на то, что они воздерживаются обыкновенно отъ изображеній скорбныхъ подробностей страстей Господнихъ. Боялись ли они, изображая Христа, умирающаго позорной смертью, смутить слабыхъ, подать поводъ къ издѣвательству насмѣшникамъ или погрѣшить противъ почитанія своего Бога? Достовѣрно лишь то, что они не любили изображать того, что произошло между судомъ Пилата и Воскресеніемъ. Не безъинтересно отмѣтить, что, напротивъ, художники средневѣковья любили брать сюжеты, которыхъ ихъ предшественники избѣгали съ такимъ тщаніемъ, что у нихъ изобиловали изображенія бичеванія и распятія, и что эти зрѣлища, трогая сердца вѣрныхъ, вызывали необычайный подъемъ народнаго благочестія.

Среди вопросовъ, поднимающихся въ умѣ, когда разсматриваешь въ катакомбахъ произведенія христіанскихъ художниковъ и скульпторовъ, на два въ особенности не легко дать отвѣтъ. Эти художники не безразлично относились къ тѣмъ сюжетамъ, которые имъ доставляли священныя книги; они взяли изъ нихъ только извѣстное число, которое все время и воспроизводятъ. Почему они предпочли именно тѣ, а не другіе, и въ чемъ причина ихъ выбора? Они часто соединяютъ различные сюжеты, какъ кажется, совершенно произвольно; одну за другой выводятъ они сцены, которыя, повидимому, не стоятъ въ послѣдовательномъ порядкѣ и не

имѣютъ между собой никакой связи. Поступали ли они случайно, или слѣдуетъ думать, что, дѣлая такія странныя сближенія, они имѣли какую-нибудь цѣль, которую возможно отгадать? Обыкновенно, все объясняютъ символизмомъ, и несомнѣнно, что символизмъ долженъ былъ играть важную роль при возникновеніи христіанскаго искусства. Извѣстно, что отцы церкви, особенно на Востокѣ, очень часто понимали библейскіе разсказы въ переносномъ смыслѣ, и что они любятъ видѣть въ нихъ православныя аллегоріи или образы, имѣющіе связь съ тѣмъ, что должно было произойти въ Новомъ Завѣтѣ. Поступая такъ, они слѣдовали примѣру Филона, который не мало потрудился, чтобы придать Ветхому Завѣту философское значеніе, и думалъ найти въ немъ все ученіе Платона. Самъ Филонъ подражалъ тѣмъ языческимъ теологамъ, которые, желая въ одно и то же время быть философами и людьми благочестивыми, и сохранить почитаніе древнихъ вѣрованій, не принижая слишкомъ своего разума, смотрѣли на миѳологическія легенды, какъ на символы или образы, скрывавшіе подъ грубой внѣшностью полезныя и глубокія истины. Христіанство наслѣдовало всю эту работу экзегетики, и можно сказать, что это наслѣдство было для него часто довольно тяжело. Одна изъ причинъ утомленія, какое мы испытываемъ иногда, читая отцовъ церкви, заключается въ томъ усиліи, какое они дѣлаютъ постоянно, чтобы найти во всемъ переносный смыслъ, въ томъ смѣшеніи толкованій и искреннихъ порывовъ, трогательной простоты и утонченнаго педантизма, наивности

и схоластики, юности и старости, которыя заставляютъ насъ ежеминутно вспоминать, что христіанство было религіей новорожденной въ эпоху одряхлѣвшую, и что даже въ лучшихъ книгахъ своихъ величайшихъ учителей оно часто имѣетъ два возраста одновременно.

Тѣ же противорѣчія встрѣчаются и въ произведеніяхъ искусства первыхъ христіанъ. Естественно, что ихъ художники, слѣдовавшіе вкусу своего времени, часто придавали сценамъ, изображаемымъ ими на картинахъ или барельефахъ, символическое значеніе. Какъ кажется, они даже хотѣли иногда дать намъ это понять. На одной фрескѣ въ катакомбахъ изображена овца между двумя волками; внизу сдѣлана слѣдующая надпись: Susanna, seniores; слѣдовательно, волки и овца изображали приключеніе Сусанны. Ной, протягивающій руки къ голубкѣ, которая несетъ ему желанную вѣсть, представлялъ христіанина, достигшаго конца своего плаванія, спасеннаго отъ соблазновъ міра и готоваго достичь неба; доказательствомъ этому служитъ то, что Ной иногда замѣненъ на саркофагахъ изображеніемъ самого усопшаго, какого бы возраста и пола онъ ни былъ, и вмѣсто почтеннаго патріарха видишь съ крайнимъ удивленіемъ, что изъ ковчега выходитъ совсѣмъ молодой мужчина, а то и женщина.

Несомнѣнно поэтому, что среди картинъ и барельефовъ въ катакомбахъ должно быть много такихъ, которые заключаютъ образы или символы, и что, напримѣръ, въ образѣ Іоны, выброшеннаго китомъ, исцѣленнаго разслабленнаго, воскресшаго Лазаря, христіане первыхъ временъ находили

подтвержденіе, укрѣплявшее ихъ надежды на безсмертіе. То, что они тогда признавали, намъ теперь очень трудно угадать. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые искусники попытались дать намъ ключъ къ этимъ таинственнымъ аллегоріямъ. На кладбищѣ Калликста открыты были двѣ комнаты, очень древнія и смежныя одна съ другой, которыя были выстроены вмѣстѣ и украшены въ одномъ и томъ же духѣ, быть можетъ, одними и тѣми же художниками. Они изобразили тамъ рядъ сценъ, взятыхъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, имѣющихъ, какъ думаютъ, символическій характеръ, и содержащихъ самое тайное ученіе христіанъ. Росси намѣревается отыскать смыслъ всѣхъ этихъ символовъ, путемъ ли сравненія между собой двухъ комнатъ или черезъ обращеніе къ авторитету отцовъ церкви. Онъ доказываетъ, что священныя книги истолкованы тутъ, какъ у Оригена и его учениковъ. Ничто такъ не поразительно, какъ видѣть, съ какой странной свободой перемѣшаны аллегорія и правда. Быстрое чередованіе и даже смѣшеніе ихъ смысла буквальнаго и переносного показываютъ, какъ всѣ привыкли тогда къ этой тонкой экзегетикѣ и какъ легко слѣдовали за учителемъ или художникомъ въ его фантастическомъ толкованіи. Человѣкъ, ударяющій по скалѣ, это и Моисей, и св. Петръ; бьющая изъ скалы вода не только вода, долженствующая утолить жажду евреевъ въ пустынѣ, это источникъ благодати и жизни, которымъ пользуется изображенный нѣсколько дальше священникъ для возрожденія юноши, крестя его въ ней; это также безбрежное море житейское, куда святой ловецъ душъ бросаетъ свои сѣти.

Отъ одной картины до другой, а часто въ одной и той же, аллегоріи слѣдуютъ одна за другой, одна другую уничтожаютъ, одна другой осложняются, одна другую замѣняютъ. Тутъ рыба представляетъ вѣрующаго, уловленнаго вѣрой; тамъ самъ Христосъ, на треножномъ столѣ подлѣ мистическаго хлѣба, приноситъ себя въ пищу своимъ ученикамъ. На суднѣ, съ котораго бросаютъ въ море Іону, мачта увѣнчана крестомъ: въ то же время это церковь, которую одинъ современникъ Каллиста сравниваетъ съ кораблемъ, носимымъ волнами, но никогда не поглощаемымъ ими. Если Росси объясняетъ эти картины правильно, изъ этого можно заключить, что Римъ не остался такъ чуждъ, какъ это обыкновенно предполагаютъ, всѣмъ этимъ работамъ по искусному толкованію, центромъ которыхъ стала ученая церковь Александрійская и которыя соединяются для насъ съ великимъ именемъ Оригена; но въ Римѣ это движеніе скоро прекратилось. Римскій духъ не долженъ былъ имѣть большой склонности къ этимъ утонченнымъ аллегоріямъ и смѣлымъ изощреніямъ, которыя любитъ духъ греческій. Онъ предпочитаетъ брать вещи въ историческомъ и реальномъ смыслѣ, нежели теряться въ символическихъ толкованіяхъ, куда входитъ всегда слишкомъ много фантазіи. Любитель ясности, порядка, дисциплины, онъ всегда старается подчинять индивидуальную волю общему чувству. Поэтому онъ не врагъ формулы, облекающей всѣ идеи въ одну одинаковую форму и тѣмъ доставляющей ему зрѣлище, которое онъ предпочитаетъ всѣмъ другимъ,—видимость единства.

Въ тотъ день, какъ онъ подчинилъ себѣ церковь, онъ измѣнилъ ея характеръ и ея судьбы. Быть можетъ, еслибы вліяніе евреевъ и грековъ возобладало, оно образовало бы изъ нея общину, а иногда анархію душъ, ищущихъ правды, со страстью предающихся спорамъ, чтобы открыть ее, и ищущихъ ее различными путями; благодаря римскому духу, овладѣвшему ею, она, главнымъ образомъ, стала правительствомъ.

Это вліяніе, какъ на всемъ остальномъ, отразилось и на искусствѣ, и оно, повидимому, по мѣрѣ того, какъ римскій духъ овладѣвалъ церковью, начинало вступать на новые пути. Росси указываетъ намъ на то, что въ комнатахъ нѣсколько болѣе поздняго періода, чѣмъ тѣ, о которыхъ я только-что говорилъ, фрески еще прекрасны, но не носятъ больше прежняго характера. Аллегоріи становятся рѣже, а тѣ, что имѣются, исполнены не съ тою легкостью и разнообразіемъ. Начинается эпоха исторической живописи; она зарождается, такъ сказать, въ катакомбахъ. Росси открылъ тамъ очень любопытную картину, изображающую, какъ будто, чуть что не современное событіе. Стоя на suggestum'ѣ важный и грозный человѣкъ, одѣтый въ претексту, съ короной на головѣ, обращается гнѣвно къ молодому человѣку, стоящему передъ нимъ. Позади нихъ человѣкъ, также съ короной на головѣ, подпирая рукой подбородокъ, какъ будто удаляется въ досадѣ. Росси видитъ въ этой картинѣ одну изъ сценъ гоненій; это, по его мнѣнію, допросъ мученика. Допрашивающій магистратъ, можетъ быть императоръ, представленъ съ своими обычными аттрибутами. Хри-

стіанинъ, дѣйствительно, имѣетъ видъ человѣка, исповѣдующаго свою вѣру: черты его дышатъ кротостью и рѣшимостью, и художникъ придалъ странный блескъ его глазамъ. Онъ не смотритъ ни на кого, онъ, кажется, ничего не слышитъ, что ему говорятъ, и видно, что онъ занятъ иными мыслями. Что касается до человѣка, который удаляется, это, несомнѣнно, языческій жрецъ, не сумѣвшій убѣдить христіанина принести жертву богамъ. Вотъ, вѣроятно, самое древнее живописное изображеніе мученика, какимъ мы только обладаемъ: это начало того рода живописи, который съ четвертаго и пятаго вѣка долженъ былъ стать крайне распространеннымъ.

Знакомя насъ съ началомъ христіанскаго искусства, катакомбы въ то же время сообщаютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія, единственныя, какія мы только имѣемъ, о художникахъ, ихъ украшавшихъ. Художники смиренные, съ такимъ самоотверженіемъ работавшіе въ безмолвіи и мракѣ больше для чести своихъ братьевъ, чѣмъ для славы своего имени! Отъ нихъ ничего не осталось, кромѣ ихъ трудовъ, но по работѣ узнается мастеръ. Надо ли говорить, что это были благочестивые христіане, искренно вѣрующіе? Надо было ими быть, чтобы такъ похоронить себя въ этихъ мрачныхъ жилищахъ и писать тамъ картины, на которыя не долженъ былъ упасть никогда ни единый лучъ солнца. Но ихъ благочестіе не простиралось такъ далеко, чтобы они пожертвовали вполнѣ своей независимостью. Они не были подчинены такъ, какъ это думаютъ, вліянію духовенства, и не вѣрно говорили,

будто церковь руководила ими. Частыя ошибки, которыя они допускаютъ противъ текста священныхъ книгъ, показываютъ, что личная иниціатива съ ея заблужденіями и капризами играла нѣкоторую роль въ ихъ произведеніяхъ. Замѣчаемое между ними сходство не столько слѣдствіе полученнаго приказанія или подчиненія руководству, сколько извѣстной скудости выдумки; различія, какъ бы слабы они ни были, доказываютъ, что они не работали по единственному и навязанному имъ образцу. Точно также они не забывали, что, будучи христіанами, они въ то же время были художниками. Они не разсчитывали освободиться отъ вѣчныхъ условій искусства, подъ тѣмъ предлогомъ, что они работали для новой религіи. Благочестіе не дѣлало ихъ чуждыми заботъ ремесла, и они не считали нечестіемъ считаться съ требованіями вкуса и компановкой картины очаровывать взоры. Нѣкоторые признаки указываютъ, что въ расположеніи своихъ фресокъ и барельефовъ они не всегда имѣли серьезныя намѣренія и таинственныя цѣли, какія имъ приписываютъ, что они просто руководствовались требованіями порядка и симметріи, что они помѣщали нѣкоторые сюжеты въ опредѣленныя мѣста, потому что они представляли пріятное зрѣлище, что они соединяли одну съ другой сцены, которыя по значенію или по времени не надо было сближать, но которыя по внѣшнему распредѣленію соотвѣтствовали, и согласовались одна съ другой. Хотя античное искусство всецѣло принесло себя на служеніе язычеству, они изучали его шедевры и старались ему подражать. Мы видѣли,

что въ первыя времена, когда они болѣе всего горѣли вѣрой, они, не смущаясь, заимствовали у него образы, подъ которыми изображали своего Бога; по правдѣ говоря, эти заимствованія никогда не прекращались вполнѣ и даже въ твореніяхъ наиболѣе непосредственно вдохновленныхъ новой религіей, часто находишь подробности, напоминающія древнія легенды, и то искусство, которое столько разъ ихъ воспроизвело*). Такимъ образомъ эти художники, становясь христіанами, не отрекались отъ пониманія и любви къ прекраснымъ произведеніямъ ваятелей и художниковъ Греціи; они не считали себя призванными осуждать ихъ и изгонять, разъ что, напротивъ, сами старались усвоить ихъ пріемы для своего вѣроученія. Если правду говорятъ, что возрожденіе полагало главнымъ правиломъ облекать новыя идеи въ формы древняго искусства, возрожденіе началось въ катакомбахъ.

*) Такъ чудовище, поглотившее Іону, изображено такъ же, какъ чудовище, угрожающее Андромедѣ; умершій Лазарь помѣщенъ въ языческомъ heroum; Ноевъ ковчегъ тотъ же сундукъ, въ которомъ Даная была пущена по морю.

IV.

Кладбище Калликста. — Росси удается его открыть. — Указанія, позволяющія ему найти могилы мучениковъ.— Работы исполненныя послѣ Константина въ знаменитыхъ пещерахъ.—Надписи богомольцевъ.—Почему кладбище было названо кладбищемъ Калликста?—Исторія этого папы по Philosophumena.—Почему папы третьяго вѣка погребались на кладбищѣ Калликста и какъ оно стало собственностью церкви.—Открытіе папской пещеры.

До сихъ поръ мы довольствовались общимъ изученіемъ катакомбъ; мы старались узнать объ ихъ назначеніи, описали видъ, какой онѣ представляютъ для посѣтителя, говорили о заключающихся въ нихъ надписяхъ и живописи. Относительно всѣхъ этихъ предметовъ Росси пролилъ много свѣту; но онъ сдѣлалъ больше или, скорѣе, онъ сдѣлалъ другое. Онъ безпрестанно повторяетъ, что методъ его всецѣло аналитическій; онъ не хочетъ начинать, какъ многіе другіе, общими обзорами, и обобщенія у него вытекаютъ лишь изъ изученія подробностей. На эти тщательныя изысканія онъ смотритъ, какъ на самое главное, и въ этомъ полагаетъ главную свою честь. Поэтому не слѣдуетъ ихъ скрывать, разъ что желаешь познакомить съ своими работами публику. Чтобы вполнѣ оцѣнить такой характеръ и вытекающія изъ него слѣдствія, покажемъ, какъ онъ работаетъ. Отправившись на время вслѣдъ за нимъ, двигаясь шагъ за шагомъ позади него, мы лучше поймемъ вѣрность его метода и величіе его открытій.

Желая во всемъ поступать правильно, Росси

рѣшился изучать различныя христіанскія кладбища по степени ихъ важности. Поэтому ему пришлось начать съ пещеръ Ватикана: тамъ былъ погребенъ св. Петръ, и преемники его, въ теченіе двухъ столѣтій, хотѣли покоиться подлѣ его могилы; но эти пещеры были, такъ сказать, размозжены подъ громадными основаніями базилики, которая была выстроена надъ ними, и теперь отъ нихъ не осталось ничего. За ватиканскимъ кладбищемъ, которое было недоступно, слѣдовало въ іерархическомъ порядкѣ кладбище, которое носитъ имя Калликста и заключаетъ, говорятъ, гробницы папъ третьяго столѣтія. Въ эту-то сторону и направилъ Росси свои изысканія.

Надо было сначала разыскать его мѣстоположеніе, что было не легко: нѣтъ кладбища, насчетъ положенія котораго велось бы столько споровъ. Знали хорошо, что оно должно было находиться вдоль Аппіевой дороги; но иные смѣшивали его съ катакомбой св. Претекстата, другіе съ катакомбой св. Себастіана. Въ послѣдней помѣстили даже мраморныя плиты, существующія еще до сихъ поръ и торжественно вѣщающія посѣтителямъ, „что они находятся въ мѣстѣ, гдѣ была похоронена св. Цецилія, и гдѣ покоятся болѣе чѣмъ пятьдесятъ папъ,“ то-есть, на кладбищѣ Калликста; но такое смѣлое присвоеніе не смутило Росси. Эти плиты были положены въ пятнадцатомъ вѣкѣ, то-есть когда почти утратили воспоминаніе о катакомбахъ, а Росси хочетъ дѣлать выводы въ своихъ изслѣдованіяхъ только на основаніи документовъ, относящихся къ эпохѣ, когда катакомбы посѣщались и были извѣстны, когда точно знали на-

именованіе каждой, и гдѣ какіе мученики были погребены. Среди этихъ документовъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить рядъ писаній, всей важности которыхъ до тѣхъ поръ не подозрѣвали. У древнихъ, какъ и у насъ, были „Путеводители для путешественниковъ“; трудно было обойтись безъ нихъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Римъ, куда стекались со всѣхъ концовъ вселенной. Тѣ, что сохранились до насъ, принадлежатъ къ послѣднимъ временамъ имперіи; въ нихъ обыкновенно находится перечень „чудесъ Рима“, площади, дворцы, театры, бани, портики и т. д. Въ нихъ находятся также маршруты, какъ въ нашихъ теперешнихъ путеводителяхъ, которые ведутъ путешественника отъ одного конца Рима до другого, называя ему всѣ зданія, какія онъ долженъ встрѣтить на своемъ пути. Старинныя редакціи этихъ описаній коротки и сухи; но въ самыхъ недавнихъ чувствуется потребность заинтересовать читателя, и ему преподносятъ множество необычайныхъ легендъ, чтобы больше заманить его тѣми диковинами, которыя ему показываютъ. Жорданъ даже не прочь допустить мысль, что ихъ иногда украшали иллюстраціями, на которыхъ были воспроизведены наиболѣе любопытные памятники; такимъ образомъ у нихъ не было недостатка ни въ чемъ, что составляетъ успѣхъ нашихъ. Ими пользовались еще въ средніе вѣка, и имѣются маршруты шестого и седьмого вѣковъ, служившіе путеводителями пилигримовъ къ могиламъ мучениковъ. Можно сказать, что они оказали ту же услугу и Росси и указали ему дорогу къ самымъ знаменитымъ катакомбамъ. Въ двухъ изъ такихъ описаній пути, най-

денныхъ въ Зальцбургѣ въ 1777 году, перечисляются довольно подробно какъ разъ катакомбы Аппіевой дороги; благодаря имъ и могъ Росси отыскать мѣсто, гдѣ находится кладбище Калликста.

Когда кладбище было открыто, и входъ въ подземныя галлереи расчищенъ, оставалось все же еще много дѣла. Изъ описаній Росси узналъ, какимъ могиламъ поклонялись пилигримы седьмого вѣка, но надлежало ихъ еще отыскать. Это была не легкая работа. Какъ не потеряться, какъ знать,—куда итти среди этихъ сотенъ галлерей, среди тысячъ всѣхъ этихъ могилъ, какъ быть увѣреннымъ, что идешь по дорогѣ, которая должна привести къ знаменитымъ пещерамъ?— По счастью и тутъ цѣнныя указанія должны были руководить изысканіями.

Эти указанія были доставлены Росси тѣми работами, которыя были предприняты въ эпоху, когда церковь пользовалась миромъ, и остатки которыхъ легко отличить и въ наши дни. Восторжествовавшее христіанство почтило убѣжище, гдѣ нашло себѣ пріютъ въ тяжелые дни; но такъ какъ катакомбы очень пострадали во время гоненій, то всего исправить не могли, а занялись преимущественно пещерами, гдѣ покоились главные мученики. Онѣ были укрѣплены и украшены; выстроили новые, болѣе великолѣпные входы, болѣе удобныя лѣстницы, чтобъ спускаться въ нихъ; выкопали колодцы (lucernaria), чтобы дать къ нимъ доступъ свѣту. Поэтъ Пруденцій, видѣвшій катакомбы при Өеодосіи, описалъ намъ въ прекрасныхъ стихахъ состояніе, въ какомъ онѣ тогда находились, и наплывъ пилигримовъ,

посѣщавшихъ ихъ. Онъ подробно описываетъ продѣланныя въ сводѣ отверстія для освѣщенія самыхъ главныхъ пещеръ; онъ говоритъ о мракѣ галлерей, время отъ времени пересѣкаемомъ просвѣтами, словно солнечными островками, и объ этихъ переходахъ отъ мрака къ свѣту, отъ которыхъ душу охватывалъ религіозный ужасъ. Рядомъ съ могилами святыхъ стѣны покрыты мраморомъ или облицованы серебряными пластинами, „которыя блестятъ, какъ зеркало.“ Сюда сбираются отовсюду, когда наступаетъ праздникъ какого-нибудь знаменитаго мученика. Приходятъ сюда изъ Рима, „и царственный городъ извергаетъ потокъ своихъ гражданъ.“ Сюда приходятъ также и изъ сосѣднихъ странъ. Крестьяне толпами стекаются изъ селеній Этруріи и Сабиніи. „Всѣ весело отправляются въ путь съ женами и дѣтьми. Двигаются такъ скоро, какъ только могутъ. Тѣсно поле, чтобы вмѣстить весь этотъ веселый народъ, и какъ ни широка дорога, видно, какъ несмѣтная толпа останавливается.“ Это тотъ же народъ, который еще и теперь охотно покидаетъ свои мареммы или спускается съ своихъ горъ,чтобы посѣтить чудотворныхъ мадоннъ или bambino Arae Coeli. Достигнувъ могилы мученика, они отдаются порывамъ того шумнаго и выразительнаго благочестія, привычки къ которому итальянцы еще не утратили. „Съ утра тѣснятся, чтобы поклониться святому. Прибывшая для этого толпа до самаго вечера приходитъ и уходитъ. Прикладываются къ серебряной блестящей пластинкѣ, покрывающей могилу, кладутъ ароматы, и слезы умиленія текутъ у всѣхъ изъ глазъ“

Эти пилигримы, о которыхъ говоритъ Пруденцій, оставили на кладбищахъ слѣды своего прохожденія. Они имѣли привычку писать свои имена вмѣстѣ съ какими-нибудь молитвами на стѣнахъ и при входѣ въ пещеры. Время не совсѣмъ стерло эти graffiti, надписи, которыхъ особенно много по близости отъ наиболѣе посѣщаемыхъ могилъ; Росси тщательно списалъ всѣ тѣ, которыя могъ прочесть, и трудъ его не пропалъ даромъ. Сколько любопытныхъ особенностей открылось передъ нимъ въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя чертили на стѣнахъ грубые крестьяне пятаго и шестого вѣка. Среди другихъ любопытныхъ открытій они знакомятъ насъ съ однимъ изъ тысячи тайныхъ звеньевъ, посредствомъ которыхъ христіанское благочестіе связано съ прежними вѣрованіями. Когда мы смотримъ издали, эта тонкая связь отъ насъ ускользаетъ, и намъ кажется, что бездна раздѣляетъ христіанство отъ предшествовавшихъ ему религій; но наука, изучающая вещи вблизи, не пренебрегая никакими подробностями, хоть и не заполняетъ всецѣло разстоянія, во всякомъ случаѣ возстановляетъ переходныя ступени. У грековъ и римлянъ былъ благочестивый обычай, когда они посѣщали какой-нибудь храмъ или даже какой-нибудь восхищавшій ихъ памятникъ, вызывать въ своей памяти родныхъ и друзей для того ли, чтобы расположить къ нимъ бога, которому былъ посвященъ храмъ, для того ли, чтобы пріобщить ихъ къ удовольствію, какое имъ доставляло прекрасное зрѣлище. Эти акты благочестія, эти проскинемы какъ ихъ называли, которыми путешественникъ присоединяетъ имена дорогихъ

ему существъ къ своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, часто встрѣчаются въ Греціи и особенно въ Египтѣ. По своей формѣ они обыкновенно довольно кратки и мало разнообразны. „Сарапіонъ, сынъ Аристомаха, прибылъ къ великой Изидѣ Филейской и по благочестивому побужденію вспомнилъ о своихъ родителяхъ. — Я, Панолбій Геліопольскій, любовался могилами царей и вспоминалъ всѣхъ своихъ.“ Однако, не всѣ такъ просты и холодны и порой въ нихъ можно подмѣтить истинное чувство. Одна римлянка, посѣщая пирамиды, вспоминаетъ умершаго брата и пишетъ слѣдующія трогательныя слова: „Видѣла пирамиды безъ тебя и отъ этого зрѣлища исполнилась печали. Все, что могла сдѣлать, это пролить слезы о твоей судьбѣ; затѣмъ, вѣрная твоей памяти, я пожелала написать тутъ эту жалобу.“ Поэтому Росси, быть можетъ, не совсѣмъ правъ, говоря, что языческія проскинемы никогда ничего не содержатъ, „кромѣ холодной и сухой формулы;“ но онъ увѣренъ, что христіанство вложило сюда больше горячности и страсти. Для насъ всего интереснѣе ихъ искренность и непосредственность. Тутъ нѣтъ ничего офиціальнаго, условнаго, какъ въ пространныхъ надписяхъ, высѣченныхъ на мраморѣ; онѣ не такъ пышны и великолѣпны, но въ нихъ гораздо больше чувствуется сердечнаго порыва. То пилигримъ просто пишетъ свое имя, смиренно прося молиться за него и выражая благочестивыя пожеланія (Eustathuis humilis peccator; tu qui legis, ora pro me, et habeas Dominum protectorem); то онъ молитъ святыхъ о себѣ или о тѣхъ, кого любитъ: „Святые мученики, помяните Діонисія.—Попросите для Верекунда и его

близкихъ счастливаго плаванія.—Пошлите покой моему отцу и моимъ братьямъ."

Чаще всего онъ ограничивается употребленіемъ краткой формулы: „Живите;" или: „да живетъ онъ въ Богѣ." При входѣ въ пещеру Луцинія, у подножія лѣстницы, находишь слѣдующія слова, много разъ повторенныя: „Софронія, живи въ Богѣ! Sofronia vivas!" Несомнѣнно, что, написавъ эти слова, путникъ проникъ въ пещеру, сталъ на колѣни, молился у подножія могилы мучениковъ, и вполнѣ вѣроятно, что вмѣстѣ съ молитвой въ сердце его проникло довѣріе. Это доказываетъ слѣдующая надпись, начертанная той же рукой со стороны выхода: „Софронія, моя милая Софронія, ты будешь жить всегда, да, ты будешь жить въ Богѣ: Sofronia dulcis, semper vives Deo; Sofronia, vives!"

Не изъ простого любопытства Росси такъ тщательно собираетъ воспоминанія изъ эпохи Константина и Өеодосія, сохранившіяся въ катакомбахъ; они имѣютъ для него другую важность; они открываютъ ему дорогу къ историческимъ пещерамъ. Такъ какъ именно для нихъ послѣ торжества церкви построили эти широкія лѣстницы и выкопали эти большія луцернаріи, онъ узнаетъ, встрѣчая ихъ, что недалеко какая-нибудь знаменитая могила. Чтобы найти ее, ему нужно только итти по слѣдамъ пилигримовъ, о которыхъ я только что говорилъ. Ихъ надписи руководятъ имъ, онъ, такъ сказать, идетъ вмѣстѣ съ ними и по мѣрѣ того какъ горячѣй становятся ихъ молитвы, онъ догадывается, что приближается къ цѣли. Разъ что онъ въ пещерѣ, множество подробностей, которыя онъ внимательно рассматриваетъ, сличая ихъ со свѣдѣніями, доставленными древними историками, немедленно открываютъ ему, кто именно этотъ мученикъ или исповѣдникъ, къ чьей гробницѣ приходили, чтобы достойно почтить ее, и къ чьей помощи прибѣгали. Рѣдко случается, если только это какой-нибудь извѣстный святой, что при старательныхъ поискахъ въ концѣ концовъ онъ не находитъ какихъ-нибудь остатковъ надписи святого Дамасія. Этотъ папа былъ большой почитатель или, скорѣе, большой поклонникъ катакомбъ; онъ положилъ свою жизнь на ихъ поправку и украшеніе. Онъ сочинилъ даже нѣсколько маленькихъ стихотвореній, которыя должны были быть помѣщены надъ могилами святыхъ и напоминать вѣрнымъ объ ихъ великихъ дѣяніяхъ. Чтобы вырѣзать ихъ на мраморѣ, одинъ знаменитый каллиграфъ, Фурій Филокалъ, самъ называющій себя почитателемъ и другомъ папы Дамасія (Damasi papae cultor atque amator), выдумалъ родъ особой азбуки, буквы которой на концахъ имѣли особаго рода украшенія, почему ихъ очень легко было узнавать. Такъ какъ буквы эти употреблялись только для стиховъ папы-поэта, можно быть увѣреннымъ, что если только видишь одну изъ такихъ буквъ на мраморномъ обломкѣ, то это отрывокъ какой-нибудь надписи Дамасія, и что, слѣдовательно, находишься по близости отъ могилы какого-нибудь извѣстнаго лица.

Вотъ какимъ способомъ Росси удается почти безошибочно угадывать направленіе въ этомъ лабиринтѣ и какимъ образомъ онъ въ теченіе такого небольшого количества лѣтъ открылъ въ

немъ столько знаменитыхъ могилъ. Тѣмъ не менѣе ему не хватало еще одной гробницы, какъ разъ той, которую ему всего необходимѣе было открыть. Мысли, изложенныя имъ относительно мѣстоположенія кладбища Калликста, имѣли неудобство быть новыми; эта вина очень многими не прощается; въ правленіе священниковъ, въ особенности въ странѣ, гдѣ неподвижность была одновременно физической потребностью и религіознымъ догматомъ, малѣйшее измѣненіе въ принятыхъ мнѣніяхъ являлось преступленіемъ. Чтобы заставить простить себѣ эти новшества, чтобы раскрыть глаза самымъ маловѣрнымъ, чтобы съ торжествомъ доказать, что они дѣйствительно находились на кладбищѣ Калликста, надо было найти мѣсто погребенія папъ третьяго вѣка.

Вопросъ, который Росси хотѣлъ разрѣшить, является крайне запутаннымъ. По какой причинѣ былъ перенесенъ на кладбище Калликста этотъ папскій склепъ, упорно имъ разыскиваемый? Почему римскіе епископы пожелали покоиться не рядомъ съ св. Петромъ въ славной пещерѣ Ватикана, а въ другомъ мѣстѣ? Никто не могъ найти причину этого. Но это не былъ единственный поводъ къ неувѣренности и сомнѣнію, представлявшійся въ предпринятомъ Росси изслѣдованіи. Съ самаго начала своихъ изысканій онъ увидалъ, что кладбище Калликста было древнѣе, чѣмъ это можно было думать, судя по имени, подъ которымъ оно извѣстно. Характеръ живописи въ комнатахъ и галлереяхъ, которыя были выкопаны первыми, способъ расположенія въ нихъ могилъ, языкъ надписей, тамъ

находящихся, все тутъ говоритъ о второй половинѣ второго вѣка. Еще болѣе убѣдительнымъ аргументомъ является то, что кирпичи, употребленные на постройку и по римскому обычаю носящіе знакъ поставившаго ихъ мастера, были всѣ сдѣланы въ царствованіе Марка Аврелія. Слѣдовательно, эти работы были произведены раньше временъ Зефирина и Калликста, жившихъ въ царствованіе Севера. Нѣкоторыя указанія, казалось, подтвердили Росси, что этотъ первый ипогей дѣйствительно принадлежитъ ко второму вѣку, и что онъ былъ дарованъ церкви однимъ членомъ знаменитой семьи Цециліевъ. Почему же не сохранилось за нимъ его перваго имени, и откуда взялось имя Калликста?

Вотъ объ этомъ-то и начинаемъ мы узнавать, или догадываться съ тѣхъ поръ, какъ открыта и напечатана интересная полемическая книга, написанная въ третьемъ вѣкѣ неизвѣстнымъ богословомъ и называемая Philosophumena. Это произведеніе, вплоть до нашихъ дней остававшееся скрытымъ въ библіотекѣ одного изъ греческихъ монастырей, возбудило своимъ появленіемъ крайнее удивленіе и большой соблазнъ. Несомнѣнно, что оно чрезвычайно подрывало общепринятые взгляды. Въ книгѣ этой сообщались странныя и неожиданныя вещи о жизни этого самаго Калликста, котораго вѣрные сдѣлали папой, а церковь, позднѣе, признала святымъ. Если вѣрить неизвѣстному автору Philosophumena, этотъ папа и святой былъ никто иной, какъ прежній рабъ, открывшій банкъ при помощи денегъ своего господина Карпофора, и которому слишкомъ довѣрчивые хри-

стіане поручили хранить церковныя деньги. Ему не удались его операціи, и онъ растратилъ довѣренныя ему деньги. Чтобы избавить себя отъ представленія отчета и вновь однимъ блестящимъ ударомъ завоевать себѣ популярность, пошатнувшуюся вслѣдствіе его финансовыхъ краховъ, онъ надумалъ пойти въ еврейскую синагогу, поднять тамъ шумъ и нарушить порядокъ богослуженія. Изгнанный въ Сардинію за такое проявленіе нетерпимости, затѣмъ вновь призванный въ Италію благодаря вліянію Марціи, любовницы Коммода, покровительствовавшаго христіанамъ, онъ сдѣлался, неизвѣстно какимъ образомъ, фаворитомъ и преемникомъ папы Зефирина. Удача не измѣнила его характера. Онъ былъ раньше невѣрнымъ рабомъ и банкиромъ-обманщикомъ; ставъ римскимъ первосвященникомъ, онъ сдѣлался еретикомъ, распутникомъ, приверженцемъ симоніи „и показывалъ примѣръ прелюбодѣянія и злодѣйствъ." Несомнѣнно, это не нравоучительная исторія для папы и святого; къ счастью, она совершенно невѣроятна. Росси не трудно доказать, что рѣзкость обличенія уменьшаетъ его достовѣрность, и заключающіяся въ немъ обвиненія очень неправдоподобны. Авторъ самъ озаботился повѣдать намъ, что они ни что иное, какъ единичный протестъ, когда говоритъ намъ, что Калликстъ соблазнилъ всѣхъ, и только онъ одинъ смогъ противостоять ему. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что, такъ какъ онъ писалъ для современниковъ, то, если онъ и исказилъ факты, онъ не выдумалъ ихъ. Росси думаетъ, что суть разсказа должна быть вѣрной и что, напримѣръ, слѣдуетъ вѣрить тому, что онъ говоритъ намъ о

происхожденіи Калликста и его первой профессіи. Итакъ, это былъ прежній рабъ, долго державшій банкъ на форумѣ. Не является ли многозначительнымъ фактъ, что уже въ то время, когда едва прошло два вѣка послѣ смерти Христа, христіанское общество въ Римѣ, нуждаясь въ главѣ, обратилось къ бывшему банкиру? Дѣло въ томъ, что оно было уже богато; оно начинало интересоваться житейскими дѣлами. Для того, кто руководилъ имъ, было недостаточно умѣть управлять душами, надо было, чтобы онъ умѣлъ также управлять дѣлами. Впрочемъ, выбравъ Калликста, христіане, какъ кажется, не ошиблись. Въ признаніяхъ автора Philosophumena, помимо его воли, можно подмѣтить, что этотъ папа былъ искуснымъ организаторомъ, своего рода государственнымъ дѣятелемъ, щедрымъ и просвѣщеннымъ, создавшимъ полезныя правила церковной дисциплины. Римскій народъ долго сохранялъ память о немъ самомъ, послѣ того, какъ утратилъ память объ его дѣлахъ, и Росси правъ, видя въ этомъ постоянствѣ отдаленное воспоминаніе о великой роли, какую игралъ Калликстъ.

Въ этомъ рѣзкомъ памфлетѣ есть одно довольно странное выраженіе, обратившее на себя вниманіе Росси съ самаго начала. Въ немъ сказано, что, когда Зефиринъ былъ сдѣланъ епископомъ римскимъ, онъ призвалъ Калликста изъ Акціума, куда онъ былъ отправленъ послѣ возвращенія его изъ Сардиніи, и поручилъ ему кладбище. Безъ всякаго сомнѣнія дѣло идетъ о кладбищѣ Аппіевой дороги, сохранившемъ свое имя; но какъ объяснить этотъ странный

способъ обозначенія? У христіанъ ихъ было тогда большое число; были и болѣе старинныя, напримѣръ, кладбище Домициллы, отъ перваго вѣка; были болѣе почитаемыя,—пещера Ватикана, гдѣ были погребены первые папы. Почему находящееся на Аппіевой дорогѣ называется кладбищемъ, какъ будто оно было одно? Очевидно потому, что находилось въ положеніи отличномъ отъ всѣхъ другихъ. Росси, какъ мы это сейчасъ увидимъ, думаетъ, что первые ипогеи, какими обладали вѣрные, происходили отъ щедрыхъ даровъ какихъ-нибудь знатныхъ особъ, обратившихся въ новую вѣру, и что въ глазахъ закона они продолжали быть собственностью тѣхъ семей, которыя ихъ уступили; но онъ предполагаетъ, что позднѣе христіане воспользовались покровительствомъ, императорами дарованнымъ похороннымъ обществамъ, и что они, точно также, добились того, что сдѣлались законными и признанными собственниками своихъ усыпальницъ. Поэтому вѣроятно, что кладбище Аппіевой дороги было первымъ и, можетъ быть, извѣстное время единственнымъ, пользовавшимся этимъ преимуществомъ. Тогда становится понятнымъ, что древнія гробницы Цециліевъ, ставшія болѣе обширными и великолѣпными, въ соотвѣтствіи съ ихъ благосостояніемъ, сдѣлались для всѣхъ вѣрныхъ кладбищемъ по преимуществу, и что привыкли называть его Калликстовымъ, такъ какъ послѣдній несомнѣнно руководилъ работами. Вотъ почему также всѣ римскіе первосвященники, начиная съ Зефирина, погребены тамъ. Они стали предпочитать кладбище Калликста всѣмъ другимъ, потому что оно было первымъ, обладаніе которымъ государство упрочило за ними: они хотѣли быть погребенными въ нѣдрахъ земли, имъ принадлежавшей, и во владѣніяхъ церкви.

И Росси былъ увѣренъ, что отыщетъ гробницы, гдѣ они покоились. Разъ что о нихъ упоминалось въ древнихъ путеводителяхъ, и пилигримы седьмого вѣка ходили туда молиться, онъ несомнѣнно долженъ былъ въ концѣ концовъ ихъ открыть. Дѣйствительно, онъ добился этого въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, послѣ пятилѣтнихъ изысканій и употребляя свои всегдашніе пріемы. Вниманіе его было привлечено грудой значительныхъ развалинъ, подлѣ Аппіевой дороги. Тутъ какъ разъ находился одинъ изъ тѣхъ большихъ колодцевъ (луцернаріи, которые вырыли послѣ Константина, чтобы доставить доступъ свѣту въ катакомбы. При помощи этого колодца рабочіе проникли въ комнату средней величины (3,54 м. въ длину на 4,50 въ ширину), но которая должна была быть великолѣпно украшена. Слѣдовавшія одна за другой реставраціи покрыли стѣны тонкой живописью, позднѣе мраморными плитами. Къ несчастью другіе предупредили Росси въ его изысканіяхъ. Неизвѣстно, когда проникли туда хищники; они докончили разрушеніе, начатое временемъ, и, чтобы достать мраморъ, уничтожили часть надписей. Но они не могли взять всего. Такъ какъ пещера была до половины завалена скопившимся тутъ матеріаломъ, они не могли докопаться до почвы, и можно было надѣяться, что среди наполняющихъ ее обломковъ посчастливится что-нибудь открыть. Поэтому смѣло принялись рас-

чищать ее. По мѣрѣ того, какъ показывались стѣны, на нихъ все больше находили надписей, которыя всегда встрѣчаются въ болѣе извѣстныхъ пещерахъ. То были, по обыкновенію, обращенія пилигримовъ къ мученику, могилу котораго они пришли посѣтить, прошенія о счастливомъ плаваніи себѣ и семьѣ (ut Verecundus cum suis bene naviget). Но кто могъ быть этотъ святой, къ которому они обращались со своими молитвами? По счастью, случилось такъ, что одинъ изъ паломниковъ назвалъ его. На одной изъ этихъ надписей можно было прочесть нѣсколько разъ повторенное имя: S a n c t e S u s t e, l i b e r a... S a n c t e S u s t e, i n m e n t e h a b e a s... рѣчь шла объ одномъ изъ самыхъ великихъ папъ третьяго вѣка, о святомъ Ксистѣ, обезглавленномъ въ самыхъ катакомбахъ, гдѣ онъ совершалъ священное богослуженіе, несмотря на запрещеніе императора. Слѣдовательно, можно было предположить, что находились въ папской пещерѣ, гдѣ св. Ксистъ былъ погребенъ послѣ мученичества вмѣстѣ съ своими послѣдователями. Но этому надлежало найти болѣе убѣдительныя доказательства. Росси разсказываетъ, съ какимъ страхомъ онъ слѣдилъ за работами, по мѣрѣ того, какъ рылись въ развалинахъ, выносили ихъ наружу изъ пещеры и какъ неутомимо изучалъ онъ малѣйшій обломокъ. Наконецъ, ему удалось, соединивъ обломки мрамора, возстановить надписи, бывшія на могилахъ четырехъ папъ. Эти эпитафіи замѣчательны по своей простотѣ. Въ нихъ нѣтъ ни похвалы, ни сожалѣнья, только слѣдующія слова: Антеръ епископъ, Евтихіанъ епископъ. На эпитафіи Фабіана другая

рука прибавила позднѣе слово м у ч е н и к ъ. Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія; всѣ утвержденія Росси были блестяще подтверждены этимъ открытіемъ; несомнѣнно, то было папское подземелье, отысканное черезъ пятнадцать столѣтій, и 11 мая 1854 года папа Пій IX посѣтилъ могилу своихъ отдаленныхъ предшественниковъ.

V.

Главныя слѣдствія открытій Росси.—Его новыя соображенія насчетъ происхожденія и исторіи христіанскихъ кладбищъ.—Кладбища мало-по-малу становятся частной собственностью.—Какъ таковыя они находятся подъ защитой закона.—Какъ они развивались.—Какимъ образомъ они становятся собственностью церкви. — Первыя отношенія церкви къ свѣтской власти.—Характеръ этихъ отношеній. Церковь первобытная и знатныя семьи.—Какимъ образомъ можно извлечь пользу изъ дѣяній мучениковъ.

Мы знаемъ теперь какіе пріемы употреблялъ Росси при раскопкахъ; видя, какъ онъ дѣйствуетъ, разыскивая кладбище св. Калликста, мы начинаемъ понимать его методъ. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать за всѣми подробностями его другихъ открытій, мнѣ кажется, будетъ лучше указать на слѣдствія, какія онъ изъ нихъ извлекъ. Само собою разумѣется, что я не собираюсь перечислять всѣ темныя проблемы, которыя онъ разрѣшилъ; я разумѣю наиболѣе важныя. Я хочу только напомнить о нѣкоторыхъ новыхъ идеяхъ, которыми онъ обогатилъ исторію, и о важныхъ пріобрѣтеніяхъ, которыми ему обязана христіанская археологія.

Прежде всего, онъ лучше, чѣмъ то дѣлали до

него, объяснилъ происхожденіе христіанскихъ кладбищъ и тѣ фазы, черезъ которыя они прошли. Въ этомъ отношеніи онъ измѣнилъ принятыя мнѣнія и пролилъ новый свѣтъ на столь тонкій вопросъ объ отношеніяхъ между зарождающейся церковью и свѣтской властью.

Когда говорятъ о катакомбахъ, обыкновенно представляютъ себѣ подземелья, доступъ въ которыя извѣстенъ только нѣсколькимъ посвященнымъ, и гдѣ тщательно скрываются отъ гоненій послѣдователи запрещенной вѣры. Отъ такого представленія надо отказаться, по крайней мѣрѣ на время первыхъ двухъ вѣковъ. Теперь достовѣрно извѣстно, что вначалѣ христіане не старались скрывать существованіе своихъ кладбищъ, что власти о нихъ знали, и до гоненій Декія доступъ въ нихъ никогда не запрещался. Въ 1864 году открыли входъ въ одно изъ самыхъ древнихъ кладбищъ Рима, кладбище Домициллы; оно помѣщалось вдоль одной изъ наиболѣе посѣщаемыхъ дорогъ, дороги Ардеотинской. Ворота выходили прямо на дорогу; подъ фронтономъ видно мѣсто исчезнувшей надписи, которая указывала, кому принадлежалъ ипогей. Вслѣдъ за сѣнями открывается длинная галлерея, сводъ которой украшенъ изящной живописью, гдѣ изображена лоза съ птицами и геніями. На стѣнѣ видны слѣды фресокъ, болѣе значительныхъ, на одной изъ которыхъ можно различить изображеніе Даніила во рву львиномъ, ставшее позднѣе такимъ популярнымъ. Весь этотъ первый этажъ поднимался надъ уровнемъ земли; онъ поражалъ глазъ всякаго; невозможно было не замѣтить его. Дѣло въ томъ, что этому кладбищу тогда нечего было таить. Особа, которой оно принадлежало, Домицилла или какая другая, имѣла право допускать туда, кого хотѣла. Развѣ у насъ нѣтъ тысячъ могилъ, обладатель которыхъ говоритъ намъ, что онъ ихъ построилъ для себя и для своихъ друзей, для своихъ вольноотпущенниковъ обоего пола, для всѣхъ, кто принадлежитъ одной коллегіи. Имѣется даже одна такая, гдѣ обладатель провозглашаетъ нарочито, что гробницу его должны раздѣлить съ нимъ люди, принадлежащіе къ одной съ нимъ религіи, qui sint ad religionem pertinentes meam. Росси, основываясь на этомъ обычаѣ, думаетъ, что катакомбы были сначала частными могилами, владѣніями богатыхъ христіанъ, куда они, вмѣсто своихъ вольноотпущенниковъ, принимали своихъ братьевъ. Это предположеніе дѣлаетъ довольно правдоподобнымъ то, какъ онѣ обозначены въ старинныхъ документахъ. Обыкновенно ихъ тамъ называютъ собственнымъ именемъ, которое не принадлежитъ мученикамъ или исповѣдникамъ, въ нихъ погребеннымъ. Это, вѣроятно, имя перваго владѣльца могилы, того, кто заплатилъ за землю и выстроилъ подземелье. При этихъ условіяхъ понятно, что устройство первыхъ катакомбъ не вызвало никакого удивленія въ языческомъ обществѣ, и что правительство ему не препятствовало. Благочестивыя женщины, съ перваго дня ставшія самыми ревностными поборницами новой вѣры, какъ Домицилла, Луцина, Коммодилла, богатые и щедрые люди, какъ Коленодій, Претекстатъ или Ѳрасонъ, заранѣе воздвигали себѣ великолѣпныя гробницы это было

вполнѣ естественно, всѣ дѣлали то же самое. Они строили ихъ не для однихъ себя: это тоже было въ обычаѣ. Они хотѣли въ нихъ покоиться съ тѣми, кто раздѣлялъ ихъ вѣрованія: послѣднее случалось рѣже, но и этому также бывали примѣры. Подобная могила, вмѣщавшая столькихъ людей, тѣмъ не менѣе принадлежала Ѳрасону или Коммодилѣ; это была всегда частная собственность и, подобно другимъ, охраняемая закономъ. Извѣстно, какъ римляне почитали могилы; мѣсто, гдѣ былъ кто-нибудь похороненъ, даже чужеземецъ или рабъ, становилось неприкосновеннымъ и священнымъ (locus religiosus). Законъ бралъ его подъ свою защиту и охранялъ его отъ всякихъ поруганій. Христіане воспользовались этимъ покровительствомъ, какъ и всѣ другіе; не было причины лишать ихъ общаго права. Даже когда власть ихъ преслѣдовала, при Неронѣ и Домиціанѣ, не видно, чтобы гоненіе простиралось на ихъ кладбища; римскій законъ не отказывалъ въ погребеніи преступникамъ, которыхъ каралъ, и могила казненнаго была такъ же неприкосновенна, какъ всякая другая.

Прибавимъ, однако, что даже и при этихъ условіяхъ христіане были увѣрены, что избѣгнутъ процессовъ и непріятностей, только тогда, когда поверхность почвы, гдѣ они вырывали свои могилы, имъ принадлежала. Неотъемлемое владѣніе поверхностью земельнаго участка служило гарантіей неприкосновенности могилъ подземныхъ. Законъ, объявлявшій священнымъ мѣсто, гдѣ былъ погребенъ человѣкъ, охранялъ не только могилу, онъ простирался также и на прилегающій къ ней участокъ; на него смотрѣли какъ на неотъемлемую часть самой могилы и онъ пользовался своими привилегіями. Подъ названіемъ участокъ примыкающій къ гробницѣ (area cedens sepulcro), онъ становился неотъемлемымъ, какъ она. Однако этотъ участокъ бывалъ часто очень значительнымъ. Великолѣпіе могилъ было первой роскошью богатыхъ людей. Прежде всего они любили окружать мѣсто памятника, гдѣ должны были покоиться, довольно большимъ пространствомъ, на которомъ они сооружали различныя постройки, засаживая его по бокамъ большими деревьями. Позади этихъ деревьевъ тянулись огороды, виноградники, сады и часто, за этими садами, воздѣлываемыя поля. Они самымъ старательнымъ образомъ отмѣчали на своихъ эпитафіяхъ точное содержаніе участка, иногда доходившаго до трехъ югеровъ (1650 кв. саж.); они говорили, что оставляютъ его для себя однихъ, что формально исключаютъ его изъ своего наслѣдства, что не желаютъ, чтобы онъ былъ раздѣленъ или проданъ. Если случайно они устроили склепъ, они не упускали изъ виду этого обстоятельства, и мы встрѣчаемъ извѣстное количество надгробныхъ надписей, гдѣ, среди вещей, обладаніе которыми на неопредѣленный срокъ покойный сохраняетъ за собой, особо упоминается о памятникѣ и его ипогеѣ monumentum cum hypogeo.

Эти обычаи представляли для христіанъ случай пріобрѣтать, никого не удивляя, участокъ земли, нужный для ихъ погребенія, какъ бы онъ ни былъ обширенъ; эти же обычаи давали имъ надежду владѣть участкомъ, не боясь, что

онъ попадетъ въ чужія руки. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что они этимъ воспользовались. Поэтому можно сказать почти съ увѣренностью, что прежде чѣмъ рыть свои подземелья, они упрочили за собой обладаніе поверхностью земли, что они сдѣлали изъ него, по освященному обычаемъ выраженію, *участокъ смежный съ кладбищемъ*, и поставили памятникъ и его ипогей подъ охрану закона, что, быть можетъ, мы узнаемъ впослѣдствіи изъ какой-нибудь надписи. Росси, составляя планъ различныхъ кладбищъ, сдѣлалъ вѣское замѣчаніе: онъ говоритъ, что, если привести ихъ къ первоначальному виду, не считаясь съ работами очевидно болѣе поздняго времени, отъ нихъ останется только нѣсколько отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ каждая образуетъ правильную геометрическую фигуру, охватывающую небольшое пространство. Это уваженіе къ границамъ, эта разсчетливость, какой подчинялись при копаньѣ въ тѣсномъ пространствѣ, вмѣсто того, чтобы раскидываться свободно, это соблюденіе правильности формы, все это можно вполнѣ объяснить только тѣмъ, что при такой подземной работѣ не хотѣли переходить за предѣлы поля, которымъ обладали на поверхности земли. Такимъ образомъ каждая изъ этихъ отдѣльныхъ группъ—точное воспроизведеніе этого самаго поля. Онѣ представляютъ тѣ самые маленькіе примитивные ипогеи, которые были принесены въ даръ зарождающейся церкви богатыми покровителями, или которые она купила сама на собственныя деньги. Перемѣстивъ ихъ мысленно на поверхность почвы, перенеся на нихъ деревья, которыя были тамъ посажены, и надгробные памятники, которые были тамъ поставлены, окруживъ ихъ стѣнами, мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе объ этихъ, такъ сказать, островкахъ, какіе христіанскія кладбища должны были представлять изъ себя въ римской Кампаніи второго вѣка, среди владѣній богачей или могилъ послѣдователей различныхъ культовъ.

Такимъ образомъ первобытныя катакомбы были очень не обширны; но скоро имъ пришлось расшириться. Въ первыхъ выстроенныхъ галлереяхъ ниши, куда помѣщали умершихъ, были широкія, отдаленныя одна отъ другой; много мѣста пропадало. Такъ какъ количество вѣрныхъ все увеличивалось, скоро пришлось сдвигать ближе могилы и заполнять пустыя мѣста. Этого способа хватило ненадолго, и пришлось рѣшиться проводить новыя галлереи; но чтобы соблюсти законъ, отнюдь не выходили за предѣлы поля, которымъ владѣли; стали копать на различномъ уровнѣ и иногда въ одномъ и томъ же подземельѣ были галлереи въ пять этажей, расположенныхъ одинъ надъ другимъ. Первый приходился на 7 или 8 метровъ отъ земли; послѣдній достигаетъ до глубины 25 метровъ. Такіе пріемы должны были освободить много мѣста. По расчетамъ Росси участокъ, имѣвшій не больше 125 римскихъ фута въ длину, могъ доставить, при трехъ этажахъ, всего около 700 метровъ галлерей. Христіанская община должна была долго этимъ довольствоваться. Однако, такъ какъ количество вѣрныхъ непрестанно росло, пришлось таки, наконецъ, выйти изъ первоначальной ограды, не вмѣщавшей больше покойниковъ. Эти маленькіе ипогеи часто были смежными; отъ одного къ другому разрослись многочислен-

ныя развѣтвленія, и многія изъ нихъ, сливаясь, образовывали кладбище. Слѣдовательно, кладбища—не что иное какъ соединенеіе нѣсколькихъ подземелій, первоначально бывшихъ отдѣльными одно отъ другого; и если теперь они еще имѣютъ столько входовъ, это потому, что каждое подземелье имѣло свой. Слѣдуетъ ли итти дальше и думать, какъ нѣкоторые ученые, что позднѣе всѣ эти кладбища соединились между собою, чтобы образовать одно подземное христіанство? Хотѣлось бы такъ думать: мысль, что вѣрные, съ такимъ пыломъ стремившіеся при жизни образовать одну паству, достигли этого по крайней мѣрѣ послѣ смерти, льститъ воображенію; но это совершенно невозможно, такъ какъ свойство почвы представляло слишкомъ много препятствій для такого соединенія. Кладбища часто раздѣлены одно отъ другого глубокими болотистыми долинами, гдѣ послѣ грозъ застаивается вода; галлереи, выкопанныя подъ этими болотами, никогда не могли бы быть годными. Христіане хорошо это знали; поэтому они строили свои кладбища только по склонамъ холмовъ, и какое бы ни предполагали у нихъ желаніе соединиться всѣмъ послѣ смерти, невозможно допустить, что они когда-нибудь пытались пересѣкать долины. Въ концѣ концовъ, христіанскія кладбища, хотя и отдѣленныя одно отъ другого, все же представляютъ однородную работу, произведеніе столь величественное, что могутъ удовлетворить самое требовательное воображеніе.

Такимъ образомъ разрослись мало-по-малу эти первоначальные ипогеи, которые церковь имѣла благодаря щедрости нѣкоторыхъ христіанъ.

Кончилось тѣмъ, что на протяженіи одного вѣка они приняли такіе большіе размѣры, что трудно стало относиться къ нимъ совершенно попрежнему, и законъ не могъ всегда смотрѣть на нихъ какъ на собственность семей, уступившихъ ихъ вѣрнымъ. Поэтому Росси полагаетъ, что они перемѣнили тогда мѣстоположеніе, и вотъ на какихъ соображеніяхъ основываетъ онъ свои доказательства. Онъ обращаетъ наше вниманіе на то, что Константинъ въ миланскомъ эдиктѣ приказываетъ возвратить христіанамъ владѣнія, принадлежавшія не частнымъ лицамъ, но цѣлой общинѣ *ad jus corporis eorum, non hominum singulorum pertinentia*. а мы знаемъ, что кладбища составляли часть общихъ владѣній, которыя были имъ возвращены. Слѣдовательно, церковь должна была до Константина получить отъ императоровъ тѣ же привилегіи, что и корпораціи, признанныя государствомъ, имѣвшія право собственности, и что на основаніи этого она была законной собственницей своихъ кладбищъ. Но въ какое время могла она получить это важное право, которое императоры жаловали съ такимъ трудомъ? Несомнѣнно, до временъ Деція и Валеріана, когда церковь стала предметомъ такихъ жестокихъ гоненій. Но вотъ въ царствованіе Севера произошла какъ разъ значительная перемѣна въ римскомъ законодательствѣ, и естественно предположить, что христіане ей воспользовались. Въ первомъ и во второмъ вѣкѣ имперія была полна похоронныхъ корпорацій (collegia funeraticia.) Это были общества, куда ежемѣсячно вносили извѣстную сумму и которыя обязывались обезпечить своихъ членовъ приличной гробницей

и достойными похоронами. Успѣхъ этихъ корпорацій объясняется боязнью, какую испытывали тогда, что душа будетъ скитаться и мучиться въ той жизни, если тѣло не будетъ покоиться въ опредѣленной гробницѣ, или если его не похоронятъ согласно ритуалу. Императоры, обыкновенно не довѣрявшіе корпораціямъ и совершенно ихъ не выносившіе, сдѣлали на этотъ разъ исключеніе. Такъ какъ онѣ состояли только изъ бѣдныхъ людей, онѣ, можетъ быть, показались менѣе опасными, и императоры надѣялись сдѣлаться болѣе популярными, взявъ ихъ подъ свою защиту. Одно специальное сенатское постановленіе заранѣе разрѣшило всѣ похоронныя корпораціи, какія только будутъ учреждены въ имперіи, такъ что имъ было достаточно, для законнаго существованія, записаться подъ этимъ именемъ въ регистрахъ магистратовъ. Разъ получивъ разрѣшеніе, онѣ имѣли право владѣть общей кассой, пополнявшейся членскими взносами ихъ членовъ и щедротами ихъ покровителей; онѣ могли собираться ежемѣсячно для обыденныхъ дѣлъ и сколько хотѣли, чтобы справлять праздники корпораціи. Надо сознаться, что это сенатское постановленіе представляло христіанамъ чрезвычайныя льготы, которыя должны были очень прельщать ихъ. Оно не разсчитывало ни на какія жертвы ихъ вѣрованіями, оно не требовало отъ нихъ ни малѣйшаго обмана: христіане могли равнымъ образомъ утверждать, что они тоже, съ своей стороны, учреждали „похоронную корпорацію,“ разъ что они считали своей первой обязанностью устраивать достойное погребеніе своимъ умершимъ, каково бы ни было ихъ положеніе. Получивъ признаніе государства, которое никакъ не могло отказать имъ въ томъ, что разрѣшало всѣмъ, они не только становились законными собственниками своихъ кладбищъ, но пріобрѣтали право собраній, и могли владѣть общей кассой. Это было большое преимущество: манера выражаться Тертулліана, слова, какія онъ употребляетъ, когда говоритъ о христіанскихъ корпораціяхъ, а еще больше разсудокъ и здравый смыслъ побуждаютъ насъ думать, что они не лишили себя этого преимущества добровольно. Если, въ самомъ дѣлѣ, христіанская община была признана государствомъ, какъ одна изъ этихъ collegia funeraticia, которыя были такъ распространены по всей имперіи, на епископа должны были естественно смотрѣть, какъ на отвѣтственнаго главу общества; онъ, навѣрно, слылъ въ глазахъ магистратовъ за президента корпораціи. Діаконъ, которому поручалось управленіе кладбищемъ, исполнялъ роль лица, подъ именемъ дѣлопроизводителя или синдика, завѣдывавшаго общимъ имуществомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что имена епископа и діакона должны были быть извѣстными власти, имѣвшей несомнѣнно частыя сношенія съ ними. Слѣдовало извѣщать власть, когда умиралъ епископъ, и сообщать ей имя назначеннаго на его мѣсто. Росси позволяетъ себѣ даже предполагать, по извѣстнымъ указаніямъ, что нѣкоторые списки папъ, какіе мы имѣемъ, происходятъ не изъ церковныхъ архивовъ, а изъ архивовъ римской префектуры, гдѣ они тщательно сохранялись, и куда за ними обращался копіистъ, чтобы быть увѣреннымъ, что имѣетъ подлинный документъ. И вотъ первое

отношеніе государства къ церкви, чего до тѣхъ поръ не было. Отнынѣ они усвоятъ привычку жить вмѣстѣ, они соединятся другъ съ другомъ такъ тѣсно, что имъ будетъ казаться невозможнымъ разъединиться и существовать другъ безъ друга. Мы дошли до момента образованія тѣхъ узъ, которыя скоро станутъ такими тѣсными, но надо сознаться, что если церковь думала пріобрѣсти отъ этихъ сношеній большую безопасность и большее спокойствіе, то она ошиблась. Покровительство, котораго она просила у государства, и получивъ которое, была такъ счастлива, принесло ей мало, а стоило дорого. Отнынѣ императоры знаютъ ее лучше, болѣе непосредственно могутъ накладывать на нее свою руку; разя, они знаютъ, куда направить ударъ. Вмѣсто того, чтобы колебаться между мало значащими вѣрными, они съ увѣренностью попадаютъ въ главу общины. Они знаютъ его имя и мѣстожительство; они овладѣваютъ имъ, когда хотятъ, ссылаютъ или убиваютъ, смотря по своему капризу, и, отдѣлавшись отъ него, препятствуютъ назначенію другого. Положеніе кладбищъ также измѣнилось. Когда они были частной собственностью и принадлежали, по крайней мѣрѣ съ виду, какой-нибудь знатной фамиліи, ихъ не смѣли трогать. Ставъ общимъ достояніемъ церкви, они попали въ другое положеніе. Ихъ описывали агенты фиска, ихъ грабили солдаты императора, а христіане часто видѣли себя вынужденными уничтожить ихъ и засыпать, чтобы спасти отъ опустошеній врага.

Объясненіе, какое Росси даетъ происхожденію катакомбъ и ихъ юридическому положенію,

имѣетъ то преимущество, что подтверждаетъ факты, казавшіеся до сихъ поръ крайне темными. Не понимали, какъ христіане могли исполнять такія большія работы на своихъ кладбищахъ, приводить туда своихъ рабочихъ, чтобы копать галлереи и выгребать оттуда землю, не привлекая тѣмъ вниманія императорской полиціи. Удивленіе проходитъ, когда узнаешь, что они дѣлали это на виду у всѣхъ и съ согласія власти. То же соображеніе позволяетъ объяснить лучше, чѣмъ то дѣлали до сихъ поръ, превратности, какія церковь испытала за время двухъ первыхъ вѣковъ. Ея тогдашнее положеніе было двойственно, и къ ней можно было быть снисходительнымъ или строгимъ, смотря по тому, съ какой стороны ее разсматривали. Какъ новая религія она должна была быть запрещена: законъ былъ формальный и изгонялъ всѣ чужіе культы, не утвержденные сенатомъ, но въ качествѣ „погребальныхъ корпорацій“—она была разрѣшена. Отсюда извѣстнаго рода нерѣшительность власти по отношенію къ церкви и тѣ превратности, какимъ ее подвергаютъ. Время отъ времени неистовая чернь, всегда возбужденная противъ христіанъ, склоняетъ городскихъ магистратовъ, правителей провинцій и самого императора къ преслѣдованію людей, проповѣдующихъ новаго Бога. Они имѣютъ на то право, и что бы ни говорили апологеты, гоненія были вполнѣ законны. Но когда остервенѣніе злобы проходило, строгости прекращались. На „корпорацію братьевъ, поклонниковъ Слова“ начинаютъ смотрѣть какъ бы на одно изъ тѣхъ обществъ, полу-религіозныхъ, полу-свѣтскихъ (cultores Jovis,

cultores Dianae и т. д.), учрежденныхъ, съ цѣлію хоронить своихъ членовъ, и имъ предоставляютъ пользоваться той же терпимостью, какъ и другимъ.

Росси замѣчаетъ, что эта терпимость достигалась легче благодаря стараніямъ церкви не противорѣчить общимъ обычаямъ, когда она не находила въ нихъ ничего предосудительнаго, и примѣняться по возможности къ привычкамъ обыкновенныхъ корпорацій. Язычникъ, который проходя по дорогѣ Ардеатинской, соблазнился бы посмотрѣть на кладбище Домициллы, ничему бы тамъ не удивился, какъ обыкновенно думаютъ. Прелестныя арабески, украшающія сводъ входного коридора, эти граціозно переплетшіяся виноградныя лозы, эти сцены сбора винограда, и дальше птицы и крылатые геніи, порхающіе въ пустомъ пространствѣ, напомнили бы ему то, что онъ имѣлъ ежедневно передъ глазами въ помѣщеніяхъ богатыхъ людей. Эпитафіи, если бы онъ сталъ читать ихъ, конечно, могли бы показаться ему нѣсколько отличными отъ обыкновенныхъ надписей, однако, онѣ не заключали почти ничего такого, что не встрѣчалось въ другихъ мѣстахъ. Даже эти пожеланія „мира и успокоенія", которыя намъ кажутся наиболѣе оригинальнымъ въ нихъ, заимствованы у извѣстныхъ восточныхъ культовъ, съ давнихъ поръ привившихся въ Римѣ. Точно также съ перваго взгляда и для нѣсколько поверхностнаго наблюдателя христіанскія похороны должны были очень походить на другіе. Пруденцій говоритъ, что могилу усыпали листьями и цвѣтами и дѣлали на мраморъ возліянія ароматнаго вина. Въ особенности сохранялся обычай праздновать годовщину смерти, устраивая въ этотъ день пиршество. Рядомъ съ входомъ на кладбище Домициллы можно еще видѣть столовую, гдѣ собирались братья, чтобы справлять память своихъ умершихъ. Росси въ любопытныхъ примѣрахъ показываетъ, какъ они старались, по крайней мѣрѣ для виду, для внѣшности воспроизводить то, что происходило въ триклиніяхъ другихъ корпорацій; такъ что язычникъ, который присутствовалъ бы на этихъ трапезахъ, подумалъ бы, что онъ находится въ одномъ изъ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ погребенія, какія имѣлись у знатныхъ родовъ или у важныхъ корпорацій Рима на Аппіевой дорогѣ или на дорогѣ латинской. Другіе историки были особенно поражены радикальными отличіями, отдѣлявшими христіанство отъ религій, среди которыхъ оно учредилось; Росси показываетъ намъ сходства непроизвольныя или умышленныя, какія оно имѣло съ ними: это сходство дѣлало болѣе легкимъ переходъ изъ одной вѣры въ другую, что было, конечно, не безполезно для распространенія христіанства.

Другое преимущество соображеній, даваемыхъ Росси, состоитъ въ томъ, что они лучше объясняютъ отношенія первыхъ христіанъ къ власти. Обыкновенно любятъ представлять себѣ христіанство, какъ своего рода непримиримую секту, питавшую ужасъ къ свѣтскому обществу, и ни подъ какимъ видомъ не хотѣвшую съ нимъ смѣшиваться; такое мнѣніе очень преувеличено. Церковь, наоборотъ, дѣлала много усилій въ первые три вѣка, чтобы жить въ мирѣ съ властью.

Вмѣсто того, чтобы вступать въ открытую борьбу съ законами, она пыталась пользоваться тѣми, которые были къ ней благосклонны, и даже войти въ кругъ постоянныхъ учрежденій имперіи. Эти факты насъ не удивляютъ, мы могли ихъ подозрѣвать; но у насъ не было такихъ очевидныхъ доказательствъ, какія намъ даетъ Росси. Извѣстно, что христіанство было одной изъ тѣхъ рѣдкихъ еврейскихъ сектъ своего времени, которыя не были въ одно и то же время политическимъ мятежомъ и религіозной реформой. Оно съ самаго начала объявило, что можетъ ладить со всякимъ правительствомъ и жить во всякой средѣ. Его основатель проповѣдовалъ подчиненіе Кесарю въ странѣ, почти уже охваченной мятежнымъ движеніемъ. Апостолы, вѣрные завѣтамъ Учителя, требуютъ послушанія всѣмъ, кто возвеличенъ властью. Св. Павелъ въ особенности, казалось, положилъ много труда, чтобы новая религія могла ужиться съ прежнимъ обществомъ и понимать его. Онъ не хочетъ, чтобы она внесла какую-нибудь смуту въ семью и государство, онъ запрещаетъ христіанамъ, у которыхъ невѣрныя жены, разлучаться съ ними, онъ даетъ имъ повелѣніе „оставаться въ положеніи, въ какомъ они были, когда ихъ призвали, и пребывать такъ передъ Господомъ“. Это предписаніе одинаково касается какъ раба, такъ и человѣка свободнаго; они всѣ должны почитать общественную іерархію и воздавать каждому должное, „кому надлежитъ дань, — дань, кому надлежитъ страхъ, — страхъ“. Христіане строго соблюдали впослѣдствіи эти предписанія апостола. Даже гоненія не могли ихъ возмутить. Несмотря

на жестокое обращеніе съ ними, что не должно было располагать ихъ къ подчиненію, никогда не видѣли, чтобы они были замѣшаны въ смутахъ имперіи. Тертулліанъ говоритъ, что они молились за императора, гнавшаго ихъ, и просили для него у Бога „долгой жизни, уваженія къ его власти, счастья въ семьѣ, храбраго воинства, вѣрнаго сената, послушнаго народа и мира всему міру“. Этотъ характеръ христіанскаго общества Росси особенно подчеркиваетъ, онъ даетъ возможность лучше понять то стараніе, какое оно прилагало, чтобы избѣгать всякихъ столкновеній и поставить себя въ правильныя отношенія къ власти; онъ старается установить фактъ, что оно воспользовалось привилегіями, какія императоръ даровалъ народнымъ корпораціямъ; что оно выхлопотало себѣ разрѣшеніе похоронъ, наравнѣ съ другими корпораціями, и право поддерживать правильныя сношенія съ римской префектурой.

Относительно исторіи зарожденія христіанства онъ привелъ еще другія мнѣнія, до него не внушавшія полнаго довѣрія, и я ограничусь бѣглымъ указаніемъ на нихъ. Долго повторяли, что христіанство распространялось сначала только среди низшихъ классовъ. Бѣдные евреи, „маленькіе греки“, вольноотпущенники и рабы, „ткачи, башмачники, шерстобиты“, вотъ кто были его первыми адептами. Съ высоты своей могучей философіи Цельсій много смѣялся надъ этимъ сбродомъ „простыхъ и невѣжественныхъ душъ, необразованныхъ, ограниченныхъ умовъ, передъ которыми христіанскіе учители выступали на подмосткахъ“. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что

долгое время среди вѣрныхъ преобладали бѣдные люди; но были ли только они одни, даже въ первые годы? Росси этого не думаетъ. Онъ былъ очень пораженъ, когда увидѣлъ, что наиболѣе древнія катакомбы въ то же время самыя богатыя и наиболѣе украшенныя. Онъ спрашиваетъ себя, возможно ли было корпораціи, состоявшей только изъ „ткачей и башмачниковъ", выстроить сѣни кладбища Домициллы съ изящной живописью, украшающей ихъ своды, и ему тотчасъ приходитъ на умъ, что среди этихъ рабовъ, вольноотпущенниковъ и рабочихъ, должны были находиться болѣе важныя и богатыя лица, бравшія на себя расходы по этимъ постройкамъ. Это самое, впрочемъ, случалось во всѣхъ наиболѣе бѣдныхъ корпораціяхъ; онѣ были всегда очень озабочены тѣмъ, чтобы выбрать себѣ покровителей, которые помогали бы имъ своимъ вліяніемъ и состояніемъ. Развѣ не правдоподобно, что нѣчто подобное существовало въ корпораціи братьевъ? Раскопки, повидимому, подтвердили эти предположенія. На открытыхъ имъ могилахъ Росси попадались иногда наиболѣе славныя имена древняго Рима, Корнеліевъ, Эмиліевъ, Цециліевъ и т. д. Изъ этого онъ заключилъ, что съ очень давнихъ поръ нѣкоторые члены этихъ знаменитыхъ родовъ были знакомы съ новымъ ученіемъ и исповѣдовали его. Проповѣдуемое св. Павломъ въ „домѣ Кесаря", то-есть среди рабовъ и восточныхъ отпущенниковъ принца, оно около того же времени плѣнило благородную Помпонію Грецину, жену консуларія Плавція, покорителя Бретани. Она была обвинена въ царствованіе Нерона въ „изувѣрствѣ", что не могло тогда

означать ничего другого, какъ только еврейство или христіанство, и, такъ какъ на кладбищѣ Каллинкста нашли могилы ея потомковъ, можно съ большимъ вѣроятіемъ предположить, что она была дѣйствительно христіанка. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого новая вѣра проникла въ самую семью императоровъ, если правда, какъ имѣютъ полное право это думать, что Домицилла и ея мужъ Флавій Климентъ, самые близкіе родные Домиціана и Тита, были христіане, какъ Помпонія Грецина. Климентъ и Домицилла врядъ ли остались одиноки: рѣдко случается, чтобы примѣръ высшихъ не нашелъ подражателей. Поэтому можно предположить, что христіанство, даже въ первые годы, одержало нѣсколько значительныхъ побѣдъ среди родовой или денежной аристократіи, руководившей имперіей. Эти важныя лица, которыхъ христіанство привлекало къ себѣ, должны были прежде всего помогать ему своимъ вліяніемъ и, быть можетъ, не разъ отклонили они ударъ, какой готовились ему нанести, подобно Марціи, любовницѣ Коммода, „боявшейся Господа", которая покровительствовала епископамъ. Они въ особенности должны были обогащать своими щедротами общую кассу, которая со временъ Антониновъ была очень значительна и позволила скоро римской церкви распространить свои подаянія почти на весь міръ. Катакомбы уже открыли намъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ знатныхъ вельможъ, ставшихъ христіанами съ давнихъ поръ, когда еще было опасно быть ими; онѣ познакомятъ насъ со многими другими. Несомнѣнно, что они представляли довольно слабый

элементъ въ этомъ зарождающемся обществѣ; но съ нимъ должно считаться. Если имъ пренебречь, будетъ менѣе легко понять, какимъ образомъ христіанство выдержало нападенія своихъ враговъ и въ концѣ концовъ одолѣло ихъ.

Другой вопросъ, быть можетъ, еще болѣе важный, и очень далекій отъ своего разрѣшенія, разъяснить который помогло изученіе катакомбъ, это вопросъ о достовѣрности Житій святыхъ и Дѣяній мучениковъ. Довѣріе къ этимъ документамъ крайне поколеблено не только во мнѣніи скептиковъ, но и людей благочестивыхъ, какъ напримѣръ Тильмона, когда они не думаютъ, что набожность налагаетъ обязанность отречься отъ критики. Въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, они не заслуживаютъ никакого довѣрія. Къ нимъ примѣшались въ вѣка, послѣдовавшіе за умиротвореніемъ церкви, нелѣпыя легенды. Такъ какъ ихъ читали на праздникахъ святыхъ для назиданія вѣрныхъ, къ нимъ не стѣсняясь прибавляли все, что могло поразить воображеніе и тронуть сердце. Въ особенности риторика, плохая риторика седьмого и восьмого вѣковъ, совершенно ихъ испортила. Однако, надо сознаться, что какъ бы подозрительны они намъ ни казались, послѣ послѣднихъ раскопокъ въ катакомбахъ нельзя больше отвергать ихъ безъ изслѣдованія. Не все вымышлено въ этихъ разсказахъ, разъ что въ галлереяхъ кладбищъ нашли склепъ тѣхъ, исторію которыхъ они разсказываютъ. Такъ въ третьемъ и четвертомъ вѣкѣ думали, что обладали ихъ могилами, читали на эпитафіяхъ ихъ имена, приходили молиться надъ ихъ останками. Разсказъ о событіяхъ можетъ быть очень легендарнымъ, но трудно сомнѣваться, чтобы имя дѣйствующаго лица не было подлинно. И въ самихъ разсказахъ, среди всѣхъ нелѣпыхъ небылицъ, подмѣчаются подробности правдоподобныя или достовѣрныя. Иныя подтверждаются надписями или древней живописью катакомбъ; другіе предполагаютъ безусловное знакомство съ мѣстами, которыхъ люди восьмого или девятаго вѣка несомнѣнно болѣе не посѣщали. Изъ этого Росси вполнѣ законно заключилъ, что новая редакція, дополненная и искаженная, предполагаетъ существованіе редакціи древней, болѣе достовѣрной. Поэтому онъ полагаетъ, что вмѣсто того, чтобы отвергать разсказъ цѣликомъ изъ-за нѣсколькихъ несообразностей, въ немъ заключенныхъ, его слѣдуетъ очистить отъ ненужной ретушовки и постараться подъ измѣненной копіей отыскать оригинальный текстъ. Это работа тонкая, гдѣ неизбѣжна нѣкоторая доля догадокъ и предположеній, но гдѣ успѣхъ для умѣлой критики не невозможенъ, и наблюдается ежедневно при реставрированіи классическихъ текстовъ. Росси сдѣлалъ ее съ большимъ талантомъ для дѣяній св. Цециліи; въ настоящее время Ле-Бланъ пробуетъ то же относительно многихъ другихъ. Если предпріятіе удастся, что совершенно несомнѣнно, оно чрезвычайно увеличитъ число документовъ, какими мы располагаемъ, и лучше познакомитъ насъ съ героической борьбой, какую церковь выдержала противъ своихъ гонителей. Быть можетъ, получится нѣсколькими мучениками больше, но мнѣ не кажется, что это было бы уже такое большое зло. Признаюсь, я никогда не могъ понять тотъ пылъ, съ которымъ историки восемнадцатаго

вѣка систематически отрицали гоненія или ослабляли ихъ послѣдствія. Когда Вольтеръ относился къ мученикамъ какъ къ врагамъ, онъ не замѣчалъ, что разилъ союзниковъ. Эти люди, которыхъ онъ преслѣдовалъ своими неумолимыми насмѣшками, подобно ему, защищали терпимость. Они провозглашали, подобно ему, что никакая человѣческая власть не можетъ посягнуть на независимость души. „Ну что жъ, палачъ, говоритъ Пруденцій словами одной мученицы, жги и рви. Отдѣли одинъ отъ другого эти члены, сотворенные изъ матеріи. Тебѣ легко уничтожить это хрупкое цѣлое. Что касается моей души, несмотря на всѣ пытки, ты не завладѣешь ею". Они ею дѣйствительно не завладѣли. Пытки были безполезны, и христіанство дало міру самое нравственное изъ всѣхъ зрѣлищъ, — зрѣлище безсилія силы.

Церковь имѣетъ полное право чтить память тѣхъ, что умерли за нее, и похваляться ихъ смѣлостью; но они не только герои одного частнаго мнѣнія. Всѣ думающіе какъ они, что всякое вѣрованіе должно быть свободно, и что религія не имѣетъ права навязываться силой, могутъ стать подъ защиту ихъ имени. Поэтому мы не имѣемъ ни малѣйшаго расчета сокращать число мучениковъ и оспаривать ихъ заслугу; намъ не подобаетъ набрасывать малѣйшую тѣнь на эту героическую эпоху, давшую міру такой великій примѣръ, и тѣ, кто, подобно Росси, стараются лучше познакомить насъ съ ней, каковы бы ни были ихъ личныя убѣжденія, имѣютъ право на всеобщее сочувствіе. Мы должны желать, чтобы руководимыя имъ раскопки были всегда такъ

же плодотворны, и чтобы онъ имѣлъ время окончить дѣло, такъ мужественно начатое. Если бы онъ и далъ намъ нѣсколькими мучениками и исповѣдниками больше чѣмъ сколько ихъ признавалъ Тильмонъ, мы не имѣли бы права жаловаться. Умножая жертвы, онъ дѣлаетъ намъ болѣе ненавистными палачей, онъ заставляетъ насъ сильнѣе ненавидѣть это нахальное вмѣшательство силы, претендующей властвовать надъ вѣрой и ею распоряжаться, онъ заставляетъ насъ болѣе привязываться къ драгоцѣннымъ благамъ, завоеваннымъ цѣною столькихъ страданій, — къ терпимости и свободѣ.

ГЛАВА IV.

Вилла Адріана.

Всѣ попадающіе хотя бы на короткое время въ Римъ, непремѣнно отправляются посмотрѣть Тиволи; храмъ Сивиллы почти такъ же извѣстенъ, какъ Колизей или Пантеонъ; но среди любопытныхъ очень мало такихъ, которые согласились бы хоть на минуту свернуть съ обычной дороги и зайти взглянуть мимоходомъ на то, что осталось отъ тибуртинской виллы, построенной императоромъ Адріаномъ. А между тѣмъ стоитъ сдѣлать эту экскурсію, и она многому можетъ научить любителей древности. Памятники Рима знакомятъ насъ съ Цезарями при исполненіи ими ихъ высшихъ обязанностей и хранятъ память объ ихъ офиціальной жизни; вилла Адріана показываетъ намъ ихъ въ тѣ минуты, когда они предаются отдыху и развлеченіямъ, ибо это необходимо, время отъ времени, когда правишь цѣлымъ міромъ. Она можетъ также дать намъ нѣкоторыя цѣнныя указанія на то, какъ они понимали сельскія удовольствія, и познакомить насъ съ вкусами тогдашняго общества, съ его представленіями о природѣ, а на этомъ стоитъ остановиться на нѣкоторое время.

Когда отправляешься изъ Рима въ Тиволи, прежде всего проѣзжаешь, во всю ея длину, пустынную Кампанію, со всѣхъ сторонъ окружающую Вѣчный городъ. Проѣхавъ пять или шесть миль по настоящей пустынѣ, гдѣ попадаются лишь остеріи да стада быковъ, или лошадей, пощипывающихъ скудную траву, замѣчаешь, что мѣстность становится возвышеннѣе. Нѣсколько группъ деревьевъ возвѣщаютъ, что приближаешься къ Аніо, черезъ которую проѣзжаешь мостомъ ponte Lucano. Тутъ возвышаются античныя развалины, очень интересныя,—могила семейства Плавціевъ. Въ ней былъ погребенъ консулъ Титъ Плавцій Сильванъ, одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ предводителей и умныхъ правителей, которые поддержали честь имперіи во времена самыхъ недостойныхъ царей и явились спасителями Рима. Надпись, сдѣланная на мавзолеѣ, заключаетъ повѣсть объ его заслугахъ и перечень полученныхъ имъ почестей. При Тиберіи онъ командовалъ легіономъ германской арміи; сопровождалъ Клавдія въ походѣ на Бретань; при Неронѣ онъ управляетъ Мезіей, одной изъ провинцій, которой больше всего угрожали варвары. Надпись разсказываетъ, какъ онъ остановилъ нашествіе сарматовъ и принудилъ вражескихъ царей переправиться черезъ Дунай, чтобы поклониться въ его лагерѣ римскимъ орламъ. Эти заслуги были довольно плохо вознаграждены вплоть до того дня, когда Веспасіанъ, самъ старый воинъ, озаботился тѣмъ, чтобы загладить относительно своихъ товарищей несправедливости предшествовавшихъ царствованій; онъ призвалъ Сильвана изъ его провинціи,

устроилъ ему пышный тріумфъ и назначилъ префектомъ Рима.

Отъ могилы Сильвана дорога раздѣляется. На лѣво она идетъ чудесными оливковыми рощами, ведущими къ Тиволи, на право она пересѣкаетъ равнину и черезъ двадцать минутъ приводитъ къ виллѣ Адріана.

Но вилла представляетъ теперь лишь груду развалинъ. На протяженіи нѣсколькихъ километровъ встрѣчаются только основанія громадныхъ сооруженій, стержни колоннъ, огромныя разбросанныя глыбы, и то тамъ, то сямъ еще держится часть какой-нибудь стѣны. Эти обломки такъ значительны, что ихъ долго принимали за остатки города; воображали, что, раньше чѣмъ на холмѣ, Тибуръ былъ построенъ на равнинѣ, и что тутъ передъ глазами имѣешь послѣдніе остатки стараго города; поэтому народъ далъ имъ названіе Tivoli vecchio. Легко было доказать, что это ошибка; свидѣтельства древнихъ авторовъ, надписи на черепицахъ, все говорило, что это вилла Адріана. Эта дача, которую современники находили верхомъ совершенства, любимое произведеніе императора, цѣнителя искусствъ, повидимому, рѣдко посѣщалась его преемниками. По крайней мѣрѣ исторія ничего объ этомъ не говоритъ, точно также почти ничего не было найдено въ этихъ развалинахъ, что можно бы отнести къ другой эпохѣ. Такимъ образомъ она имѣла довольно рѣдкое счастье—не подвергнуться слишкомъ большимъ перемѣнамъ и просуществовать вѣка, все сохраняя особую печать того времени, когда была сооружена, и того царя, который ее построилъ. Всевозможныя богатства,

найденныя въ развалинахъ, заставили предположить, что она не подвергалась грабежамъ, покуда существовала имперія. Она должна была, несомнѣнно, очень пострадать, когда Тотила опустошилъ окрестности Тибура, взялъ городъ приступомъ и перирѣзалъ жителей. Съ этого времени началась ея гибель: просторныя залы рухнули, по аллеямъ прошелъ плугъ, и сады превратились въ хлѣбныя поля. Однако, еще въ пятнадцатомъ вѣкѣ сохранялись значительные остатки. Знаменитый папа Пій II, посѣтившій ее, говоритъ съ восхищеніемъ о сводахъ храмовъ, о колоннахъ перистилей, портикахъ, бассейнахъ, какіе еще можно было тамъ видѣть. „Старость искажаетъ все“, прибавляетъ онъ грустно. „Вотъ теперь плющъ ползетъ вдоль стѣнъ, на которыхъ прежде была живопись и золотая обивка; колючки и терніи растутъ тамъ, куда садились въ пурпуръ одѣтые трибуны, и змѣи обитаютъ въ покояхъ царицъ. Таковъ удѣлъ всего смертнаго!“ Сами эти развалины были предназначены къ тому, чтобы исчезнуть. Для виллы Адріана, какъ и для другихъ античныхъ памятниковъ, Возрожденіе явилось болѣе роковымъ, чѣмъ варварство: въ средніе вѣка она была предоставлена гибели; начиная съ шестнадцатаго вѣка принялись за систематическое ея уничтоженіе. Согласно обычаю, начались въ ней раскопки въ поискахъ за статуями, мозаикой, живописью, которыя еще могли тамъ находиться, и при этихъ раскопкахъ державшіяся еще стѣны окончательно обвалились. Къ своему несчастью вилла Адріана оказалась, въ данномъ случаѣ, гораздо богаче всѣхъ другихъ развалинъ, гдѣ

производились раскопки; въ продолженіе трехъ вѣковъ она служила своего рода неизсякаемымъ рудникомъ, снабдившимъ шедеврами музеи всего міра Оттуда извлекли, напримѣръ, фавна, изъ красной глины, кентавровъ изъ сѣраго мрамора и капитолійскаго Арпократа, Музъ и Флору Ватикана, барельефъ Антиноя виллы Альбани и удивительную мозаику въ изображеніемъ голубей, столько разъ воспроизведенную современнымъ искусствомъ. Вполнѣ понятно, что зданіе, откуда извлекали столько чудесъ, было добросовѣстнѣе опустошено, чѣмъ какое-либо другое. Разграбленіе продолжалось вплоть до нашихъ дней. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ семейство Броски, владѣвшее нѣкоторой долей участка, уступило одному обществу право эксплуатировать эти развалины, и можно себѣ представить, какъ дѣйствовало общество, желавшее какъ можно скорѣе вернуть свои затраты. Къ счастью, итальянское правительство положило предѣлъ этому скандалу, купивъ виллу Броски,

Въ томъ состояніи полнаго разгрома, въ какое ее привели, вилла Адріана представляетъ загадку для большинства ея посѣтителей, и намъ было бы очень трудно разбираться среди этой груды развалинъ, еслибы археологи и архитекторы не приходили къ намъ на помощь. Съ давнихъ поръ археологія старается понять назначеніе этихъ каменныхъ глыбъ или этихъ грудъ кирпичей и дать намъ болѣе или менѣе точный планъ императорскаго жилища. Первый, занятія котораго въ этомъ направленіи имѣли нѣкоторый успѣхъ, былъ неаполитанскій архитекторъ шестнадцатаго вѣка, знаменитый Пирро Лигоріо, тотъ самый, который пріобрѣлъ такую плохую славу среди эпиграфистовъ, сочинивъ цѣлые тома фальшивыхъ надписей. Этотъ великій поддѣлыватель былъ несомнѣнно крайне ловкимъ человѣкомъ: въ своихъ работахъ по виллѣ Адріана, онъ показалъ большую проницательность, и большая часть его предположеній была принята слѣдовавшими за нимъ учеными. Пиранези и Канина ничего другого не сдѣлали, какъ только развили его взгляды и преувеличили еще его заблужденія. Ниббо, жившій позднѣе, удовольствовался тѣмъ, что остановился на болѣе правдоподобныхъ мнѣніяхъ, изложенныхъ раньше него, и подтвердилъ ихъ своимъ знаніемъ текстовъ и большой опытностью по части старины. Интересная книга, напечатанная имъ въ 1827 году подъ заглавіемъ Descrizione della villa Adriana, могла быть признана за послѣднее слово науки, когда были предприняты новыя изслѣдованія однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ архитекторовъ нашей школы въ Римѣ архитекторомъ Доме (Daumet). Чтобы быть болѣе увѣреннымъ въ точности своей работы, Доме началъ съ того, что сократилъ ее; онъ занялся лишь одной частью виллы, той, что называлась „императорскимъ дворцомъ". Тутъ приходится одолѣвать большія затрудненія, здѣсь же и находишь самые любопытные остатки. Доме тщательно изучилъ малѣйшие обломки, произвелъ раскопки, когда получилъ на то разрѣшеніе, постарался дать себѣ отчетъ въ положеніи каждаго самаго маленькаго ряда камней и возстановилъ на ихъ прежнемъ мѣстѣ всѣ обломки мраморныхъ украшеній, или мозаикъ, какіе только могъ найти. Результатомъ всѣхъ этихъ

работъ была попытка реставраціи виллы Адріана, которая считается однимъ изъ наилучшихъ и наиболѣе совершенныхъ трудовъ нашей школы въ Римѣ. Раскопки, произведенныя послѣ 1870 года, къ несчастью крайне недостаточныя и не разъ прерывавшіяся, отчасти подтвердили мнѣнія Доме, отчасти опровергли. Работа эта далеко не закончена и требуетъ еще много времени и усилій; но покуда она будетъ закончена, и развалины эти совершенно расчищены, не безполезно, думаемъ мы, дать понятіе о томъ, что открыли намъ свѣдущіе архитекторы и археологи относительно этой великой рѣдкости прошлаго, благодаря исполненнымъ ими работамъ, производившимся въ теченіе трехъ вѣковъ.

I.

Императоръ Адріанъ. — Различныя о немъ мнѣнія. — Царь и человѣкъ.—Причины, объясняющія, почему его не любили.—Его пристрастіе къ грекамъ.—Путешествія въ древнія времена.—Путешествія Адріана.

Вилла Адріана тѣмъ особенно замѣчательна, что она представляетъ образецъ личнаго вкуса и понятій человѣка, бывшаго одной изъ самыхъ любопытныхъ фигуръ своего времени. Идея виллы зародилась при извѣстныхъ обстоятельствахъ его жизни и въ ней на всемъ лежитъ печать его души. Нельзя надѣяться понять ее, не узнавъ раньше того, кто ее построилъ. Поэтому слѣдуетъ изучить художника прежде, чѣмъ его твореніе, попытаться узнать, чѣмъ онъ былъ и откуда взялась у него мысль выстроить этотъ загородный домъ, приведшій въ восторгъ современниковъ.

Императоръ Адріанъ происходилъ изъ итальянской семьи, съ давнихъ поръ основавшейся въ Испаніи. По рожденію онъ, казалось, не былъ предназначенъ царствовать: онъ былъ троюроднымъ братомъ Траяна, который послѣ долгихъ колебаній кончилъ тѣмъ, что усыновилъ его, будучи уже на смертномъ одрѣ. Римская имперія имѣла ту странную судьбу, что у Нервы и трехъ слѣдовавшихъ за нимъ царей не было наслѣдниковъ мужского пола, и они были вынуждены взамѣнъ ихъ усыновить кого-нибудь. На такое отсутствіе наслѣдника по прямой линіи, обыкновенно, смотрятъ въ монархіяхъ какъ на величайшее несчастье и теперь принято, какъ всеобщее правило, что для упроченія безопасности государства необходимо, чтобы сынъ наслѣдовалъ отцу. Римляне думали совершенно иначе: они и во времена имперіи сохраняли нѣкоторые республиканскіе предразсудки, не располагавшіе ихъ особенно благосклонно смотрѣть на царствованіе но праву наслѣдія. Опытъ, черезъ какой они прошли при Цезаряхъ и Флавіяхъ, не примирилъ ихъ съ этимъ порядкомъ. Послѣ паденія Домиціана многіе изъ нихъ заявляли, что не хотѣли быть „наслѣдствомъ семьи". Имъ казалось, что лучше для царя было избирать себѣ наслѣдника, чѣмъ получать его изъ рукъ природы. Родиться отъ царской крови, говорилъ Тацитъ, это случайная удача, не доступная никакому обсужденію. Наоборотъ, кто усыновляетъ, судитъ о томъ, что дѣлается; если онъ хочетъ избрать наидостойнѣйшаго, пусть слушаетъ лишь

голосъ народа. Но вѣрно то, что благодаря усыновленію міру были одинъ за другимъ дарованы четыре великихъ царя, и что Римъ пользовался полнымъ благополучіемъ вплоть до того дня, когда Маркъ Аврелій имѣлъ несчастье родить плохого сына и оставить ему въ наслѣдіе имперію.

Я не колеблюсь поставить Адріана на ряду съ великими императорами, съ Траяномъ и Маркомъ Авреліемъ; однако не всѣ историки этого мнѣнія. Репутація его не изъ тѣхъ, о которыхъ слагается болѣе или менѣе одинаковое мнѣніе, и его судятъ весьма различно. Эти разногласія идутъ съ очень давнихъ поръ, съ того времени, когда жилъ Адріанъ, и возможно, что сами его современники въ своихъ сужденіяхъ о немъ были не болѣе насъ согласны между собою. Историки, описавшіе его жизнь, Діонъ и Спартіанъ, говорятъ о немъ весьма страннымъ образомъ; они передаютъ о немъ одновременно много хорошаго и много дурного, такъ что изъ ихъ произведеній можно легко сдѣлать выводы какъ противъ него, такъ и въ его защиту. Дѣло въ томъ, что онъ, дѣйствительно, былъ существо весьма сложное, varius, multiplex, multiformis, какъ говоритъ его историкъ, кроткій и строгій, смотря по обстоятельствамъ, то бережливый, то расточительный, то шутникъ, то сдержанно-важный, то благодушно привѣтливый, то безпощадно-насмѣшливый. Въ жизни его были необъяснимыя противорѣчія. Превосходный полководецъ, онъ терпѣть не могъ войны и всегда ея избѣгалъ; онъ тратилъ время на обученіе своихъ легіоновъ, чтобы никогда не вести ихъ противъ

непріятеля. Этотъ ученый, этотъ тонкій художникъ, не колеблясь, входилъ, когда это было нужно, въ мельчайшія подробности общихъ дѣлъ; этотъ изнѣженный человѣкъ, слагавшій любовные стишки для своихъ фаворитовъ, былъ способенъ на самыя смѣлыя рѣшенія. Онъ выстроилъ себѣ великолѣпные дворцы, гдѣ изящество и роскошь могли поспорить съ самымъ изысканнымъ комфортомъ; а между тѣмъ онъ охотно жилъ въ палаткѣ, довольствуясь саломъ и сыромъ, какъ простой солдатъ, пилъ только воду съ уксусомъ и шелъ впереди своего войска съ непокрытой головой, среди снѣговъ Бретани и подъ палящимъ солнцемъ Египта. Понятно, что такіе контрасты смущали его историковъ, не обладавшихъ слишкомъ большой проницательностью, передъ лицомъ царя, соединявшаго, казалось, въ себѣ несоединимое; они колебались, не рѣшаясь остановиться на противоположныхъ мнѣніяхъ, и не въ состояніи были притти къ какому-нибудь опредѣленному мнѣнію.

Всего яснѣе можно заключить изъ ихъ разсказовъ то, что въ Адріанѣ были двѣ личности, не всегда согласныя между собой: человѣкъ и императоръ. Императоръ заслуживаетъ однѣхъ похвалъ и можетъ быть поставленъ наряду съ самыми великими и наилучшими монархами; но человѣкъ наоборотъ былъ часто непріятенъ и мелоченъ. Современники, стоявшіе слишкомъ близко къ нему и не всегда умѣвшіе вѣрно различать, иногда заставляли царя расплачиваться, вслѣдствіе неправедныхъ сужденій, за капризы и слабости человѣка.

Несомнѣнно, они были неправы, и всѣ ихъ

сплетни не должны мѣшать намъ вѣрить, что Адріанъ былъ великій царь. Еслибы на этотъ счетъ оставалось еще какое-нибудь сомнѣніе, я бы указалъ на блестящую картину его царствованія данную Дюрюи (Duruy). Услуги всякаго рода, оказанныя Адріаномъ имперіи, блестящи и неоспоримы. Прежде всего онъ обезпечилъ своему государству внѣшнюю безопасность; для поддержанія въ войскѣ дисциплины, онъ составилъ такія мудрыя правила, что не оказалось нужды что-либо измѣнить въ нихъ, и они держались покуда существовало римское владычество. Онъ укрѣпилъ границы, поставивъ на нихъ военные отряды и сильныя укрѣпленія, и такимъ образомъ преградилъ доступъ варварамъ, становившимся день ото дня все болѣе грозными. Какъ бы опоясанная стѣнами, укрѣпленіями, глубокими рвами и окопами, искусно расположенными вокругъ ея необъятныхъ границъ, имперія могла спокойно дышать. Внутри спокойствіе поддерживалось твердой рукой, злоупотребленія были пресѣчены, законы смягчены, общественнымъ работамъ всюду данъ ходъ. Благодаря такому могучему толчку, а также миру, какимъ пользовалась вселенная, города могли украситься великолѣпными памятниками, до сихъ поръ возбуждающими наше удивленіе. Всего этого нельзя отрицать. Адріанъ несомнѣнно былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ монарховъ, какіе только правили міромъ со временъ Августа, и, быть можетъ, онъ болѣе чѣмъ кто-либо способствовалъ невѣроятному развитію общественнаго благоденствія, сдѣлавшаго вѣкъ Антониновъ одной изъ самыхъ счастливыхъ эпохъ человѣчества. „Когда славу царей, говоритъ Дюрюи, будутъ мѣрить счастіемъ, какое они дали своимъ народамъ, Адріанъ станетъ первымъ среди римскихъ императоровъ".

Почему же о немъ, служившемъ такъ хорошо имперіи, плохо судятъ? Обыкновенно суровость этого мнѣнія объясняютъ упорными неладами между знатными семьями и сенатомъ съ одной стороны, и императорскимъ режимомъ съ другой; но это дѣйствительно слишкомъ удобный способъ оправдывать всѣхъ цезарей безъ различія, и если такія причины могутъ еще объяснять что-либо въ эпоху Тиверія и Нерона, думается, что невозможно больше прибѣгать къ нимъ въ эпоху Антониновъ. Имперія была тогда признана всѣмъ міромъ. Время утишило прежнія злобныя чувства республиканцевъ, и во всякомъ случаѣ совершенно непонятно, вслѣдствіе какихъ причинъ, развѣ что онѣ не высказывались противъ Траяна, онѣ вдругъ вспыхнули бы противъ Адріана. Если Адріанъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не сумѣлъ внушить къ себѣ больше любви, надо думать, что это было по его винѣ, и что имѣлось въ его личности и характерѣ нѣчто, что отвращало отъ него сердца. На это, со всякими подходами и предосторожностями, намекалъ позднѣе Марку Аврелію Фронтонъ, писатель довольно ядовитый, но крайне честный человѣкъ и самый покорный изъ подданныхъ. „Чтобы любить кого-нибудь, говорилъ онъ ему, надо быть въ состояніи подходить къ нему съ довѣріемъ и чувствовать съ нимъ себя легко. Именно этого-то и не случалось со мной относительно Адріана. Мнѣ не хватало довѣрія, и

самое почтеніе, какое онъ мнѣ внушалъ, вредило привязанности". Ясно, что скрывается подъ этими вѣжливыми словами. Также и Траянъ, хотя былъ его родственникомъ, повидимому не чувствовалъ къ нему большого влеченія. А между тѣмъ мы знаемъ, что Адріанъ, ждавшій отъ него всего, не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы ему понравиться. Онъ всячески старался льстить его вкусамъ, даже наименѣе достойнымъ, и самъ разсказывалъ, что, зная какъ Траянъ любилъ вино, сталъ тоже пить, чтобы такимъ образомъ войти къ нему въ милость. Впрочемъ у него были другія качества, которымъ Траянъ придавалъ наибольшую цѣну. Вѣрный солдатъ, старательный намѣстникъ, искусный организаторъ, добросовѣстный правитель, онъ исполнялъ старательно и съ успѣхомъ всѣ возлагавшіяся на него полномочія. Однако повышеніе его не шло очень быстро. Одна надпись, найденная въ аѳинскомъ театрѣ, показываетъ, что онъ шагъ за шагомъ прошелъ всѣ ступени іерархической лѣстницы почестей, его не избавили ни отъ одной. Несмотря на признаніе его качествъ и оказанныхъ имъ услугъ, Траянъ ждалъ до послѣдняго дня своей жизни, чтобы усыновить его. Предполагаютъ даже, что смерть его предупредила, раньше чѣмъ онъ рѣшился, что это усыновленіе было лишь комедіей, разыгранной, чтобы обмануть міръ, и что спрятанный за драпировкой человѣкъ умирающимъ голосомъ прошепталъ какія-то слова вмѣсто покойнаго императора. Что могло дать нѣкоторое правдоподобіе этому разсказу, это то, что Траянъ повидимому вовсе не торопился признать его своимъ наслѣдникомъ. Онъ

не только не назначилъ его своимъ соправителемъ при жизни, какъ это сдѣлалъ въ отношеніи его самого Нерва, но онъ не хотѣлъ даровать ему никакихъ особыхъ почестей, благодаря которымъ онъ заранѣе былъ бы отмѣченъ, какъ его преемникъ. Развѣ нельзя изъ этого заключить, что, вполнѣ цѣня въ немъ правителя и солдата, онъ испытывалъ къ нему, какъ къ человѣку, своего рода отвращеніе, которое ему было трудно побѣдить.

Ставъ императоромъ, Адріанъ пріобрѣлъ много друзей: владыкѣ міра не трудно ихъ имѣть. Онъ былъ очень щедръ для нихъ. „Никогда,—говоритъ Спартіанъ,—онъ не отказывалъ имъ ни въ какой просьбѣ, а часто даже предупреждалъ ихъ желанія"; но въ то же время онъ раздражалъ ихъ своими насмѣшками и оскорблялъ подозрѣніями. Измѣнчивый и странный, какъ всѣ художественныя натуры, легко поддававшійся навѣтамъ на самыхъ преданныхъ ему людей, онъ слушалъ, что ему про нихъ говорили, и при случаѣ даже слѣдилъ за ними. У него была своя тайная полиція, проникавшая въ различные дома и доносившая ему, что тамъ про него говорили. Никакая дружба не устоитъ при такой подозрительности. Спартіанъ замѣчаетъ, что тѣ, кого онъ наиболѣе любилъ и наиболѣе осыпалъ почестями, кончили тѣмъ, что всѣ стали ему ненавистны. Многіе были удалены изъ Рима; нѣкоторые утратили состояніе, нашлись и такіе, что поплатились жизнью. Мы не думаемъ, что Адріанъ былъ жестокъ отъ природы; онъ даже нѣсколько разъ показалъ прекрасный примѣръ милосердія. Но судьбой было опредѣлено, что

верховная власть, безъ точно выраженнаго характера, безъ опредѣленныхъ границъ, будетъ омрачать лучшіе умы. Немногіе цари сумѣли вполнѣ избѣгнуть этого упоенія властью, этого головокруженія, производимаго одновременно чувствомъ гордости и страха, возбуждавшимъ дурные инстинкты и развращавшимъ души. Честный Маркъ-Аврелій говорилъ разъ самъ себѣ съ выраженіемъ ужаса: „Не дѣлайся слишкомъ Цезаремъ!“ Надо думать, что Адріанъ иногда становился имъ противъ воли. Въ началѣ своего царствованія, когда онъ не чувствовалъ еще, что положеніе его было вполнѣ прочно, онъ пролилъ или позволилъ пролить кровь нѣсколькихъ знатныхъ особъ, обвинявшихся въ измѣнѣ; подъ конецъ своей жизни онъ пролилъ ее вновь, и на этотъ разъ въ числѣ жертвъ былъ его зять, девяностолѣтній старикъ, и племянникъ, которому не было еще и двадцати лѣтъ. Хочется думать, что они оба были виновны, и что императоръ счелъ такую суровую мѣру необходимой; тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе было возмущено. Припомнили, что Траянъ, которому сенатъ торжественно преподнесъ титулъ превосходнаго царя, optimus princeps, никогда не считалъ себя вынужденнымъ признавать такую печальную необходимость, и нашли, что Адріанъ подчинялся ей слишкомъ легко. Эти казни, которыя приказалъ привести въ исполненіе умирающій царь, какъ бы хотѣвшій утолить тѣмъ въ послѣдній разъ свою злобную мстительность, возмутили честныхъ людей, „Онъ умеръ,—говоритъ Спартіанъ,—ненавидимый всѣми“.

Мы знаемъ, что враги сантиментальной политики будутъ утверждать, что возненавидѣвшіе его были неправы. Скажутъ, что въ концѣ концовъ эти семейныя ссоры вовсе для міра не интересны, и что не слѣдуетъ придавать имъ большого значенія. Что значитъ для безвѣстныхъ гражданъ, составляющихъ большинство въ странѣ, что у царя непріятный нравъ и что онъ заставилъ страдать своихъ приближенныхъ? Если онъ хорошо правитъ государствомъ, если оберегаетъ его отъ внѣшнихъ враговъ, если даетъ ему внутренній миръ, развѣ не должно закрывать глаза на его причуды и позволять ему избавлять себя, какъ это ему угодно, отъ своихъ докучныхъ друзей или отъ стѣснительныхъ родственниковъ? Какое въ томъ зло для его народа? Несомнѣнно, что, если-бы подданные были благоразумны, они судили бы своего монарха по тому добру, какое онъ дѣлаетъ всѣмъ, а не по строгимъ мѣрамъ, затрагивающимъ лишь нѣсколько лицъ, и тотъ казался бы имъ наиболѣе достойнымъ любви, кто даетъ счастье большинству. Но любятъ не по разсудку, и въ привязанность входятъ другіе элементы, помимо корысти. Поэтому не рѣдкость видѣть монарховъ, подъ властью которыхъ выгодно жить, но которымъ не удается привлечь къ себѣ сердца. Адріанъ былъ изъ числа послѣднихъ. Даже на томъ разстояніи времени, на какомъ мы отъ него находимся, мы не можемъ вполнѣ отдѣлаться отъ чувствъ, которыя онъ внушалъ людямъ своего времени, и намъ приходится дѣлать своего рода усиліе надъ нами самими, чтобы уважать его такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ. Напрасно Дюрюи станетъ намъ доказывать, что

онъ оказалъ міру болѣе услугъ, чѣмъ Траянъ и Маркъ-Аврелій, намъ будетъ трудно порицать его современниковъ, которые больше любили Марка-Аврелія и Траяна, чѣмъ его.

Къ этимъ общимъ причинамъ, по которымъ римляне не любили его, присоединялись другія, болѣе свойственныя имъ лично. Быть можетъ, въ ихъ суровое къ нему отношеніе входило также нѣкоторое чувство злобы на царя, находившаго удовольствіе пренебрегать ихъ предразсудками, и открыто жертвовавшаго ими ихъ исконнымъ врагамъ. Вліяніе Греціи было тогда сильнѣе въ Римѣ, чѣмъ когда-либо. Оно проявлялось одновременно въ двухъ противоположныхъ кругахъ того общества: среди людей богатыхъ, знатныхъ вельможъ и свѣтскихъ людей оно передавалось черезъ воспитаніе, черезъ очарованіе искусствами и науками, которому всецѣло поддавались. Въ пышныхъ дворцахъ Эсквилинскихъ, въ великолѣпныхъ виллахъ Тускулума и Тибура, гдѣ передъ глазами были репродукціи Праксителя и Лизиппа, гдѣ съ такимъ удовольствіемъ читали Менандра и Анакреона, общество было болѣе чѣмъ на половину греческое. Въ кварталахъ народныхъ оно было всецѣло таковымъ; вслѣдствіе непрерывной эмиграціи туда изъ всѣхъ восточныхъ странъ являлись искать счастья люди, которымъ тяжело жилось у себя: это былъ потокъ, непрерывно изливавшійся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Что бы сказалъ старый Катонъ, если-бы увидалъ Грецію и Востокъ, расположившіеся такимъ образомъ на Авентинѣ, и эту презираемую имъ націю чуть не владычицей Рима? Въ этомъ былъ позоръ и опасность, тревожившіе старыхъ римлянъ, и они

естественно находили, что императоръ былъ обязанъ бороться противъ нихъ.

Адріанъ, какъ разъ наоборотъ, сталъ на сторону грековъ. Съ первыхъ лѣтъ своей жизни онъ поглощалъ ихъ великихъ писателей; онъ такъ любилъ употреблять ихъ языкъ, что ему стало трудно говорить на другомъ. Ему было недостаточно восхищаться греческимъ искусствомъ, онъ захотѣлъ самъ стать художникомъ, служителемъ всѣхъ родовъ искусствъ: онъ сдѣлался одновременно музыкантомъ, ваятелемъ, живописцемъ, архитекторомъ; онъ считалъ себя хорошимъ пѣвцомъ, онъ танцовалъ съ граціей; онъ зналъ геометрію, астрологію и медицину настолько, что изобрѣлъ глазную примочку и антидотъ. Греки не могли достаточно нахвалиться царемъ, отличавшимся въ столькихъ различныхъ занятіяхъ; римляне, наоборотъ, были склонны надъ нимъ издѣваться. Наиболѣе разумные признавали, что, конечно, не преступленіе умѣть ваять и рисовать, но прибавляли, что это также и не достоинство, когда долженъ править міромъ. Имъ казалось, что такое великое дѣло не соединимо ни съ какимъ другимъ и требуетъ всей дѣятельности царя. Кромѣ того, они помнили, что императоры, слишкомъ любившіе грековъ, вмѣнявшіе себѣ въ честь подражать ихъ обычаямъ и добиваться ихъ похвалъ, Неронъ и Домиціанъ, напримѣръ, были отвратительными тиранами, и такого рода воспоминанія не способствовали ихъ благосклонному отношенію къ маніямъ Адріана.

Что ихъ раздражало еще больше, это зрѣлище значенія, какое пріобрѣтала Греція въ поли-

тическихъ дѣлахъ Рима. Она долго довольствовалась своимъ руководствомъ въ дѣлахъ духовныхъ, снабжая Римъ грамматиками и художниками; съ воцаренія Адріана она открыто завладѣваетъ тѣмъ, что, повидимому, было ей до тѣхъ поръ запрещено, что народъ побѣдитель оставилъ только за собою, она прокрадывается въ войско, захватываетъ мѣста въ сенатѣ, она управляетъ провинціями. Среди полководцевъ этого времени мы встрѣчаемъ имена Арріана и Ксенофонта. Понятно, что все это очень льстило грекамъ. Благодарность ихъ не знала границъ и, согласно ихъ обычаю, выразилась въ низкой угодливости. Въ наиболѣе значительныхъ городахъ они воздвигли великолѣпные храмы въ честь „новаго Юпитера, бога олимпійскаго", и его недостойный любимецъ Антиной, бывшій также грекомъ, удостоился всюду, послѣ своей смерти, самыхъ невѣроятныхъ почестей; одинаково понятно послѣ этого, что потомки истинныхъ римлянъ не могли не быть возмущены. Быть можетъ, скажутъ, что они были неправы, что въ поведеніи Адріана не было ничего, что могло бы удивлять, что противорѣчило бы учрежденіямъ и духу имперіи. Разъ имперія призвала провинціи къ участію въ верховной власти, долженъ былъ когда-нибудь притти чередъ Греціи и Востоку, и уже не должно было казаться удивительнымъ видѣть при испанскихъ императорахъ греческихъ полководцевъ или проконсуловъ. Есть, однако, разница; въ то время какъ жители западныхъ провинцій, допущенные Римомъ къ занятію мѣстъ въ его войскѣ и къ исполненію общественныхъ должностей,

усваивали языкъ и обычаи своей новой родины, проникались ея духомъ и старыми правилами, дѣлались открыто римлянами, греки оставались греками. Ничто никогда не могло сломить эту столь же изворотливую сколь и стойкую расу, перенесшую, ни въ чемъ себѣ не измѣнивъ, римское владычество и пережившую его. Въ самой своей угодливости она сохраняла свою надменность; она льстила варварамъ и презирала ихъ. Поэтому ей не трудно было оградить себя отъ подражанія ихъ обычаямъ и отъ смѣшенія съ ними. Думается, что ни одинъ грекъ не сталъ никогда вполнѣ римляниномъ, и наоборотъ, многіе римляне сдѣлались вполнѣ греками. Мы видимъ во времена того же Адріана галла Фаворина, родомъ изъ Арля, и итальянца Эмона, родомъ изъ Пренесты, которые забыли свой родной языкъ и усвоили языкъ грековъ. Что такой захватъ чужестранцевъ оскорблялъ римлянъ стараго закала, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Они были вполнѣ правы, думая, что Римъ отъ этого только крайне терялъ. Различные народы, входившіе въ составъ единой римской имперіи, приносили ей свои національныя качества и тѣмъ ее обновляли; греки сообщали ей лишь свои недостатки. Поощряя владычество надъ Римомъ чуждаго духа, Адріанъ во всякомъ случаѣ погрѣшалъ противъ осторожности; самъ того не сознавая, онъ работалъ надъ внѣдреніемъ началъ Восточной имперіи.

Таковъ былъ съ его страннымъ смѣшеніемъ достоинствъ и недостатковъ этотъ полу-римскій и полу-греческій императоръ, творецъ, а, можетъ быть, даже и строитель виллы Тибура. Намъ

остается узнать, что дало ему поводъ ее построить. Историки говорятъ намъ, что во всякомъ случаѣ большая ея часть была построена имъ благодаря его путешествіямъ и чтобы сохранить память о нихъ. Извѣстно, что Адріанъ крайне мало жилъ въ своей столицѣ, и что почти все время своего царствованія онъ провелъ въ разъѣздахъ по своей обширной имперіи. Ничто такъ не поражало современниковъ, какъ эта дѣятельная жизнь и эти безконечныя поѣздки. Народъ, видѣвшій эти его постоянные разъѣзды, сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о неутомимомъ путешественникѣ, непрестанно странствовавшемъ отъ одного края земли до другого. „Никогда не было царя,—говоритъ его біографъ,—который бы въ такое короткое время посѣтилъ столько различныхъ странъ“.

И это не потому, чтобы путешествія были такъ рѣдки въ тѣ времена, какъ это обыкновенно думаютъ. Въ древности такъ же мало любили сидѣть на мѣстѣ, какъ и въ наши дни: Сенека былъ даже до такой степени пораженъ этой потребностью въ движеньи и возбужденьи, которая мучитъ людей, что сдѣлалъ попытку дать тому философское объясненіе. Онъ относитъ ея происхожденіе къ божественному началу, скрытому въ насъ и полученному нами съ неба и свѣтилъ небесныхъ; „Такова природа небеснаго явленія быть всегда въ движеніи!“ Съ тѣхъ поръ, что имперія дала людямъ миръ, путешествія, ставъ болѣе безопасными, стали и болѣе частыми. Эти узкія шоссе, надежно вымощенныя широкими плитами, ведшія во всѣ стороны отъ Рима до другого края свѣта, служили дорогой

для повозокъ, для всадниковъ и пѣшеходовъ. Тутъ можно встрѣтить людей всѣхъ состояній, начиная отъ подобныхъ Горацію всадниковъ на жалкомъ мулѣ, короткохвостомъ и тяжелоногомъ, и кончая важными господами, возсѣдавшими, развалившись въ своихъ удобныхъ носилкахъ, гдѣ можно было читать, писать, спать или играть въ кости, и которые отправляли впередъ себя гонцовь, въ то время какъ слѣдомъ за ними двигалось цѣлое шествіе рабовъ и кліентовъ. Всѣмъ этимъ людямъ было легче пускаться въ путь, чѣмъ мы можемъ это предполагать. Императорская почта была только что учреждена: она доставляла лицамъ, снабженнымъ императорскимъ разрѣшеніемъ, лошадей и повозки, дѣлавшія болѣе 8 километровъ въ часъ. На самомъ дѣлѣ эти разрѣшенія предназначались для чиновниковъ или государственныхъ гонцовъ. Кажется нѣсколько удивительнымъ, что такому практичному народу, сразу видѣвшему пользу всякой вещи, не пришло на мысль разрѣшить частнымъ лицамъ пользоваться, за извѣстную плату, офиціальной почтой, что способствовало бы большей быстротѣ сообщеній и ближе соединило бы между собою различныя части имперіи; но возможно, что власть стояла за свою привилегію, и что побоялись уменьшить тѣмъ ея прерогативы. За отсутствіемъ почтоваго сообщенія, частныя лица доставляли желавшимъ довольно удобные способы для путешествій. У воротъ города подлѣ гостиницъ, имѣвшихъ въ видѣ вывѣсокъ, какъ и теперь, пѣтуха, орла или журавля, и старавшихся заманить пріѣзжихъ всевозможными лестными обѣщаніями, было легко

найти наемныя повозки всѣхъ видовъ, раздобыть лошадь или мула, стоило только обратиться къ богатымъ товариществамъ (collegia jumentariorum), которыя всегда ихъ имѣли къ услугамъ публики. На этихъ лошадяхъ и съ этими повозками можно было быстро ѣхать, если того хотѣлось. Светоній разсказываетъ намъ, что Цезарь сдѣлалъ такимъ образомъ до 100 миль (150 километровъ) въ день. Но обыкновенно такъ не торопились. Ѣхали не спѣша, останавливались въ хорошихъ мѣстахъ; когда чувствовали усталость, отдыхали и вдосталь любовались природой. Это былъ тотъ же способъ, какимъ туристы, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, объѣзжали Италію; многіе думаютъ, что нѣтъ способа болѣе пріятнаго и жалѣютъ, что онъ вышелъ изъ употребленія.

Не было недостатка въ причинахъ путешествій въ первый вѣкъ имперіи. Многіе изъ путниковъ, встрѣчавшихся на большихъ дорогахъ, были должностныя лица, отправлявшіяся въ дальнія провинціи, чтобы управлять ими. Римъ покорилъ міръ, ему надо было имъ управлять. Онъ отправлялъ всюду своихъ проконсуловъ и пропреторовъ, бравшихъ съ собою своихъ намѣстниковъ, квесторовъ, секретарей, педелей, своихъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, цѣлую толпу народа, часто отправлявшагося жить на средства жителей провинцій. Вслѣдъ за римскимъ правителемъ, а иногда и раньше него, отправлялись откупщики государственныхъ налоговъ съ своими писцами и помощниками, а также негоціанты, такъ хорошо умѣвшіе эксплоатировать завоеванныя страны. Были и учащіеся, и въ большомъ количествѣ, отправлявшіеся къ извѣстнымъ учителямъ, въ города, гдѣ процвѣтали науки; больные, которыхъ привлекали знаменитые доктора, сѣрныя воды и здоровый климатъ; благочестивые люди, посѣщавшіе всѣ значительныя святилища, и всегда желавшіе задать какой-нибудь вопросъ знаменитому оракулу; затѣмъ люди, не составившіе состоянія у себя на родинѣ и искавшіе его въ другихъ мѣстахъ: „всѣ убогіе, говорилъ Сенека, имѣющіе надежду извлечь больше выгоды изъ своей красоты или талантовъ, стекаются въ эти большіе города, гдѣ добродѣтели и пороки цѣнятся дороже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ“. Послѣ людей, пускавшихся въ путь по обязанности или изъ-за нужды, шли тѣ, что путешествовали для удовольствія. Съ раннихъ поръ развился вкусъ къ знакомству съ странами, въ которыхъ сохранились цѣнные памятники или которыя напоминали о великихъ событіяхъ. Греція, прежде всего, привлекала всѣхъ писателей, и оттуда они направлялись дальше на Востокъ. Цезарь послѣ битвы при Фарсалѣ не преминулъ взглянуть на „поля, гдѣ была Троя“. Германикъ объѣхалъ Азію и Египетъ, заставляя объяснять себѣ ихъ рѣдкости, и жрецы должны были читать ему іероглифы. Можно предположить, что среди этихъ искреннихъ любителей старины, съ благоговѣніемъ осматривавшихъ ея остатки, попадались и люди, путешествовавшіе просто ради моды и для вида, чтобы дѣлать, какъ всѣ. Бывали, какъ мы знаемъ, и такіе, которые предпринимали эти долгія поѣздки для того только, чтобы не оставаться дома. Великія, дошедшія до утонченности цивилизаціи, создающія для человѣка столько потребностей, прививая ему при-

вычку удовлетворять всѣ свои желанія, непрестанно возбуждающія душу до крайности, не утоляя ее, часто влекутъ за собою досаднаго спутника,—скуку, „что течетъ, говоритъ Лукрецій, изъ самаго источника удовольствій", и вполнѣ достаточна, чтобы сдѣлать жизнь нестерпимой; все воображаютъ, что лучшее средство избавиться отъ нея, это перемѣнить мѣсто, и спѣшатъ покинуть свой домъ и отчизну. Напрасно повторяли древніе философы, что нельзя такимъ образомъ избавиться отъ своихъ заботъ, что онѣ неизмѣнно слѣдуютъ за нами по пятамъ; философы не исправляли никого, скучающіе люди второго вѣка, подобно пресыщеннымъ нашихъ дней, продолжали всюду искать невиданныхъ еще ими зрѣлищъ, новыхъ удовольствій, которыя могли бы хоть на минуту развлечь ихъ.

У Адріана, чтобы странствовать по свѣту, были налицо всѣ вышеупомянутыя причины разомъ. Самая важная и лучшая изъ всѣхъ была та, что онъ хотѣлъ самолично ознакомиться съ положеніемъ имперіи. Такой администраторъ, какъ онъ не могъ не знать, что хорошо властелину видѣть все собственными глазами. Онъ имѣлъ привычку останавливаться въ большихъ городахъ, встрѣчавшихся на его пути, требовалъ отчета въ томъ, какъ шло дѣло ихъ управленія, тщательно изучалъ ихъ доходы и нужды, и рѣдко случалось, чтобы проѣздъ его не былъ отмѣченъ постройкой мостовъ, дорогъ, водопроводовъ, признанныхъ имъ необходимыми. Но такъ какъ онъ любилъ также и великолѣпіе, то, занявшись сперва полезными работами, онъ затѣмъ не пренебрегалъ и памятниками, которые служатъ лишь для украшенія вся-

кой великой страны. Онъ реставрировалъ театры, базилики, вновь отстраивалъ древніе храмы, сооружалъ новые. Поэтому въ провинціяхъ всегда сохранялась о немъ полная благодарности и восхищенія память. У насъ имѣются медали, выбитыя по случаю этихъ императорскихъ посѣщеній; Адріанъ называется на нихъ реставраторомъ, благодѣтелемъ, добрымъ геніемъ городовъ, посѣщенныхъ имъ, и онѣ предуготовляли ему апофеозъ, несомнѣнно ожидавшій его послѣ смерти. Подъѣзжая къ границамъ имперіи, онъ естественно удваивалъ бдительность и заботливость. Ничто не было забыто; онъ смотрѣлъ, въ хорошемъ ли состояніи находились укрѣпленія, рвы, окопы; онъ выслушивалъ чиновниковъ, совѣтовался съ инженерами, дѣлалъ обзоръ легіоновъ, заставлялъ ихъ маневрировать передъ собой, и когда бывалъ доволенъ маневрами, обращался къ нимъ съ однимъ изъ тѣхъ краснорѣчивыхъ приказовъ, любопытнѣйшій образецъ которыхъ сохранился до нашихъ дней въ надписяхъ третьяго легіона въ Ламбезѣ. Но Адріанъ путешествовалъ не только ради пользы имперіи, онъ думалъ также и о себѣ. Этотъ ревностный администраторъ былъ въ то же время человѣкомъ любознательнымъ, ученымъ, знатокомъ литературы. Когда городъ, куда онъ пріѣзжалъ, былъ однимъ изъ тѣхъ, что обладали прекрасными памятниками прошлаго, онъ оставался въ немъ охотнѣе, больше выказывалъ къ нему благоволенія, искалъ случая возвратиться въ него. Пребываніе въ Аѳинахъ его восхищало, нигдѣ онъ не чувствовалъ себя такъ счастливо; ни одинъ городъ не осыпалъ онъ своими благодѣяніями такъ щедро,

нигдѣ не построилъ столько памятниковъ. Любознательность его не упускала ни одного мѣста, напоминавшаго о великихъ событіяхъ. Онъ также совершилъ паломничество въ Трою, возстановилъ тамъ мавзолей Аякса, воздавъ герою великія почести. Онъ отправился въ Мантинею, чтобы видѣть могилу, гдѣ покоился Епаминондъ, и сочинилъ для ѳивскаго героя восторженную надпись. Въ Египтѣ онъ предсѣдательствовалъ на собраніи ученыхъ въ Музеѣ, и ему пріятно было смущать ихъ коварными вопросами; онъ отправлялся смотрѣть пирамиды, колосса мемнонскаго и, вѣроятно, также и всѣ другія чудеса эпохи фараоновъ. Онъ не считалъ себя обязаннымъ во время этихъ посѣщеній сохранять равнодушный и неприступный видъ, какой старательно принимали старые римляне, когда были не у себя, чтобы казаться болѣе важными и болѣе достойными. Онъ говорилъ на языкѣ страны, гдѣ былъ гостемъ, надѣвалъ одежду ея жителей и не пренебрегалъ ихъ обычаями. Несомнѣнно, онъ думалъ, что для полнаго ознакомленія съ какой-нибудь страной и пониманія какого-нибудь народа надо усвоить его обычаи и жить какъ онъ. Въ Елевсинѣ онъ хотѣлъ стать посвященнымъ; въ Аѳинахъ онъ предсѣдательствовалъ на празднествахъ Вакха въ одѣяніи архонта. Такое поведеніе должно было смущать людей, придерживавшихся старинныхъ обычаевъ. Одинъ изъ такихъ недовольныхъ, поэтъ Юлій Флоръ, написалъ на царя-путешественника злые стихи, которые должны были съ удовольствіемъ читать всѣ, не могшіе рѣшиться забыть на время семь холмовъ. „Не хотѣлъ бы я быть Цезаремъ, говорилъ онъ, отправляться къ

британцамъ, терпѣть холодъ и стужу Скиѳіи“, и т. д. На это Адріанъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ и тѣмъ же размѣромъ. „Не хотѣлъ бы я быть Флоромъ, разгуливать по лавкамъ, гнить въ кабакахъ, давать тамъ себя на съѣденье комарамъ“; и, не заботясь больше о людскомъ мнѣніи, продолжалъ свои разъѣзды. Ему случалось даже дѣлать иногда настоящія нововведенія и интересоваться зрѣлищами, которыми до него пренебрегали. Одинъ поэтъ перваго вѣка, оставившій намъ интересное описаніе Этны, очень удивляется равнодушію современниковъ къ зрѣлищамъ природы. Проходятъ земли, переплываютъ моря, говоритъ онъ, чтобы посѣтить великіе города и прекрасные памятники; отправляются смотрѣть знаменитыя картины, „Венеру съ ея волосами, словно струящимися подобно рѣкѣ, или дѣтей Медеи, играющихъ подлѣ своей жестокой матери, или грековъ, съ грустью окружающихъ Ифигенію и влекущихъ ее къ жертвеннику, въ то время какъ лицо ея отца скрыто покрываломъ“, восхищаются статуями, составившими славу Мирона и другихъ, а между тѣмъ не удостаиваютъ взглядомъ произведенія природы, „гораздо болѣе великаго художника, чѣмъ они“. Адріанъ не заслуживаетъ этого упрека. Его страстное увлеченіе шедеврами античнаго искусства не мѣшало ему быть чувствительнымъ къ великимъ картинамъ природы, и онъ чуть ли не единственный того времени, о которомъ намъ говорятъ, что онъ предпринималъ путешествія, чтобы любоваться ими. Онъ поднимался на Этну, и тамъ еще показываютъ развалины стараго дома, выстроеннаго, какъ говорятъ, чтобы принять его.

Ночью онъ поднялся на гору Казія, чтобы видѣть оттуда восходъ солнца, и пережилъ тамъ страшную бурю. Такимъ образомъ онъ любилъ природу не меньше чѣмъ произведенія искусства: эту любовь къ искусствамъ, это восхищеніе природой, мы видимъ въ виллѣ Тибура.

II.

Мѣстоположеніе виллы Адріана.—Великолѣпіе построекъ.—Что имѣлъ въ виду императоръ, когда строилъ ее.—Части, которыя можно узнать.—Долина Темпейская.—Пойкилъ.—Канопъ. — Частное мѣстожительство. — Нататорій. — Пріемные покои.—La Piazza d'oro.—Базилика. Театры.—Библіотеки.—Залы для публичныхъ засѣданій. — Мѣстонахожденіе Ада.

Годы положили конецъ всѣмъ этимъ разъѣздамъ. Когда Адріану было около шестидесяти лѣтъ, онъ почувствовалъ потребность въ отдыхѣ. Такъ какъ у него не было дѣтей, онъ началъ съ того, что выбралъ себѣ преемника. Онъ усыновилъ сначала Луція Вера, умершаго раньше его, затѣмъ доблестнаго Антонина. „Тогда, говоритъ одинъ историкъ, видя, что все спокойно, и что онъ безъ риску можетъ сложить съ себя заботы, Адріанъ оставилъ управленіе Римомъ своему пріемному сыну и удалился на свою виллу Тибура. Тамъ, согласно обычаю богатыхъ и счастливыхъ, онъ сталъ заниматься только постройками и празднествами, статуями и картинами; словомъ, у него не было другой заботы, какъ только проводить время въ радости и удовольствіяхъ.“ Изъ этихъ словъ можно заключить, что въ 136 году, когда Адріанъ рѣшилъ удалиться

отъ дѣлъ, вилла Тибура уже существовала. Неизвѣстно, въ какое время онъ началъ ее строить; но несомнѣнно, что онъ провелъ три послѣдніе года своей жизни, украшая ее, заканчивая, доведя до такого совершенства, что на нее смотришь, какъ на одно изъ лучшихъ его произведеній.

Мѣстность, гдѣ находится вилла Тибура, не только крайне привлекательна, но также и очень здорова: тогда это представляло первое достоинство дачи. Само собою разумѣется, что римская равнина, покрытая деревьями и посѣвами, вся застроенная прелестными жилищами, виллами, окруженными садами, не походила на то, чѣмъ она стала послѣ нѣсколькихъ вѣковъ заброшенности: это еще не была пустыня и кладбище; но даже въ то время, когда она была всего богаче и всего населеннѣе, тамъ всегда опасались дурного воздуха. Цицеронъ очень поздравляетъ Ромула, что онъ нашелъ средство основать здоровый городъ въ зачумленной странѣ, in pestilenti loco salubrem. Извѣстно, что это воображаемое здоровое мѣстоположеніе Рима не мѣшало тому, что ежегодно, по словамъ Горація, во время жары появлялись лихорадки, и вскрывались завѣщанія; гораздо хуже должно было быть въ окружавшихъ его поляхъ. Поэтому, когда тамъ хотѣли строить виллу, было прежде всего необходимо выбрать хорошее для нея мѣсто. Вилла Адріана расположена подлѣ послѣднихъ предгорій Апеннинъ, у подножія горы, гдѣ построенъ Тиволи. Въ то время какъ она вся открыта благотворному дѣйствію западнаго вѣтра, окружающіе ее холмы защищаютъ ее отъ си-

рокко и заразныхъ дуновеній съ юга. Двѣ маленькія параллельныя долины спускаются по направленію съ сѣвера на югъ; онѣ замыкаютъ равнину, которая поднимается уступами и образуетъ родъ возвышенности въ три мили длины; на этой-то равнинѣ и была построена вилла. Почва мѣстами была очень неровная отъ природы, чѣмъ мы такъ дорожимъ, и что намъ кажется одной изъ главныхъ прелестей въ нашихъ садахъ. Римляне же, наоборотъ, этого не любили и употребляли много труда, чтобы помощью обширныхъ подвальныхъ строеній сравнивать неровности почвы, на которой они возводили городскія или загородныя постройки. Такія подвальныя строенія находятся также, и въ большомъ количествѣ, на виллѣ Тибура. Два маленькихъ ручья, сбѣгая съ Сабинской горы, протекаютъ по обѣимъ долинамъ и соединяются при входѣ въ виллу, вмѣстѣ впадая въ Аніо. Какъ почти вездѣ въ Южной Италіи, они почти высыхаютъ лѣтомъ, какъ разъ въ такое время года, когда болѣе всего чувствуется нужда, чтобы они были полноводнѣе. Это возмѣщалось водопроводами — отъ нихъ найдены остатки — въ изобиліи доставлявшими свѣжую здоровую воду съ горъ или въ комнаты дворца, или въ изсохшія русла ручьевъ.

Что болѣе всего поражаетъ, когда обозрѣваешь виллу Адріана, это ея огромные размѣры. Ниббій предполагаетъ, что она занимала пространство въ 7 римскихъ миль. Вилла Браски, купленная итальянскимъ правительствомъ, единственная, которую можно осматривать, не вмѣщаетъ ее всю. Если пойти наугадъ по направленію къ югу, черезъ кусты терновника, не пугаясь ни

собакъ, ни сторожей и перелѣзая черезъ заборы, найдешь другія залы болѣе обширныхъ размѣровъ и болѣе красивыя, можетъ быть, чѣмъ тѣ, которыя показываютъ иностранцамъ. Чтобы соединить эти столь отдаленныя одни отъ другихъ помѣщенія, какъ бы представляющія различные кварталы города, были прорыты подземные ходы или криптопортики, позволявшие царю попадать изъ одного конца своего дворца въ другой, не опасаясь ни солнца ни докучныхъ глазъ. Во всѣхъ этихъ постройкахъ мраморъ употреблялся въ такомъ количествѣ, что и теперь еще почва покрыта имъ; съ теченіемъ времени онъ искрошился и образуетъ родъ пыли, сверкающей на солнцѣ, утомляя глазъ своими переливами. Когда всѣ зданія были цѣлы, вилла должна была представлять дивное зрѣлище. Стоитъ взглянуть на ея возсозданіе, какое сдѣлалъ Доме, и сейчасъ же чувствуешь себя ослѣпленнымъ всѣмъ этимъ великолѣпіемъ. Трудно представить соединеніе зданій болѣе роскошныхъ и болѣе разнообразныхъ; это безконечный рядъ портиковъ, перистилей, строеній всѣхъ видовъ и размѣровъ. Куполы большихъ залъ, круглые своды сквозныхъ бесѣдокъ перемѣшиваются тамъ съ треугольными фронтонами храмовъ, а надъ крышами поднимаются высокія башни и террасы, обвитыя лозой. Однако къ нашему восхищенію примѣшивается и нѣкоторое удивленіе: мы не можемъ уловить цѣлое этихъ обширныхъ построекъ; мы любуемся ихъ разнообразіемъ, мы въ нихъ находимъ замѣчательное богатство вымысла и средствъ, но насъ удивляетъ, что во всемъ этомъ нѣтъ больше симметріи. Такое же впечатлѣніе

производитъ и форумъ, переполненный храмами, трофеями, базиликами, а также Палатинъ, загроможденный пятью или шестью дворцами. Изъ этого, какъ помните, мы вывели заключеніе, что римляне были менѣе насъ чувствительны къ извѣстнаго рода красотѣ, которая насъ чаруетъ, и что, вѣроятно, наши большія прямыя улицы и правильныя площади оставили бы ихъ равнодушными. Вилла Адріана подтверждаетъ это мнѣніе. Архитекторъ, повидимому, прибавлялъ зданія къ зданіямъ, по мѣрѣ того какъ въ нихъ чувствовалась потребность, не заботясь о впечатлѣніи, какое могло производить цѣлое. Намъ надо помириться съ этимъ отсутствіемъ вкуса у римлянъ по отношенію къ симметріи. Вспомнимъ, что, въ концѣ концовъ, дѣло идетъ тутъ не о дворцѣ, расположенномъ въ столицѣ, который долженъ имѣть величественный видъ и давать хорошее понятіе о томъ, кто въ немъ живетъ, а о простой дачѣ, при чемъ архитекторъ долженъ гораздо больше думать объ удобствахъ, чѣмъ о внѣшности. До сихъ поръ мы ничего не отмѣтили на виллѣ Адріана, что въ меньшей степени не встрѣчалось бы на другихъ; не было такой, изъ числа принадлежавшихъ какому либо знатному лицу, которая бы не была расположена въ здоровой мѣстности и снабжена, если то было нужно, значительными подземными сооруженіями, гдѣ бы не было въ изобиліи проточной воды, драгоцѣнныхъ мраморныхъ украшеній, и которая бы не заключала огромнаго числа великолѣпныхъ помѣщеній.

Такъ какъ ничто не интересовало Адріана до

такой степени, какъ его путешествія, онъ хотѣлъ, даже послѣ того, что отказался отъ нихъ, чтобы его всюду окружали вѣрныя и живыя воспоминанія о нихъ. Его біографъ разсказываетъ, что онъ далъ нѣкоторымъ частямъ своей тибуртинской виллы имена наиболѣе красивыхъ видѣнныхъ имъ мѣстъ. Тамъ можно было найти Лицей, Академію, Пританей, Канопъ, Пойкилъ, Темпейскую долину „и даже, прибавляетъ Спартіанъ, чтобы было рѣшительно все, онъ придумалъ воспроизвести тамъ также Преисподнюю“. Этотъ текстъ можетъ дать поводъ къ большимъ пререканіямъ. Есть авторы, предполагающіе, что его надо понимать буквально, и считающіе, что Адріанъ съ этой цѣлью сдѣлалъ точныя копіи со всего, чѣмъ онъ любовался въ своихъ путешествіяхъ; особенно ревностно стоитъ за эту точность Канина; если вѣрить ему, во всѣхъ этихъ остаткахъ не найти ни одного куска стѣны, который бы не былъ подражаніемъ какому-либо значительному памятнику. Онъ не видитъ, что это средство сдѣлать Адріана очень смѣшнымъ. Можно ли придумать болѣе глупый проэктъ, какъ заключить всѣ диковины міра въ такое тѣсное пространство? Какое впечатлѣніе должны были произвести на посѣтителя эти воспроизведенія горъ и долинъ въ уменьшенномъ видѣ, эти нагроможденные одинъ на другой памятники? Адріанъ, какъ извѣстно, былъ тонкій художникъ, человѣкъ со вкусомъ, любитель и просвѣщенный цѣнитель греческаго искусства: какое удовольствіе могъ бы онъ найти въ вымучиваньи изъ природы разныхъ подобій, которыя никогда не могли быть совершен-

ными. Намъ говорятъ, что онъ хотѣлъ, чтобы его вилла непрестанно напоминала ему видѣнныя имъ чудеса, но эти жалкія поддѣлки могли скорѣе оскорблять память о нихъ нежели сохранять ее. По счастью, текстъ Спартіана не вынуждаетъ насъ принимать всѣ эти преувеличенія. Въ немъ просто сказано, что императоръ построилъ себѣ дачу такъ, чтобы можно было въ ней написать названія наиболѣе прославленныхъ мѣстъ, которыя онъ посѣтилъ (ita ut in ea et provinciarum et locorum celeberrima nomina inscriberet), что позволяетъ предположить, что онъ не стоялъ за очень точныя подражанія, а большею частью довольствовался приблизительнымъ сходствомъ. Особенное снисхожденіе надо было высказать относительно мѣстностей: какимъ образомъ можно было, дѣйствительно, надѣяться воспроизвести чудеса природы въ маленькой равнинѣ, что тянется у подножія Тибура! Съ памятниками было легче и, напримѣръ, Пойкилъ могъ быть воспроизведенъ довольно точно. Однако можно предположить, что эта точность никогда не шла очень далеко. Доме замѣчаетъ, что въ развалинахъ всѣхъ этихъ Лицеевъ, Гимназій, Пританеевъ, то есть всѣхъ этихъ греческихъ памятниковъ, которые архитекторъ претендовалъ копировать, вездѣ находятъ римскіе своды: не служитъ ли это доказательствомъ, прибавляетъ онъ, что мастеръ не гнался за тщательной вѣрностью и что сохранивъ за этими зданіями ихъ чужеземное названіе онъ пригналъ ихъ ко вкусу своего времени и къ обычаямъ своей страны?

Изъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей, перечисленныхъ Спартіаномъ, многихъ невозможно различить, такъ какъ теперь все это лишь развалины. Однако есть три изъ нихъ, въ которыхъ можно быть почти увѣреннымъ, и онѣ-то и позволяютъ намъ судить объ остальномъ: это долина Темпейская, Пойкилъ и Канопъ.

Относительно долины Темпейской не можетъ быть сомнѣнія: невозможно найти ей другое мѣсто, чѣмъ это своего рода пониженіе, отдѣляющее виллу отъ горъ, на которыхъ поднимается Тиволи. Итакъ, она была расположена на сѣверо-восточной сторонѣ, вдоль маленькаго ручья, называемаго археологами Пенеемъ. Несомнѣнно, тамъ не было ни Олимпа, ни Пеліона, ни Оссы, ни тѣхъ остроконечныхъ скалъ, о которыхъ говоритъ Титъ Ливій, „на вершинѣ коихъ и глаза, и душа преисполняются нѣкотораго рода головокруженіемъ“; ни вѣковыхъ лѣсовъ, „до коихъ не хватаетъ человѣческій глазъ“, которые придаютъ подлинной Темпейской долинѣ смѣсь величія и прелести, восхищающихъ всякаго путешественника. Величіе далеко не то, но прелесть сохранена. Маленькая равнина отъ природы не была лишена извѣстнаго очарованія; ее гуще засадили растительностью, сдѣлали ее мѣстомъ пріятныхъ прогулокъ, и такъ какъ въ аллеяхъ тамъ была тѣнь и прохлада, и очень пріятно было отдыхать тамъ у ручья подъ развѣсистыми деревьями, вспоминая при этомъ счастливыя минуты, проведенныя въ осмотрѣ прекрасной долины Ѳессаліи, то и рѣшились дать ей ея имя. Со стороны виллы, противъ равнины, простирались большія террасы, которыя видны еще и теперь, съ портиками и мраморными бассей-

нами, надъ всей долиной возвышался обширный павильонъ, поддерживаемый колоннами и примыкавшій сзади къ Piazza d'oro; оттуда по отлогимъ склонамъ спускались къ цвѣтникамъ. Ото всего сохранились лишь развалины, но мѣстность и теперь еще прелестна. Въ расщелинахъ камней выросли могучія оливковыя деревья. Когда сидишь послѣ полудня подъ однимъ изъ такихъ деревьевъ съ угловатымъ стволомъ, вѣтви котораго принимаютъ причудливыя формы, передъ глазами внизу цѣлый зеленый коверъ зелени, выше изящныя колокольни Тиволи и большія современныя виллы, обвитыя лозой, на столбахъ изъ бѣлаго камня, похожія на портики; трудно не поддаться красотѣ зрѣлища, и долина кажется такой привлекательной, что легко прощаешь сумасбродному императору, что онъ далъ ей такое громкое имя!

Пойкилъ обращенъ, какъ разъ наоборотъ, на западъ, противъ Рима. Если направиться въ эту сторону, придешь къ обширной площади, гдѣ почва сравнена помощью значительныхъ подземныхъ основаній. Чтобы ничто не пропадало, архитекторъ, согласно обычаю, построилъ въ самыхъ подвальныхъ зданіяхъ жилища въ нѣсколько этажей, различной величины и вида, обыкновенно называемыя сто камеръ, Cento Camerelle. Лигоріо, представлявшій себѣ Цезарей, какъ современныхъ ему царей, и воображавшій, что они никуда не отправлялись не сопутствуемые своими солдатами, сдѣлалъ предположеніе, что эти помѣщенія предназначались для императорской гвардіи, и другіе археологи приняли это мнѣніе. Въ дѣйствительности римскіе императоры, въ особенности прочно утвердившіеся и не боявшіеся непредвидѣнной революціи, не водили съ собой войско и такъ какъ на ихъ дачахъ обыкновенно было больше рабовъ, чѣмъ солдатъ, естественно думать, что сто камеръ, изъ которыхъ хотѣли сдѣлать казармы преторіанцевъ, были попросту помѣщенія для служителей. Тянувшаяся надъ нижними постройками терраса замыкалась огромнымъ прямоугольнымъ портикомъ, посрединѣ котораго находился большой бассейнъ, нѣкоторые остатки котораго еще видны и теперь. Одна изъ сторонъ портика уцѣлѣла. Это стѣна изъ кирпичей въ 10 метровъ высоты и въ 230 метровъ длины. Она одна стоитъ крѣпко среди груды всѣхъ этихъ развалинъ. Когда съ трудомъ пробравшись между грудами наваленныхъ обломковъ, между остатками разбросанныхъ колоннъ, вдругъ сразу очутишься передъ этой нетронутой стѣной, удивленіе равняется восхищенію. Является вопросъ, по какой счастливой и странной случайности ее не постигла общая съ другими судьба, и что уберегло ее отъ паденія, которому она, повидимому, подвергалась еще болѣе благодаря самой своей высотѣ и длинѣ. Не остается сомнѣнія, что портикъ этотъ тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Спартіанъ подъ именемъ Пойкила, подражаніе одному аѳинскому памятнику. Аѳинскій Пойкилъ, знакомый намъ по описаніямъ Павзанія, былъ особенно знаменитъ картинами Полигнота. Онъ въ нихъ изобразилъ славныя событія, между прочимъ, побѣду Тезея надъ Амазонками и битву при Мараѳонѣ. Отъ нихъ не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ. Такъ

какъ мы не знаемъ, былъ ли Адріанъ вѣрнымъ подражателемъ, трудно сказать, до какой степени копія можетъ дать точное понятіе о подлинникѣ. Несомнѣнно одно: легко представить, что такое долженъ былъ быть Пойкилъ Тибура. Съ двухъ сторонъ такъ хорошо сохранившейся стѣны поднимались колонны, отъ которыхъ уцѣлѣли только нѣкоторые цоколи. Онѣ поддерживали изящную крышу и образовывали два портика, сообщавшіеся черезъ дверь, существующую и теперь. Этотъ двойной портикъ былъ такъ расположенъ, что одна изъ переднихъ сторонъ оставалась всегда въ тѣни въ то время, когда другая была на солнцѣ, такъ что тамъ можно было гулять во всякое время года и во всѣ часы дня: стоило перейти на другую сторону, смотря по часамъ, чтобы всегда найти тамъ тепло зимой и прохладу лѣтомъ. Стѣна, вѣроятно, была покрыта живописью, и живопись эта должна была представлять копіи съ Полигнота. Время уничтожило ихъ всѣ; но оно не могло лишить эту простую кирпичную стѣну ея величія и крѣпости. Это несомнѣнно однѣ изъ самыхъ прекрасныхъ римскихъ развалинъ, сохранившіяся до насъ, и восхищеніе, какое испытываешь, когда смотришь на нихъ, еще увеличивается при мысли о греческомъ шедеврѣ, послѣднюю память котораго они сохраняютъ, напоминая его.

Немного далѣе по тому же направленію достигаешь до небольшой по размѣрамъ долины, болѣе длинной чѣмъ широкой, которую археологи, согласно свидѣтельству Спартіана, всѣ называютъ Канопомъ. Это имя, подобно многимъ другимъ, было дано не безъ основанія. На одномъ, найденномъ въ долинѣ кирпичѣ, думали, что разобрали слѣдующія слова, послѣ чего, если только это чтеніе вѣрно, не оставалось бы никакого сомнѣнія: Delicia Canopi. Сейчасъ мы были въ Аѳинахъ и осматривали Пойкилъ; причудливая фантазія императора разомъ переноситъ насъ въ Египетъ.

Надо думать, что Египетъ былъ одной изъ странъ, наиболѣе поразившихъ Адріана въ его путешествіяхъ. Нельзя было безъ особаго удивленія видѣть этотъ странный край, отдѣленный отъ остального міра и преданіями, и обычаями, и языкомъ, и богами. Съ тѣхъ поръ, что римляне стали владыками вселенной, большинство народовъ отреклось отъ своихъ законовъ и обычаевъ, чтобы принять законы и обычаи побѣдителей; Египетъ при всѣхъ перемѣнахъ правленія оставался вѣренъ своему прошлому. Греческіе завоеватели, пришедшіе править имъ, префекты, которыхъ посылалъ Римъ, не внесли никакого измѣненія въ его обычаи. Подвластный въ теченіе болѣе шести вѣковъ чужеземному владычеству, онъ продолжалъ жить по своему, строя храмы какъ во времена Сезостриса и украшая ихъ іероглифами, въ которыхъ его побѣдители ничего не понимали. Эта страна, не похожая ни на какую другую, странная уже по самой своей природѣ, стала еще гораздо болѣе странной, когда застыла въ своей старой цивилизаціи. Поэтому всѣ эти скучающіе богачи, искавшіе новыхъ зрѣлищъ и желавшіе хоть на минуту избавиться отъ всеобщаго однообразія, были счастливы попутешествовать въ этомъ уголкѣ вселенной, не похожемъ ни на что. Они

непремѣнно отправлялись посмотрѣть на памятники фараоновъ, полюбоваться на пирамиды, послушать, какъ Мемнонъ привѣтствуетъ зарю, и начертать свое имя съ разными благодареніями на пьедесталѣ или на ногѣ колосса. Возвратившись къ себѣ, они просили ваятелей или художниковъ воспроизвести то, чѣмъ они передъ тѣмъ восхищались. Такимъ образомъ въ искусствѣ того времени распространился ложный египетскій вкусъ, породившій нѣсколько хорошихъ произведеній и много нелѣпыхъ подражаній. Отъ знатныхъ людей этотъ вкусъ перешелъ къ другимъ классамъ: на стѣнахъ людей средняго сословія въ Помпеѣ любили изображать неправдоподобныя мѣстности, съ пальмами, ибисами и крокодилами, которые могли дать какое-нибудь понятіе объ этомъ странномъ краѣ людямъ, никогда его не видавшимъ.

Адріанъ, подобно другимъ, посѣтилъ Египетъ, и неудивительно, что этотъ проницательный и любознательный умъ былъ болѣе пораженъ имъ, чѣмъ кто-либо. Исторія Августовъ передаетъ объ одномъ письмѣ, написанномъ имъ изъ Александріи зятю его Сервіану; характеръ этого большого торговаго города, гдѣ сходились всѣ народы Востока, подмѣченъ въ немъ очень тонко. Въ злыхъ выраженіяхъ онъ описываетъ дѣятельность этого дѣлового люда въ погонѣ за наживой. „Никто тамъ не живетъ въ бездѣйствіи, — говоритъ онъ. — Одни изготовляютъ стекло, другіе — бумагу, иные прядутъ ленъ. У каждаго тамъ свое дѣло, своя профессія. Даже слѣпые, хромые, подагрики и тѣ находятъ себѣ занятіе. У нихъ у всѣхъ одинъ богъ — деньги (unus

illis deus nummus est); ему одному поклоняются христiане, евреи и всѣ остальные“. Какъ это случается во всѣхъ промышленныхъ городахъ, гдѣ счастье такъ перемѣнчиво, старались поскорѣе насладиться благами, которыя можно было такъ быстро утратить, и предавались удовольствіямъ съ тѣмъ же пыломъ, что и дѣламъ. Мѣстомъ развлеченій для александрійцевъ, куда они отправлялись разсѣяться послѣ своихъ занятій и облегчить карманы отъ денегъ, былъ городъ Канопъ, расположенный въ пяти или шести миляхъ отъ Александріи. Въ Канопѣ былъ знаменитый храмъ Сераписа, куда стекались со всего Египта. Каждый вечеръ святилище было полно людей, пришедшихъ просить у бога исцѣленія отъ своихъ болѣзней или излеченія своихъ друзей. Послѣ горячихъ молитвъ они ложились спать въ храмѣ и во снѣ получали лѣкарство, которое должно было избавить ихъ отъ ихъ немощей. Но большей частью здоровье было только предлогомъ; отправлялись въ Канопъ, какъ въ наши дни отправляются на воды,—больше для развлеченія, чѣмъ для лѣченья. Путешествіе дѣлалось по каналу въ пять миль длины, по которому непрестанно двигались небольшія лодки, загнутыя на носу и на кормѣ и имѣвшія по серединѣ нѣчто въ родѣ ящика, довольно похожее на ящики венеціанскихъ гондолъ. Движеніе не прекращалось; день и ночь раздавались по водѣ любовныя пѣсни Египта, извѣстныя въ цѣломъ мірѣ. По обѣимъ сторонамъ канала возвышались гостиницы, въ изобиліи снабженныя всѣмъ, что могло возбуждать радость и удовлетворять желанія. Тамъ останавливались, чтобы пить Марео-

тисское вино, возбуждавшее легкое и веселое опьяненіе, и по окончаніи пиршества, подъ звукъ флейтъ начинались танцы въ виноградныхъ бесѣдкахъ, или подъ тѣнью деревьевъ. Такъ, не торопясь, доѣзжали до Канопа, гдѣ находили еще больше развлеченій, чѣмъ въ дорогѣ. Все тутъ было сдѣлано для удовольствій, и нельзя было представить себѣ болѣе чарующее мѣстопребываніе. „Это была точно греза, — говоритъ одинъ современный писатель, — и чувствовали себя тамъ словно перенесеннымъ въ иной міръ".

Адріанъ, желавшій, чтобы его тибуртинская вилла напоминала ему то, что онъ видѣлъ самаго поразительнаго въ своихъ путешествіяхъ, отнюдь не могъ забыть про Канопъ. Согласно своему обыкновенію, онъ не постарался воспроизвести точно египетскій городъ: это было бы невозможно на такомъ маленькомъ пространствѣ; онъ удовольствовался, вѣроятно, крайне отдаленнымъ сходствомъ. Въ глубинѣ долины нѣкотораго рода обширная ниша или глубокая абсида, украшенная съ большимъ великолѣпіемъ, служила одновременно и храмомъ и запаснымъ водоемомъ. Въ центрѣ абсиды, въ углубленіи, должна была стоять статуя Сераписа, главнаго божества Канопа. По боковымъ стѣнамъ, въ меньшихъ нишахъ, находились другіе египетскіе боги. Можетъ быть, это тѣ статуи, которыя были найдены среди обломковъ въ долинѣ и собраны въ ватиканскомъ музеѣ. Изъ всѣхъ угловъ зданія въ изобиліи текла вода. Она сбѣгала по мраморнымъ ступенямъ или стекала каскадомъ изъ бассейна въ бассейнъ, которые находились одинъ надъ другимъ, и затѣмъ падала въ большой полукруглый водоемъ. Своего рода мостъ или переходъ, перекинутый черезъ бассейнъ и украшенный колоннами, поддерживавшими сводъ, позволялъ переходить съ одного берега на другой, чтобы видѣть вблизи каскады. Вода протекала подъ нимъ и вливалась въ каналъ, занимавшій всю середину долины. Этотъ каналъ, прорытый въ туфѣ, имѣлъ 220 метровъ длины и 80 ширины. Изящныя лодки, сдѣланныя навѣрно по образцу александрійскихъ гондолъ, стояли наготовѣ для императора и его друзей, и на набережной до сихъ поръ видны остатки лѣстницы, куда причаливали за ними гребныя судна для прогулки по каналу. На одной сторонѣ берега нашли развалины залъ, до двадцати по счету, въ два этажа, защищенныя прекраснымъ портикомъ. Это, быть можетъ, были воспроизведенія тѣхъ манящихъ къ нѣгѣ гостиницъ, гдѣ путникъ, направлявшійся въ Канопъ, былъ такъ счастливъ остановиться. Очень вѣроятно, что эти гостиницы виллы Адріана дѣлали все, отъ нихъ зависѣвшее, чтобы заслужить славу, какая была пріобрѣтена первыми. Можно себѣ представить, что тамъ происходило, если припомнить, что Адріанъ любилъ удовольствія со страстью и никогда не пытался это скрывать. Быть можетъ, Маркъ-Аврелій намекалъ позднѣе именно на эти развращающія зрѣлища, когда упоминалъ объ опасностяхъ, угрожавшихъ его добродѣтели въ дни его юности, при чемъ онъ благодарилъ боговъ, что „они излѣчили его отъ любовныхъ страстей, которымъ онъ одно время поддался".

Изъ перечисленныхъ Спартіаномъ частей виллы

это единственныя, сохранившіяся до нашихъ дней, и на которыя можно указать съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ; такимъ образомъ мы еще обладаемъ тѣмъ и можемъ осматривать то, что капризный императоръ называлъ своей Темпейской долиной, своимъ портикомъ Пойкила и „своими прелестями" Канопа. Это уже есть нѣчто, но мы можемъ, не компрометируя себя, итти и дальше. Въ этихъ грудахъ развалинъ должны находиться покои, которыхъ императоръ никакъ не могъ не выстроить, уступая требованіямъ своего положенія или заботясь о своемъ комфортѣ и удовольствіяхъ, что вытекало изъ самыхъ его потребностей и вкусовъ, а потому не надо слишкомъ большой смѣлости, чтобы искать ихъ.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что онъ оставилъ себѣ часть этого обширнаго дворца для потребностей своей личной жизни: царь пожилыхъ лѣтъ, больной, строившій себѣ съ такой заботливостью пріютъ на старость лѣтъ, долженъ былъ, прежде всего, думать о своихъ удовольствіяхъ и удобствахъ. Но гдѣ можно предположить мѣсто его частнаго жилища? Со временъ Лигаріо именемъ Palazzo imperiale обозначали развалины, простирающіяся съ западной стороны вдоль Темпейской долины. Доме счелъ нужнымъ отвести ему другое мѣсто. Онъ считался съ тѣмъ, что на виллахъ, куда богатые римляне укрывались во время лѣтнихъ жаровъ. равно какъ и на сохранившихся еще отъ итальянскаго возрожденія, жилое помѣщеніе всегда устроено надъ добавочными постройками, на самомъ высокомъ мѣстѣ участка. Дѣйствительно, вполнѣ естественно, что господинъ хотѣлъ владычествовать надъ равниной и наслаждаться видомъ самымъ широкимъ и самымъ разнообразнымъ. Если такъ же дѣло обстояло и на виллѣ Адріана, частное жилище царя слѣдуетъ искать нѣсколько далѣе къ югу, на площади, гдѣ, какъ предполагаетъ Лигоріо. онъ открылъ Академію, а Канина Гимназію, и Доме, не задумываясь относитъ его къ этому мѣсту. Раскопки, произведенныя за послѣдніе годы, не оправдали его предположеній. Копая на мѣстѣ, указанномъ Лигоріо, открыли комнаты средней величины съ коридорами и портиками, размѣры которыхъ напоминаютъ коридоры и портики прекрасныхъ домовъ Помпеи. Это несомнѣнно жилище, приспособленное для обычной жизни; а такъ какъ оно въ то же время достаточно великолѣпно и совсѣмъ близко отъ большихъ пріемныхъ покоевъ, можно думать, что императоръ построилъ его для себя. Поэтому возможно, что Лигоріо не ошибался, помѣщая подлѣ Темпейской долины Palazzo imperiale, то-есть частное жилище царя.

Послѣ комнаты, предназначавшейся для ночного отдыха, римлянинъ и грекъ считали самой необходимой для своего существованія ванную. Поэтому и на виллѣ Тибура не преминули выстроить ванныя комнаты и бани; онѣ требовались для царя, для его друзей и служителей. То же назначеніе приписываютъ обыкновенно круглой комнатѣ, находящейся между частными покоями и Пойкиломъ, быть можетъ, самое любопытное и роскошное изъ всего, что нашли на виллѣ. Фундаментъ ея довольно хорошо сохранился, такъ что можно безъ боль-

шого труда возстановить ея планъ. Круглый портикъ, поддерживаемый колоннами изъ стараго желтаго мрамора, обломки котораго мѣстами покрываютъ землю, окружаетъ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ ручьевъ, которые древніе называли еврипами. Каналъ, куда должна была вытекать вода, весь выложенный бѣлымъ мраморомъ, имѣетъ около пяти метровъ въ ширину и немного больше метра въ глубину. Пространство, занимаемое ручейкомъ, образуетъ родъ острова, соединеннаго мраморнымъ мостомъ съ внѣшнимъ портикомъ. Вслѣдствіе причуды, впрочемъ не лишенной граціи, въ центрѣ круглаго острова находится четыреугольный дворъ, подобный атріуму римскаго дома. Маленькія закругленныя комнаты, открытыя на еврипъ ниши, откуда текла вода фонтановъ, занимаютъ неравные сегменты, простирающіеся между прямоугольникомъ двора и круглой фигурой канала. Ничто такъ не пріятно и такъ не оригинально для глазъ, какъ всѣ эти искусныя комбинаціи. Полъ въ комнатахъ и земля на дворѣ и въ портикѣ покрыты обломками мрамора. Тутъ нашли множество остатковъ колоннъ, осколки барельефовъ съ изображеніями морскихъ чудовищъ, тритоновъ, нереидъ, маленькихъ амуровъ верхомъ на иппокампахъ. Каково могло быть назначеніе этого прекраснаго зданія, выстроеннаго съ такой изысканностью? Ниббій думаетъ, что это бассейнъ и называетъ его нататоріумомъ. Но Блондель повидимому установилъ, что это былъ уединенный пріютъ, выстроенный императоромъ по серединѣ самого дворца. Онъ его построилъ по плану обыкновенныхъ домовъ, но со всякаго

рода нововведеніями и причудами. Это былъ островъ, сообщавшійся съ другими помѣщеніями только двумя подъемными мостами, которые опускались, когда хотѣлось остаться одному. Трудно себѣ представить другое мѣсто, гдѣ бы можно было лучше отдохнуть въ знойные лѣтніе дни, чѣмъ въ этихъ изящныхъ залахъ, среди роскоши тонкаго искусства, подлѣ этого еврипа, неслышно катившаго свои воды по мраморному руслу, подъ тихое журчаніе чуть плескавшихъ фонтановъ.

Неподалеку отъ жилища царя находились пріемные покои. Надо думать, что Адріанъ, старавшійся при постройкѣ этой виллы показать свою любовь къ уединенію, не отказывался отъ исполненія до конца своихъ обязанностей, какъ императора. Какъ бы многочисленны ни были друзья царей, не для друзей только были выстроены эти огромныя залы, составляющія и теперь еще предметъ нашего удивленія. Особенно великолѣпны онѣ подлѣ palazzo imperiale вдоль Темпейской долины. Это часть, спеціально изученная Доме и которую онъ пытался возстановить въ томъ видѣ, какъ она была послѣ смерти Адріана. Чтобы достичь главныхъ залъ, надо было пройти черезъ длинный рядъ различныхъ зданій, которыя должны были производить большое впечатлѣніе на посѣтителя. Осьмиугольныя сѣни вели въ одинъ изъ тѣхъ дворовъ, которые римляне называли перистилями. На виллѣ было много сѣней, но эти должны были быть обширнѣе и великолѣпнѣе другихъ. Тутъ нашли столько богатѣйшихъ остатковъ, что архитекторы, производившіе ихъ очистку, дали имъ названіе Piazza d'oro. Они были окружены портикомъ съ колоннами изъ восточ-

наго гранита, вымощены розовымъ мраморомъ, и статуи—думаютъ, что найдены ихъ подставки—дополняли великолѣпіе украшенія. Въ глубинѣ перистиля, противъ осьмиугольныхъ сѣней, возвышалась обширная зала, увѣнчанная куполомъ и оканчивавшаяся полукруглой абсидой. По четыремъ угламъ зала находятся ниши, получавшія свѣтъ сверху. Доме полагаетъ, что онѣ были сдѣланы для помѣщенія въ нихъ статуй, и стараніе, которое было приложено для лучшаго ихъ освѣщенія, позволяетъ думать, что это должны были быть произведенія знаменитыхъ художниковъ. Извѣстно, что такое выгодное расположеніе, дающее возможность лучше пользоваться образцовыми произведеніями искусства, было воспроизведено во дворѣ Бельведера въ Ватиканѣ. Такое великолѣпіе повидимому указываетъ, что эта прекрасная зала и перистиль передъ нею предназначались для императорскихъ аудіенцій, и что тамъ царь принималъ посланныхъ отъ городовъ и провинцій, приходившихъ къ нему. Къ этимъ офиціальнымъ комнатамъ, гдѣ Адріанъ отправлялъ свои императорскія обязанности, можно отнести также и довольно хорошо сохранившуюся залу, черезъ которую проходятъ, когда идутъ изъ нататоріума въ Пойкилъ. Въ ней видѣли то храмъ, то мѣсто собранія философовъ (schola stoicorum); Адріанъ не достаточно любилъ философовъ, особенно стоиковъ, чтобы строить для нихъ такое великолѣпное зданіе. Мы, скорѣе, склонны видѣть въ ней базилику, ибо она походитъ на базилику, найденную на Палатинѣ. Мы знаемъ, что Траянъ имѣлъ обыкновеніе собирать на своей виллѣ ста камеръ (centum celloe) своего рода частный совѣтъ, состоявшій изъ сенаторовъ и должностныхъ лицъ, чтобы судить съ ними дѣла, рѣшеніе которыхъ онъ оставилъ за собою. Обыкновенно это были дѣла щекотливыя, касавшіяся военачальниковъ его арміи или его домашнихъ. Днемъ слушали рѣчи адвокатовъ и читали приговоры; вечеромъ императоръ допускалъ судей къ своему столу и послѣ обѣда отдыхали за пріятными бесѣдами, или смотрѣли игру мимовъ и актеровъ. Если Адріанъ слѣдовалъ примѣру Траяна, что довольно правдоподобно (ибо онъ былъ большой другъ правосудія), если онъ созывалъ у себя на виллѣ такого рода суды, засѣданія ихъ, вѣроятно, происходили тутъ.

Не надо забывать, наконецъ, что Адріанъ былъ не только безупречный императоръ, старавшійся точно исполнять обязанности, требовавшіяся его положеніемъ, но также и тонко образованный человѣкъ, что онъ имѣлъ большую склонность къ духовнымъ удовольствіямъ и очень любилъ подражать грекамъ. Надо полагать, что такіе вкусы стараго царя несомнѣнно оставили нѣкоторые слѣды на виллѣ, имъ построенной. Тамъ нашли подлѣ Пойкила довольно хорошо сохранившееся ристалище съ очень значительными службами: всѣ императоры, любившіе Грецію, выражали страсть къ играмъ атлетовъ, въ родѣ того, какъ въ прошломъ вѣкѣ наша знать, не желавшая отставать отъ моды англійской аристократіи, только и говорила всегда что о лошадяхъ да о жокеяхъ. Для сценическихъ представленій было еще лучшее устройство; на виллѣ имѣется, по крайней мѣрѣ, три театра.

Одинъ, повидимому, одеонъ; другой, наиболѣе сохранившійся изъ всѣхъ, который находится на мѣстѣ, гдѣ теперь входъ на виллу, имѣетъ передъ собой большую четыреугольную площадь, долженствовавшую служить мѣстомъ прогулокъ для зрителей. Нѣкоторыя подробности стройки навели на мысль, что это былъ греческій театръ. Латинскій театръ нѣсколько выше, со стороны Темпейской долины. Теперь онъ крайне попорченъ, но говорятъ, что въ прошломъ столѣтіи можно еще было видѣть мраморныя украшенія оркестра и подставки статуй, украшавшихъ подій. Надо сознаться, что такое обиліе театровъ поражаетъ въ вѣкъ, когда драматическое искусство такъ мало процвѣтало. Еще можно бы понять существованіе греческаго театра: такой образованный царь, какъ Адріанъ, имѣвшій вкусъ къ тонкимъ вещамъ, могъ любить смотрѣть тамъ пьесы Менандра. Этотъ великій поэтъ, такъ хорошо знавшій жизнь и такъ тонко ее описывавшій, хранилъ все свое обаяніе на изящное изысканное общество; его изучали въ школахъ, его читали въ высшемъ обществѣ, и мы знаемъ, что его играли въ Неаполѣ въ первомъ вѣкѣ. Но что же могли представлять въ латинскомъ театрѣ на виллѣ Тибура? Можно ли предположить, что тамъ давали Плавта, Цецилія, Теренція? Такое возвращеніе къ поклоненію старымъ авторамъ было тогда довольно въ модѣ: Адріанъ похвалялся, что предпочитаетъ Эннія Виргилію, а Фронтонъ въ своей перепискѣ по всякому поводу говоритъ о старыхъ ателланскихъ драмахъ; но одно дѣло восхищаться древними писателями въ своемъ кабинетѣ или цитировать

ихъ въ своихъ писаніяхъ, и другое изображать ихъ на сценѣ передъ людьми, которые съ трудомъ ихъ понимаютъ. Быть можетъ, императоръ, чтобы прослыть за покровителя литературы, открывалъ гостепріимство въ своемъ загородномъ театрѣ рѣдкимъ произведеніямъ какихъ-нибудь немногихъ талантливыхъ писателей Обыкновенно это были довольно слабыя подражанія греческому театру, написанныя для великосвѣтскихъ гостиныхъ, и которыя не могли имѣть никакого успѣха у настоящей публики. Быть можетъ также Адріанъ. ставшій подъ старость угрюмымъ и искавшій развлеченій, призывалъ къ себѣ на виллу актеровъ народныхъ театровъ и заставлялъ ихъ играть ему двѣ пантомимы, очень забавлявшія тогда римскую чернь; одна изображала приключенія начальника шайки воровъ, который сцѣпляется съ полиціей и издѣвается надъ людьми, пытающимися забрать его; другая —любовника, накрытаго внезапно возвратившимся мужемъ и вынужденнаго спрятаться въ сундукъ,—два сюжета, не перестававшіе съ тѣхъ поръ увеселять народъ, а иногда также и людей развитого ума.

Внѣ всякаго сомнѣнія, на виллѣ Адріана были библіотеки, вѣроятно одна греческая и одна латинская. Ихъ, предположительно, видятъ въ двухъ зданіяхъ, стоящихъ рядомъ и гдѣ по нѣскольку комнатъ въ каждомъ. Единственная причина, по которой такъ думали, та, что они расположены по правиламъ Витрувія, желавшаго, чтобы книги получали свѣтъ съ востока. Надъ однимъ изъ этихъ зданій возвышалась трехъэтажная башня, которая могла служить обсерваторіей

для царя, любителя астрологіи. Согласно обычаю эти библіотеки должны были заключать бюсты великихъ писателей наряду съ ихъ произведеніями. Нѣкоторое количество ихъ нашли въ окрестностяхъ Тиволи; изъ нихъ по крайней мѣрѣ одинъ съ виллы Адріана; на каждомъ короткая надпись, характеризующая то лицо, чьи черты онъ воспроизводитъ. Надъ мудрымъ Солономъ читаемъ слова: „Ничего лишняго". Осторожный Питтакъ учитъ насъ, что „надо пользоваться случаемъ", а меланхоличный Діасъ, что „люди въ громадномъ большинствѣ злы". Обычай украшать библіотеки портретами великихъ людей существовалъ уже со временъ Цицерона. Опечаленный, утратившій бодрость, охваченный предчувствіемъ конца республики при видѣ того, что наиболѣе безчестные люди достигали первыхъ почестей, онъ искалъ прибѣжища въ занятіяхъ, жилъ среди книгъ и писалъ своему другу Аттику: „Я предпочитаю сидѣть у васъ на маленькой скамеечкѣ подъ изображеніемъ Аристотеля, чѣмъ въ ихъ курульныхъ креслахъ".

Мы не сомнѣваемся также, что на виллѣ Тибура должна была быть зала для публичныхъ чтеній. Адріанъ очень ихъ любилъ. Онъ построилъ въ Римѣ А ѳ и н е й, гдѣ риторы и поэты декламировали свои произведенія. Вполнѣ вѣроятно, что онъ не забылъ одарить какимъ-нибудь подобнымъ зданіемъ и свою дачу, гдѣ у него было больше досуга и гдѣ онъ могъ, сколько хотѣлъ, слушать своихъ любимыхъ писателей. Къ несчастію, невозможно было до сихъ поръ открыть его среди всѣхъ этихъ развалинъ, равно какъ и Лицей и Академію. Быть можетъ, для

этого употребленія пользовались маленькимъ театромъ, немногіе остатки котораго нашли въ концѣ виллы, и который археологи называютъ о д е о н о м ъ. Согласно Гезихію одеонъ предназначался для упражненій рапсодовъ и для музыкантовъ, игравшихъ на цитрѣ; естественно, что имъ пользовались также и для публичныхъ чтеній, и дѣйствительно, по одному любопытному мѣсту у Горація можно заключить, что именно въ театрахъ собирались, чтобы послушать произведенія знаменитыхъ ораторовъ. Онъ говоритъ Меценату, желая объяснить враждебное къ нему отношеніе, что причиной его было то, что ему не прощали его отказа читать передъ публикой свои произведенія. Въ тотъ самый моментъ, когда Полліонъ только что изобрѣтаетъ эти литературныя празднества, когда весь Римъ, не зная на что употребить свой досугъ, бросается на нихъ, онъ словно осуждаетъ ихъ, не желая принять въ нихъ участіе. У него же одна причина: его отталкиваетъ мысль выставлять себя на показъ „въ театрѣ" передъ собравшейся толпой.

Spissis indigna theatris
Scripta pudet recitare.

Но другіе этимъ не смущались; Овидій любитъ напоминать, что въ молодости онъ читалъ „передъ народомъ" свои любовные стихи, и намъ передаютъ, что когда Стасъ удостаивалъ обѣщаніемъ, что въ такой-то день будетъ читать свою поэму, онъ тѣмъ самымъ осчастливливалъ „городъ". Хотя должно принимать въ расчетъ долю преувеличеній поэтовъ, „городъ" и „народъ"

означали очень многочисленныя собранія, которыя не могли бы помѣститься въ обыкновенныхъ залахъ, и возможно, что и тутъ рѣчь идетъ опять объ тѣхъ переполненныхъ театрахъ (spissa theatra), о которыхъ говорилъ Горацій. Даже когда чтенія привлекали меньшее количество народу, и приходилось отводить для нихъ болѣе скромныя залы, разъ что это не были настоящіе театры, онѣ должны были, по крайней мѣрѣ, имѣть ихъ видъ. Ювеналъ очень жалѣетъ бѣдныхъ авторовъ, которые, чтобы стать извѣстными, брали напрокатъ у какого-нибудь знатнаго вельможи старую гостиную, ни къ чему не пригодную, и меблировали ее на свой счетъ; изъ употребляемыхъ имъ выраженій видно, что они ее устраиваютъ такъ, чтобы былъ оркестръ и ступени, то-есть то, что именно характеризуетъ театръ. Оркестръ, откуда лучше видно и гдѣ лучше слышно, предназначается для важныхъ лицъ; надо его снабдить удобными креслами для того, чтобы, чувствуя въ нихъ себя пріятнѣе, они были бы болѣе расположены къ одобренію. На ступеняхъ тѣснятся простолюдины, безвѣстные друзья, кліенты, облагодѣтельствованные, всѣ тѣ, которыхъ приглашаютъ, чтобы пополнить число и для аплодисментовъ: это шумная часть аудиторіи. Важныя особы, занимающія мѣста въ оркестрѣ, выражаютъ свое одобреніе чуть слышнымъ шопотомъ, друзья послѣднихъ рядовъ должны кричать и стучать ногами, чтобы выражать свое восхищеніе. Противъ входа на своего рода возвышенной трибунѣ, какъ на тронѣ, мѣсто лектора. Сюда онъ приходитъ и садится съ скромнымъ видомъ, „хорошо причесанный, говоритъ

Персъ, промочивъ горло какимъ-нибудь мягчительнымъ питьемъ, облаченный въ новую тогу, съ пальцами покрытыми кольцами, и посматривая на присутствующихъ ласковымъ взглядомъ“. Если онъ читаетъ пріятно, если онъ выбралъ хорошую аудиторію, если у него въ оркестрѣ имѣются рѣшительные друзья, а на ступеняхъ здоровые кліенты, его первыя слова будутъ встрѣчены милостиво, ропотъ одобренія скоро перейдетъ въ аплодисменты и, какъ это случается въ подобныхъ хорошо подготовленныхъ собраніяхъ, слушатели, возбуждая одинъ другого, не замедлятъ начать приходить въ восторгъ. Вотъ какимъ образомъ въ тѣ времена такъ часто обманывались на счетъ дѣйствительнаго достоинства различныхъ произведеній и привѣтствовали, какъ чудо, долженствовавшее остаться навсегда, произведенія пріятныя и малосодержательныя, успѣхъ которыхъ не могъ длиться. Было бы очень интересно найти одну изъ залъ, гдѣ происходили эти маленькія сцены. Неизвѣстно, удастся ли открыть какой либо ихъ слѣдъ на виллѣ Тибура. Во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что она будетъ похожа на тотъ одеонъ, о которомъ я только-что говорилъ, и навѣрно окажется театромъ въ маломъ видѣ.

Для полноты намъ остается только заняться еще Преисподней, такъ какъ было также ея воспроизведеніе и на виллѣ Тибура. Адріанъ, какъ передаетъ намъ его біографъ, хотѣлъ ее тамъ помѣстить, чтобы все было налицо. Ни въ чемъ не сомнѣвающіеся археологи старались отыскать ея мѣстонахожденіе, но это будетъ крайне трудно, покуда не станетъ извѣстнымъ, по какому об-

разцу строилъ ее императоръ. Было ли это произведеніе личной фантазіи, или онъ руководствовался описаніями шестой книги Энеиды? Это намъ неизвѣстно. Но любопытно и многозначительно то, что ему пришла мысль помѣстить Тартаръ и Элизіумъ на своей дачѣ. Не служитъ ли это доказательствомъ, что его современниковъ страннымъ образомъ начинала занимать мысль о будущей жизни? Что касается его самого, не думается, чтобы это его слишкомъ мучило. Этотъ проницательный политикъ, этотъ остроумный скептикъ былъ не изъ тѣхъ, на которыхъ мистическія религіи Востока и новыя пробуждаемыя ими въ мірѣ чудеса могли оказывать большое впечатлѣніе. Говорятъ, что онъ настолько владѣлъ собой, когда почувствовалъ приближеніе смерти, что сложилъ граціозные стишки, въ которыхъ, обращаясь „къ своей трепещущей, нѣжной душѣ“ говорилъ ей, осыпая ее странными и непереводимыми уменьшительными прозвищами: „Ты уходишь въ мѣста тусклыя, суровыя и голыя, гдѣ нельзя тебѣ будетъ предаваться твоимъ обычнымъ играмъ“. Какимъ образомъизобразилъ онъ „эти тусклыя и голыя мѣста“ на своей виллѣ? Приходится мириться съ незнаніемъ этого.

III.

Понимали ли и любили ли римляне природу?—Причины, по какимъ они оставляли городъ.—Горацій въ Тибурѣ.—Любовь всѣхъ къ деревнѣ.—Какъ въ ней жилъ Пилиній Младшій.—Его виллы.—Его сады.—Мѣстности наиболѣе любимыя древними.—Видъ, открывающійся съ Пойкила.

Только что сдѣланное описаніе виллы Адріана объясняетъ, почему ее иногда строго судили. Несомнѣнно, что ничто не похоже менѣе на дачу, какъ мы понимаемъ ее теперь. Эта роскошь построекъ, это скопленіе зданій, это ристалище, эти театры, Лицей, Академія не соотвѣтствуютъ нашимъ теперешнимъ представленіямъ. Тутъ нѣтъ ничего деревенскаго, тутъ не пахнетъ полемъ: все прикрашено, измышлено. Быть можетъ, изъ этого слѣдовало бы просто заключить, что римляне понимали деревенскія удовольствія не такъ, какъ мы, но идутъ дальше, рѣшительно заявляя, что они не любили ихъ вовсе, и вилла Тибура служитъ аргументомъ для тѣхъ, которые желаютъ утверждать, что они никогда не понимали природы и не любили ея.

Это упрекъ довольно обыкновенно дѣлаемый римлянамъ и по нашему мнѣнію упрекъ важный. Мы всѣ имѣемъ претензію любить природу безудержно; болѣе чѣмъ когда либо считается хорошимъ вкусомъ посѣщать знаменитыя мѣста, и мы сочли бы себя крайне оскорбленными, если бы насъ обвинили въ неумѣньи достаточно восхищаться ими. Среди насъ не нашлось бы ни одного смѣльчака, который рѣшился бы сказать, подобно Сократу: „Я не только не выѣзжаю изъ

моей страны, я никогда не выхожу изъ Аѳинъ; ибо я люблю поучаться: между тѣмъ деревня и поля не хотятъ ничему меня учить.“ Это признаніе, котораго стыдятся. Теперь поля и деревья стали милостивѣе, и нѣтъ ни одного человѣка, даже среди наиболѣе простыхъ и буржуазно настроенныхъ, который бы не претендовалъ много выиграть отъ бесѣдъ съ ними. Интересующіеся отмѣтили, съ какого времени такъ оживился вкусъ къ красотамъ природы; онъ зародился въ половинѣ восемнадцатаго вѣка; Руссо первый ввелъ въ моду горы, вслѣдъ за ними открыли ледники. Съ тѣхъ поръ Швейцарія, считавшаяся до тѣхъ поръ страной дикой, сдѣлалась обязательнымъ мѣстомъ паломничества для всѣхъ себя уважающихъ. Вотъ что повторяютъ ежедневно, о чемъ всюду пишутъ, чѣмъ мы очень гордимся. Мы не хотимъ сказать, что тутъ нѣтъ доли правды: несомнѣнно, чувство природы за послѣднее столѣтіе стало шире и болѣе обще; но не слѣдуетъ также ничего преувеличивать и воображать, что оно было чуждо римлянамъ. Они любили по своему и понимали природу, и не безполезно будетъ, разъ что представился случай, посмотрѣть, какъ они ее любили и понимали.

Римляне были близки къ землѣ, и деревня долго была ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ; но позднѣе ихъ сталъ тянуть къ себѣ городъ, и очень немногіе могли устоять противъ этой приманки. Знатные люди, стремившіеся къ общественнымъ должностямъ, должны были, само собой разумѣется, основаться въ городѣ, чтобы быть всегда на глазахъ своихъ избирателей. За ними послѣдовали мелкіе землевладѣльцы изъ

римскихъ окрестностей, когда нужда заставила ихъ продать свои поля захватывавшимъ все сосѣдямъ. Затѣмъ, позднѣе другихъ явились свободные работники, которыхъ желали впредь употреблять только для трудныхъ и опасныхъ работъ, гдѣ богатые боялись изнурить своихъ рабовъ. Эти бѣдные люди въ концѣ концовъ нашли слишкомъ утомительнымъ тяжелое существованіе, на какое ихъ осудили, и такъ какъ они знали, что въ городѣ получатъ прокормленіе и развлеченіе на счетъ казны, то и поспѣшили туда переселиться. Разъ они получили свою долю зерна или масла при публичныхъ раздачахъ или подаяніе у дверей богачей, когда усвоили привычку присутствовать на всевозможныхъ зрѣлищахъ, заполнявшихъ треть года, не было никакой возможности отправить ихъ обратно въ деревню. Разумные люди возмущались, видя какъ непрестанно увеличивается это населеніе бездѣльниковъ, изъ среды которыхъ нельзя было получить ни одного солдата въ минуту общественной опасности. Варронъ краснорѣчиво жалуется, что деревни обезлюдѣли съ тѣхъ поръ, какъ хлѣбопашцы одинъ за другимъ проникли въ городъ, „сильныя руки, обрабатывавшія землю, только и дѣлаютъ теперь, что аплодируютъ въ театрѣ или циркѣ.“ Но этихъ честныхъ жалобъ не слушали; разъ толчекъ былъ данъ, не могли больше остановиться. Со времени Августа вокругъ великаго города стало пусто. Деревня представляла лишь обширныя пастбища или дачи, и старые города Лаціума или сабинской земли, такъ долго служившіе благосостоянію Рима, превращались въ развалины.

Несомнѣнно пребываніе въ Римѣ должно было быть очень пріятно; тамъ находили въ изобиліи развлеченія и удовольствія всякаго рода, соотвѣтствовавшія разнымъ вкусамъ и состояніямъ. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ избѣгнуть обычнаго условія большихъ городовъ. Кипучая жизнь, которую тамъ ведутъ, въ концѣ концовъ вызываетъ нестерпимую усталость. Вѣчное напряженіе, на какое обреченъ умъ, истощаетъ его, шумъ оглушаетъ, затягивающій водоворотъ дѣлъ вызываетъ головокруженіе, трудно выносить всеобщее возбужденіе, зрѣлище котораго сначала радовало глазъ; поскольку были счастливы уйти отъ самихъ себя силой внѣшняго движенія, постольку страстно желаютъ вновь овладѣть собою и хоть на минуту принадлежать самому себѣ. Самые пустые, самые свѣтскіе люди испытываютъ страшную потребность уединенія и покоя и стараются ее удовлетворить. Мильтонъ въ прекрасныхъ стихахъ изобразилъ радость одного изъ такихъ узниковъ, который, порвавъ свои цѣпи, въ одно лѣтнее утро спасается въ деревню. Никогда луга не казались ему такъ зелены, небо такъ ясно. Онъ прислушивается ко всѣмъ звукамъ деревни; онъ съ отрадой вдыхаетъ запахъ скошенной травы; онъ наслаждается прозрачной и широкой далью горизонта, на которой отдыхаетъ глазъ, теплымъ, мягкимъ воздухомъ, которымъ такъ легко дышать. Все его поражаетъ и чаруетъ, зрѣлище, видѣнное имъ много разъ кажется ему новымъ; онъ становится чувствительнымъ къ красотамъ, которыхъ никогда не замѣчалъ, хотя онѣ всегда были передъ его глазами; онъ открылъ деревню. Намъ кажется, что таковы были впечатлѣнія многихъ римлянъ, имѣвшихъ смѣлость порвать въ одинъ прекрасный день свои путы и пойти просить немного покоя у тишины полей, и что такимъ образомъ утомленіе отъ свѣтскихъ удовольствій пробудило въ нихъ вкусъ къ удовольствіямъ деревенскимъ.

Поэтъ Горацій, думается, былъ изъ этого числа людей. Никто такъ не прославлялъ деревню, какъ онъ; кажется по тому, какъ онъ о ней говоритъ, что онъ исключительно былъ созданъ, чтобы наслаждаться ею, и что онъ только ее и любилъ. Особенно чувствуется, что у него это былъ тотъ природный вкусъ, какъ у его великаго предшественника Лукреція и друга его Виргилія. Римъ очень нравился ему въ первые годы, онъ находилъ тамъ зрѣлища, увеселявшія его пытливый умъ и воодушевлявшія его сатирическій пылъ. Пребываніе въ немъ казалось ему очень пріятнымъ, покуда онъ могъ ходить гулять одинъ отъ Форума до Марсова поля и тамъ на свободѣ смотрѣть на продѣлки фокусниковъ и гадателей; но когда, благодаря дружбѣ Мецената, онъ сталъ знатной особой, и больше нельзя ему было выйти изъ дому безъ того, чтобы его не осаждали всякіе незнакомцы, поздравлявшіе его съ успѣхомъ, другіе докучные съ своими распросами объ общественныхъ дѣлахъ, просители, просившіе о поддержкѣ, онъ возненавидѣлъ городъ. Такая надоѣдливость стала ему до того противна, что онъ чуть не утратилъ изъ-за нея свою обычную умѣренность: онъ пожелалъ уединенія съ такой страстностью, которая не можетъ не удивить со стороны мудреца, проповѣдывавшаго, что не слѣдуетъ ничего желать слишкомъ пылко.

Поэтому онъ очень счастливо жилъ въ своемъ маленькомъ сельскомъ домѣ, но невольно думается, что чувство благополучія его было усилено воспоминаніями о надоѣдливыхъ городскихъ приставаніяхъ, отъ которыхъ онъ былъ избавленъ. Быть можетъ, онъ не находилъ бы свой деревенскій столъ „божественной ѣдой", еслибы не вспоминалъ, сидя за простой трапезой въ обществѣ нѣсколькихъ сосѣдей, скуку званыхъ обѣдовъ въ Римѣ съ ихъ тираническими обычаями, когда приходилось пить столько кубковъ, сколько хотѣлъ устроитель пиршества, съ ихъ нестерпимыми разговорами, вертѣвшимися исключительно на послѣднихъ скандалахъ да на актерахъ. Злые языки замѣчали, что никогда онъ не кажется такимъ влюбленнымъ въ деревню, какъ когда бываетъ задержанъ въ городѣ. Это въ Римѣ у него разъ вырвалось восклицаніе, когда ему досаждали просьбами и докучными вопросами, восклицаніе, въ которое онъ вложилъ всю свою душу: O rus, quando ego te aspiciam! Но возвратившись на свою дачку, онъ повидимому къ ней охладѣваетъ и часто выражаетъ желаніе покинуть ее, чуть случится пожить на ней нѣсколько недѣль. За такое непостоянство онъ себя смиренно укоряетъ, но ему крайне трудно отъ него исправиться. „Быстрокрылѣй, чѣмъ вѣтеръ, говоритъ онъ, я, будучи въ Римѣ, стремлюсь въ Тибуръ и сожалѣю о Римѣ, когда нахожусь въ Тибурѣ." Вотъ неисправимый свѣтскій человѣкъ, подумавшій, что исцѣленъ потому только, что испыталъ минутную досаду на чарующія его удовольствія и подпадающій вновь старому игу, чуть только пройдетъ дурное расположеніе духа. Только подъ

конецъ жизни обращеніе его стало полнымъ. Тогда онъ дошелъ до того, что полюбилъ деревню гораздо больше, чѣмъ того хотѣли бы его лучшіе друзья. Для нея онъ измѣнялъ слову, данному самому Меценату, и пообѣщавъ ему, что отсутствіе его не продлится болѣе нѣсколькихъ дней, заставлялъ себя ждать цѣлыми мѣсяцами.

Исторія Горація была вѣроятно исторіей многихъ римлянъ его времени; подобно ему многіе становились большими любителями деревни вслѣдствіе того, что были слишкомъ большими любителями города; такія противорѣчія и перемѣны не рѣдки у людей, которые ко всему относятся со страстью. Когда утомленье и скука гнали ихъ изъ Рима, они сначала скитались вокругъ великаго города, почти боясь потерять его изъ виду. Они не желали отходить отъ него далеко, они строили себѣ дачи подлѣ самыхъ его воротъ, по большимъ дорогамъ, на обоихъ берегахъ Тибра. Но скоро они замѣчали, что эти виллы и эти сады, такъ дорого стоившіе, не спасали ихъ отъ докучныхъ посѣтителей. Городъ, отъ котораго они хотѣли бѣжать, умѣлъ и тамъ ихъ найти. Бѣдные люди всегда слѣдуютъ, по своему, примѣру богатыхъ; Римъ тяготилъ и ихъ и они не хотѣли оставаться въ немъ всегда. Въ праздничные дни цѣлыя толпы бѣдняковъ устремлялись къ гостиницамъ предмѣстій, по рѣкѣ, въ священныя рощи, въ окрестности храмовъ. Они танцовали „всякій со своей подругой", говоритъ Овидій; они обѣдали на свѣжемъ воздухѣ или подъ навѣсами листвы. То было сосѣдство шумное, неудобное и становилось не легче найти спокойствіе въ окрестно-

стяхъ Рима, чѣмъ въ самомъ Римѣ. Поэтому были вынуждены уходить дальше въ Тускулумъ, въ Пренесту, въ Тибуръ, а когда и эти мѣста, близкія къ городу и ставшія слишкомъ людными, начали также слишкомъ много посѣщаться, такъ что нельзя было больше найти въ нихъ желанной тишины и уединенія, пришлось уходить еще дальше. Такимъ образомъ вся Италія отъ Байскаго залива до подножія Альпъ покрылась изящными виллами. „Когда перестанете вы хотѣть, говорилъ Сенека богачамъ, своимъ современникамъ, чтобы не было ни одного озера, надъ которымъ бы не возвышались ваши дачи, ни одной рѣки, берега которой не были бы застроены вашими великолѣпными зданіями? Гдѣ бы ни забилъ ключъ горячей воды, вы спѣшите воздвигнуть тамъ новые пріюты для вашихъ развлеченій, всюду, гдѣ бы берегъ ни образовалъ изгибъ, вы желаете соорудить какой-нибудь дворецъ, и не довольствуясь твердой землей, вы воздвигаете въ волнахъ запруды, чтобы заставить и море вдвинуться въ ваши сооруженія. Нѣтъ страны, гдѣ бы не красовались ваши жилища, то построенныя на верхушкѣ холма, откуда глазъ далеко охватываетъ и землю и море, то воздвигнутыя посреди равнины, но такія высокія, что домъ кажется горой.“

Не одни богачи испытывали потребность бѣжать изъ города и подышать деревенскимъ воздухомъ. Вольноотпущенники, имѣвшіе достатокъ, мелкіе буржуа, въ особенности литераторы, болѣе чѣмъ кто либо влюбленные въ тишину и свободу, были счастливы обладать гдѣ-нибудь подальше отъ шума и толпы тѣмъ, что Ювеналъ

называетъ „щелью ящерицы“. Светоній, не разбогатѣвшій отъ своихъ ученыхъ работъ, задумалъ однажды купить маленькое имѣнье, не платя за него слишкомъ дорого. По его просьбѣ покровительствовавшій ему Плиній поручилъ одному важному лицу взяться за это дѣло. „Нашего друга прельщаетъ, говорилъ онъ ему, сосѣдство Рима, удобство сообщеній, простота построекъ, небольшіе размѣры имѣнья, достаточно большого, чтобы развлекать его, и слишкомъ маленькаго, чтобы его занимать. Ученымъ людямъ, какъ онъ, достаточно имѣть передъ собой немного земли, чтобы былъ отдыхъ душѣ и радость глазамъ; имъ нужна лишь маленькая дорожка, аллея, гдѣ бы побродить въ минуты досуга, виноградникъ, гдѣ бы они знали всякую лозу, да нѣсколько деревьевъ, число которыхъ было бы имъ извѣстно“. Развѣ это не настоящій садъ писателя и въ наше время?

Среди этихъ любителей деревни всѣхъ положеній и состояній, при первомъ досугѣ спѣшившихъ бѣжать изъ города, навѣрно были и такіе, которые, подобно Горацію, скоро раскаивались, что покинули его. Одиночество скоро становилось для нихъ еще болѣе докучнымъ, чѣмъ раньше докучалъ шумъ. Они не могли противиться сожалѣніямъ о свѣтскихъ удовольствіяхъ. Развѣ можно было долго оставаться вдали отъ игръ цирка или амфитеатра? „Надо же было, говоритъ Сенека, видѣть немножко, какъ проливается человѣческая кровь“; и они спѣшили возвратиться въ Римъ больше чѣмъ торопились уйти изъ него. Но это было исключеніе: обыкновенно богатые римляне оставались на своихъ виллахъ

какъ можно дольше. Они имѣли таковыя на верхушкахъ горъ или на рѣчномъ берегу для лѣтняго сезона; другія, защищенныя отъ суровыхъ вѣтровъ, гдѣ они жили зимой. Нѣкоторыя были очень далеко отъ Рима и туда отправлялись во время большихъ вакацій, напримѣръ, осенью во время сбора винограда; когда имѣли лишь день—два досуга, отправлялись на тѣ, которыя были совсѣмъ близко отъ города. Такимъ образомъ въ Римѣ оставались только, когда были безусловно вынуждены къ тому дѣлами; и въ самомъ Римѣ воображали, что можно найти деревню. Люди изъ народа, разсказываетъ Плиній, довольствовались тѣмъ, что ставили у себя на окнахъ цвѣты: бѣдные цвѣты, которымъ должно было быть очень трудно жить безъ воздуха, безъ солнца, въ узкихъ улицахъ стараго города! Кто могъ построить себѣ отдѣльный домъ, заботился о томъ, чтобы оставить позади атріума мѣсто для маленькаго сада съ нѣсколькими деревьями, и это они называли рощей, струйку воды въ ручьѣ, и это называли еврипомъ, а въ глубинѣ гротъ изъ ракушекъ рядомъ съ удаляющейся перспективой деревьевъ, написанныхъ на стѣнѣ, такъ имъ хотѣлось создать иллюзію и забыть, что они жили въ центрѣ большого города!

Вотъ общество, повидимому крайне увлекшееся деревней; но не будемъ забывать, что вкусъ къ ней у него развился въ особенности отъ отвращенья къ городу: это видно по многимъ признакамъ. Легко, какъ кажется, признать, что жившіе на этихъ прекрасныхъ виллахъ были скорѣе люди высшаго свѣта, желавшіе отдохнуть, чѣмъ

безкорыстные любители природы. Они не переселялись на нихъ исключительно для того, чтобы жить погруженными въ извѣстнаго рода безмолвное созерцаніе сельскихъ красотъ, и ихъ нашли бы виновными, если бы они заперлись тамъ, чтобы никогда оттуда не выходить. Во времена Тиверія одинъ знатный человѣкъ въ Римѣ, Сервилій Вація, почувствовавъ, должно быть, ужасъ и отвращеніе ко всему, что видѣлъ въ сенатѣ, выстроилъ себѣ великолѣпную виллу подлѣ Кумъ и провелъ тамъ остальную жизнь. Намъ и въ голову не приходитъ порицать его за то, что онъ оградилъ себя отъ стольких опасностей и отъ такого стыда, и никто не станетъ жалѣть его за то, что онъ жилъ въ такой восхитительной странѣ; но римлянамъ было крайне трудно понять, даже во времена имперіи, чтобы можно было такъ удалиться въ добровольную ссылку отъ общества и отъ общественныхъ дѣлъ; Сервилій Вація производилъ на нихъ впечатлѣніе заживо похоронившаго себя, и Сенека признается намъ, что каждый разъ, какъ онъ проходилъ мимо прекрасной Кумской виллы онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: „Здѣсь покоится Вація".

Такимъ образомъ хозяевами этихъ дачъ были обыкновенно люди, причастные къ дѣловой жизни и общественному движенію, финансисты, политики, пріѣзжавшіе туда, чтобы отдохнуть отъ прежнихъ трудовъ и приготовиться къ трудамъ послѣдующимъ, писатели, желавшіе укрѣпить свой умъ и оживить въ уединеніи воображеніе. „Здѣсь, говорилъ Плиній, совершенно счастливый очутиться въ своемъ Лаврентскомъ домѣ, здѣсь

я не слышу больше докучнаго шума; здѣсь я бесѣдую только самъ съ собой или съ моими книгами. О море, о побережье, мои настоящіе рабочіе кабинеты, сколько мыслей зарождаете вы во мнѣ, сколько диктуете произведеній?“ Такъ какъ онъ очень любитъ говорить намъ о себѣ, то даетъ картину, гдѣ часъ за часомъ описана вся его тамошняя жизнь: „Я встаю, когда могу, обыкновенно около перваго часу (шесть часовъ утра). Сначала мои окна остаются затворенными, ибо я замѣтилъ, что тишина и сумерки оживляютъ умъ. Если у меня есть какая-нибудь начатая работа, я занимаюсь ею; я сначала соображаю все въ умѣ, идеи и даже стиль, какъ будто бы я писалъ. Такъ я работаю, когда больше, когда меньше, смотря по степени легкости, съ какой мнѣ удается сочинять и запоминать; затѣмъ я зову секретаря, велю отворить окна и диктую то, что сочинилъ. Часу въ четвертомъ или пятомъ (десять или одиннадцать), смотря по погодѣ, я иду гулять въ аллею или подъ портикомъ и не перестаю, гуляя, сочинять и диктовать. Затѣмъ я ѣду въ экипажѣ; и тутъ опять я продолжаю работу, которой занимался во время утренняго отдыха и за прогулкой!“ И онъ продолжаетъ описывать эти трудовые дни, гдѣ работа примѣшивается ко всему, даже къ часу вечерней ѣды, ибо, согласно обычаю, въ это время происходитъ поучительное чтеніе. Даже когда онъ предается какому-нибудь необычайному удовольствію, напримѣръ, охотѣ, онъ очень озабоченъ, чтобы не забыть взять съ собой таблички; онѣ подлѣ него, когда онъ сидитъ около сѣтей, и если кабаны долго не попадаются, онъ вынимаетъ стилетъ и принимается писать; если придется вернуться съ пустыми руками, по крайней мѣрѣ, онъ принесетъ свои странички всѣ исписанныя. Мы не совсѣмъ такъ понимаемъ жизнь въ деревнѣ. Конечно, не всѣ были тогда такъ трудолюбивы, какъ Плиній; должны были быть люди, которые не брали всюду съ собой своихъ секретарей и когда отправлялись на охоту, оставляли свои таблички дома; но почти всѣ, подобно ему, были политики, ораторы, ученые, люди свѣтскіе, которыхъ усталость погнала на время изъ города, собиравшіеся вскорѣ туда вернуться и желавшіе воспользоваться своимъ пребываніемъ въ деревнѣ, чтобы возвратиться къ обычнымъ занятіямъ съ болѣе крѣпкимъ тѣломъ и съ болѣе живымъ умомъ.

Когда знаешь, для кого были выстроены римскія виллы и для чего туда пріѣзжали, видишь, что онѣ вполнѣ отвѣчали своему назначенію. Это ихъ первая заслуга, какъ въ ихъ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ, что онѣ были вполнѣ приспособлены къ тому, что отъ нихъ требовалось. Плиній Младшій оказалъ намъ услугу, описавъ намъ свои виллы, и этого описанія достаточно, чтобы дать намъ понятіе о другихъ. Прежде всего мы будемъ поражены, читая его, тѣмъ сходствомъ, какое въ главномъ представляютъ эти дома Этруріи и Лавренціи съ виллой Адріана, которую мы только что изучили. Дѣйствительно, между ними одна разница — состояніе и положеніе ихъ владѣтелей. Простое частное лицо не могло себѣ позволить то, что было доступно императору; но въ общемъ система построекъ и украшеній та

же, и письма Плинія часто подтверждают реставрацію Доме.

Думается, что наше первое впечатлѣніе, еслибы мы могли видѣть виллы Плинія, особенно виллу въ Этруріи, наиболѣе красивую, было бы крайнее удивленіе вслѣдствіе многочисленности составлявшихъ ихъ построекъ. Всѣ эти строенія различной формы и высоты, скорѣе приставленныя одно къ другому, чѣмъ соединенныя въ одно, произвели бы на насъ впечатлѣніе села гораздо больше, чѣмъ впечатлѣніе дачи. Но слѣдуетъ помнить, что дѣло идетъ о помѣщеніи римлянина, который, даже если онъ похвалялся, что живетъ просто, не могъ обходиться безъ толпы рабовъ. Когда не довольствуются тѣмъ, чтобы помѣщать ихъ въ погребахъ, а желаютъ, подобно Плинію, дать имъ приличныя комнаты, которыя, при надобности, можно было бы предложить друзьямъ, надо имѣть много мѣста и многочисленныя жилыя помѣщенія. Что удивляетъ еще болѣе, чѣмъ число этихъ жилыхъ помѣщеній, это то, что не дали себѣ труда расположить ихъ въ большемъ порядкѣ; но мы уже видѣли, что римляне, особенно у себя на дачѣ, повидимому не очень стояли за внѣшность. Такъ вмѣсто того, чтобы расположить всѣ гостиныя и другія комнаты съ одной стороны, ради симметріи, архитектора распредѣляли ихъ всюду понемногу, чтобы дать имъ различное расположеніе; они увеличивали число отдѣльныхъ павильоновъ, чтобы чувствовать тамъ себя болѣе уединеннымъ и чтобы изъ нихъ былъ во всѣ стороны болѣе красивый видъ. Общее распредѣленіе могло казаться менѣе удачнымъ; но комнаты были болѣе удобны, что было для

нихъ достаточно. Мы люди тщеславные и думаемъ прежде всего о фасадѣ; лишь бы онъ имѣлъ хорошій видъ, мы охотно соглашаемся быть дурно помѣщены. Римляне менѣе заботились о впечатлѣніи, какое зданіе производитъ на прохожихъ, и строили домъ лишь для тѣхъ, кто долженъ былъ въ немъ жить. Все, что могло сдѣлать его для нихъ пріятнѣй, все употреблялось безъ мѣры; ничего не щадили, когда дѣло шло о доставленіи себѣ того укрѣпляющаго отдохновенія и того разнообразія тихихъ удовольствій, которыя они искали въ немъ. Безъ сомнѣнія Плиній далеко не былъ сластолюбцемъ; наоборотъ, онъ слылъ за человѣка старинныхъ нравовъ, и поэтъ Сенцій Авгуринъ видѣлъ въ немъ нѣсколькихъ Катоновъ. А между тѣмъ невольно дѣлается страшно, когда видишь, до чего онъ доводилъ заботу о своихъ удобствахъ у себя на дачахъ. Теряешься въ длиннѣйшемъ перечнѣ комнатъ; у него имѣются столовыя различной величины на разные случаи; въ одной онъ обѣдаетъ, когда одинъ, другая ему служитъ для пріема близкихъ друзей, третья обширнѣе и можетъ вмѣстить толпу приглашенныхъ. Одна выходитъ въ море: сидя въ ней во время ѣды видишь, какъ волны разбиваются о стѣны; другая обращена въ сторону суши: тутъ со всѣхъ сторонъ окруженъ полями и можно наслаждаться зрѣлищемъ сельской жизни. Обыкновенно въ наши дни даже самый требовательный человѣкъ довольствуется одной спальней, трудно сказать, сколько ихъ было на виллахъ Плинія. Имѣлись спальни не только для удовлетворенія всякой потребности, но и всякаго каприза. Здѣсь можно видѣть море изъ всѣхъ оконъ; тамъ его слышишь,

но не видишь. Одна комната расположена въ формѣ абсиды, и черезъ широкія отверстія солнце входитъ въ нее во всѣ часы дня; въ другой сумракъ и прохлада и пропускаетъ она свѣта какъ разъ столько, чтобы не быть совсѣмъ во мракѣ. Если хозяинъ дома желаетъ развлечься, онъ пойдетъ вонъ въ ту открытую залу, откуда ему видно все, что происходитъ снаружи; если онъ испытываетъ потребность сосредоточиться, у него какъ разъ есть комната, гдѣ онъ можетъ запереться, и которая такъ расположена, что въ ней не доходитъ никогда до его слуха никакой шумъ; Плиній называетъ ее „своей усладой"; онъ счастливъ на своей виллѣ быть далеко отъ Рима; въ этой комнатѣ ему кажется, что онъ далекъ даже отъ своей виллы. Прибавимъ еще, что эти комнаты украшены прекрасной мозаикой, часто покрыты изящной живописью и почти во всѣхъ нихъ мраморные фонтаны, ибо вода течетъ въ нихъ со всѣхъ сторонъ, свѣтлая, свѣжая, изобильная; ея тихій плескъ увеселяетъ все, она одинъ изъ главныхъ элементовъ въ украшеніи виллъ; она играетъ большую роль среди причудливыхъ изобрѣтеній архитекторовъ, когда они хотятъ найти новыя расположенія, которыя своей оригинальностью могли бы понравиться этимъ важнымъ господамъ, празднымъ и избалованнымъ. Припомнимъ изящную ванную комнату, окруженную еврипомъ, на виллѣ Адріана; Плиній не могъ выстроить себѣ такого дорогого зданія; но у него была въ концѣ сада бесѣдка, вся обросшая виноградными лозами и поддерживаемая четырьмя колоннами изъ Каристскаго мрамора. Подъ этой листвой, представлявшей пріятное убѣжище, устроили высоко бьющіе фонтаны, бассейнъ, гдѣ вода все время обновлялась, наконецъ ложе для отдохновенія изъ бѣлаго мрамора, гдѣ хорошо было возлечь во время дневного жара. „Изъ этого ложа, говоритъ Плиній, вода бьетъ со всѣхъ сторонъ, стекая по маленькимъ трубочкамъ, какъ будто сама тяжесть того, кто ложится на него, заставляетъ ее такъ бить". Чтобы дополнить картину цѣлаго, надо представить себѣ бани, бассейны, залы для игры въ мячъ, портики, идущіе во всѣхъ направленіяхъ, чтобы можно было пользоваться всякимъ положеніемъ, покрытыя пескомъ аллеи для прогулокъ пѣшкомъ, другія, болѣе утрамбованныя и потому болѣе пригодныя для прогулокъ въ носилкахъ, наконецъ для верховой ѣзды обширный ипподромъ, состоявшій изъ длинной аллеи, прямой и темной, обсаженной платанами и лавромъ, въ то время какъ по всѣмъ направленіямъ вьются круговыя аллеи, которыя пересѣкаются и скрещиваются, отчего получается больше простору и прогулка становится болѣе разнообразной. Вотъ что должны были находить на виллѣ человѣка богатаго, но расчетливаго, который, не позволяя себѣ никакихъ безразсудствъ, хотѣлъ имѣть удобное помѣщеніе въ деревнѣ, чтобы вдосталь тамъ отдыхать.

Мы ничего не сказали о паркахъ и садахъ, что можетъ показаться страннымъ, когда рѣчь идетъ о сельскомъ домѣ; но объ этомъ говорить довольно трудно. Какъ это легко себѣ представить, именно они меньше всего сохранились на старинныхъ виллахъ. Чтобы судить о томъ, чѣмъ они должны были быть, у насъ имѣются только кое-какія картины, гдѣ они изоб-

ражены, худо-ли хорошо-ли, да нѣкоторыя фразы писателей мимоходомъ сообщающихъ о нихъ. Эти свидѣтельства далеко не полныя и лишь на половину удовлетворяютъ наше любопытство, но, по крайней мѣрѣ, они имѣютъ то преимущество, что вполнѣ согласны между собою. Среди пейзажной живописи, украшавшей древніе дома, были найдены, не то въ Помпеѣ, не то въ Римѣ, нѣсколько картинъ съ изображеніемъ садовъ: это правильныя аллеи, съ двухъ сторонъ тѣсно обсаженныя буковыми деревьями, пересѣченныя подъ прямымъ угломъ. Въ центрѣ обыкновенно нѣчто въ родѣ круглой площади съ бассейномъ, гдѣ плаваютъ лебеди. То здѣсь, то тамъ стоятъ маленькія зеленыя бесѣдки, сдѣланныя изъ плетенаго тростника и обвитыя виноградомъ, въ глубинѣ ихъ видна мраморная колонна или статуя и вокругъ нея скамьи, чтобы гуляющіе могли немного отдохнуть. Эти картины заставляютъ вспомнить слова Квинтиліана, наивно выражающія вкусы того времени: „Можетъ ли быть что-нибудь красивѣе разсадки деревьевъ ромбомъ такъ, чтобы куда ни посмотри, только бы и были видны однѣ прямыя аллеи?“ Писатели прибавляютъ къ этимъ свѣдѣніямъ нѣкоторыя любопытныя подробности. Изъ описаній Плинія Младшаго видно, что въ его садахъ, какъ и въ пейзажахъ, о которыхъ только что говорили, аллеи были окаймлены настоящими стѣнами изъ зелени. Такъ онъ очень любитъ описывать намъ одну прекрасную платановую аллею, которой онъ гордится. „Мои платаны, говоритъ онъ, покрыты плющомъ, который, обвиваясь вокругъ ствола и вѣтвей и переползая съ дерева на дерево, связываетъ ихъ всѣ вмѣстѣ.“ Между деревьями, чтобы стѣна была плотнѣе, сажали буксы, а позади буксовъ лавръ, чтобы окончательно заполнить пустыя пространства. Самшитъ особенно играетъ важную роль въ римскихъ садахъ. Онъ не только образуетъ бордюры въ цвѣтникахъ, подходящимъ образомъ обрамляя причудливые рисунки клумбъ, но его также подрѣзаютъ самымъ страннымъ образомъ. Не довольствуются тѣмъ, что дѣлаютъ изъ него пирамиды или придаютъ ему форму вазы, какъ въ Версалѣ; то желаютъ, чтобы онъ изображалъ смотрящихъ другъ на друга животныхъ, то образуютъ изъ него буквы, чтобы сдѣлать извѣстнымъ имя владѣльца или работника! Такія фантазіи вошли въ моду со временъ Августа: можно бы подумать, что римляне, опьянѣвъ до извѣстной степени отъ своихъ удачъ, сдѣлались чувствительнѣе къ тому, что Сенъ-Симонъ называетъ „горделивое удовольствіе насиловать природу.“ Въ то же самое время, какъ они пытаются ввести деревню въ городъ, они прививаютъ городъ деревнѣ. Чтобы сравнять участокъ, гдѣ будутъ воздвигнуты ихъ виллы, они срываютъ горы, засыпаютъ долины. Въ своихъ садахъ они любятъ лишь деревья, ростъ которыхъ остановленъ или форма изуродована. Конечно, нѣкоторые умные люди, въ особенности поэты Горацій, Проперцій, Ювеналъ, протестуютъ противъ такихъ причудъ. Сенека громко заявляетъ, что онъ предпочитаетъ „ручьи, теченье которыхъ не стѣснено насильемъ, бѣгущіе какъ того хочетъ природа, и луга, прелестные въ своей безыскусственности“; но тѣмъ не менѣе Сенека жилъ на виллахъ самой по-

слѣдней моды; у него были подрѣзанныя изгороди, подстриженные самшиты, изуродованныя деревья, и всякіе другіе фокусы, которые онъ находилъ смѣшными: настолько вѣрно, что много легче смѣяться надъ модой, чѣмъ освободиться отъ нея.

Впрочемъ, очевидно, что сады и парки далеко не имѣли тогда того значенія, какое они получили у насъ. Это видно по тому малому мѣсту, какое они занимаютъ въ описаніяхъ Плинія. Древніе не обладали всѣми средствами разнообразить ихъ и украшать, какія извѣстны теперь намъ. Имъ не хватало нѣкоторыхъ деревьевъ, которыя служатъ ихъ украшеніемъ; и флора ихъ тоже не была такъ богата. Поэтому ихъ сады не поддавались такъ естественнымъ украшеніямъ, какъ наши; оттого они и дорожили ими гораздо меньше, чѣмъ мы. Что для нихъ замѣняетъ все, чего они домогаются съ наибольшей страстностью на выстраиваемыхъ ими виллахъ, это видъ. Чтобы открывался у нихъ широкій или веселый видъ, который бы охватывалъ обширный горизонтъ или гдѣ бы глазъ могъ остановиться на прелестной мѣстности, они не жалѣли ничего. Видъ — это первое удовольствіе ихъ дачъ. Они согласны гулять, пѣшкомъ или въ носилкахъ, по однообразнымъ аллеямъ между двумя рядами буковъ, но разъ они у себя, въ своей столовой, въ своей спальнѣ, въ рабочемъ кабинетѣ, они хотятъ, чтобы съ кресла и съ постели передъ ихъ глазами были самыя красивыя мѣстности: они, такъ сказать, любятъ природу изъ своихъ оконъ и такимъ образомъ наслаждаются ею.

Впрочемъ, надо и тутъ еще сдѣлать одну оговорку: виды, которыхъ добивались римляне, не всегда были тѣ самые, какіе предпочитаемъ мы, и среди мѣстностей, наиболѣе нами любимыхъ, нѣкоторыя были бы не въ ихъ вкусѣ. Ихъ любовь къ природѣ имѣла свои особенности, а также свои границы. Большія равнины, прекрасные луга, плодородныя земли ихъ чаровали. Лукрецій не представляетъ себѣ большаго удовольствія въ тѣ дни, когда нечего дѣлать, какъ „лежать у быстротечнаго ручья подъ сѣнью высокаго дерева", а Виргилій желаетъ себѣ самому, какъ высшее благо, „любить всегда воздѣланныя поля и рѣки, что текутъ по долинамъ." Вотъ что на первомъ планѣ любимыхъ ими пейзажей, луга или жатвы, нѣсколько красивыхъ деревьевъ и вода; прибавимъ къ этому, какъ фонъ картины, нѣсколько холмовъ на горизонтѣ, особенно, если склоны ихъ воздѣланы и покрыты лѣсами до верхушки. Содержаніе картины такимъ образомъ получается полное; тутъ лишь простая соразмѣрная красота, которая болѣе всего по вкусу этимъ тонкимъ художникамъ. Но должно сознаться, что если ихъ чаруетъ богатая и воздѣланная природа, они меньше понимаютъ величіе природы дикой. Цицеронъ говоритъ этими самыми словами, что лишь сила привычки можетъ заставить насъ находить что либо пріятное въ гористыхъ мѣстностяхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій римскіе чиновники, начальники легіоновъ, губернаторы провинцій, правители императора, люди съ развитымъ умомъ и тонкимъ вкусомъ дѣлали переходы черезъ Альпы, не испытывая другихъ ощущеній кромѣ скуки или ужаса. Они были бы

крайне удивлены, еслибы узнали, что наступитъ время, когда тысячи путешественниковъ будутъ восхищаться зрѣлищемъ, казавшимся имъ столь отталкивающимъ. Тогда отнюдь не отправлялись смотрѣть на высокія горы изъ любопытства. Прежде чѣмъ перевалить черезъ С.-Готардъ, если ужъ нельзя было отъ этого избавиться, давали обѣтъ Юпитеру pro itu et reditu, и поэтъ Клавдіанъ говоритъ, что когда видѣли ледники, казалось, что видѣли Горгону, до того дѣлалось страшно. Это несомнѣнно побѣда—стать чувствительными къ такимъ великимъ зрѣлищамъ, и мы должны поздравить себя съ ней; но, быть можетъ, мы утратили съ одной стороны, пріобрѣтя съ другой. Мы лучше древнихъ понимаемъ поэзію дикой мѣстности, это несомнѣнно; но чувствуемъ ли мы такъ живо, какъ они, то, что Сенъ-Бевъ называетъ „прелестью тихаго и яснаго пейзажа?“ Когда мы путешествуемъ по верхней Италіи и попадаемъ въ окрестности Мантуи и на берега По, видъ этой страны, нѣкогда прославленной путешественниками, оставляетъ насъ почти равнодушными. Находясь подъ впечатлѣніемъ горныхъ красотъ, только что видѣнныхъ нами при переходѣ черезъ Альпы, мы едва удостаиваемъ взгляда, и то не безъ нѣкотораго презрѣнья, эти смѣющіяся поля и большую, спокойную рѣку, что орошаетъ ихъ. А между тѣмъ это родина Виргилія, это пейзажъ, бывшій у него съ дѣтства передъ глазами и навсегда запавшій ему въ душу. Эти равнины, для насъ лишенныя характера, породили въ немъ любовь къ природѣ. Ему не надо было, чтобы понимать ее, уходить въ горы, подниматься до

области вѣчныхъ снѣговъ и видѣть, какъ изъ ледниковъ вытекаютъ большія рѣки. Ему достаточно было видѣть эти зеленые луга, бродить по берегу ручья подъ блѣдной листвой ивъ, отдыхать подъ „свѣжей сѣнью священныхъ фонтановъ, да слушать по вечерамъ стоны дикихъ голубей, отдаленное пѣніе крестьянина, рубящаго деревья.“ Такимъ образомъ пробудилось въ душѣ его то глубокое чувство всеобщей жизни вселенной и то благородное влеченіе къ природѣ, которыя чаруютъ насъ въ его стихахъ.—Такъ ли ужъ много поэтому мы выиграли, какъ это принято думать, ставъ, силою прогресса, неспособными понимать мѣстности и любить край, вдохновлявшій такія прекрасныя произведенія?

Возвращаясь, чтобы закончить, къ виллѣ Тибура и къ построившему ее царю, намъ кажется, что Адріанъ и его дача даютъ намъ, въ сущности, довольно вѣрное понятіе о томъ, какъ римляне относились къ природѣ и ею наслаждались, и что это ихъ отношеніе вовсе не такъ неразумно и не такъ далеко отъ нашего, какъ это предполагаютъ. Подобно любознательнымъ людямъ нашихъ дней, Адріанъ много скитался по свѣту; преимущественно онъ посѣтилъ земли, гдѣ красота природы соединялась съ великими историческими воспоминаніями: это вкусъ, который никому не покажется страннымъ. Природа привлекала его также и сама по себѣ и мы видимъ, что онъ сдѣлалъ то, чего въ его время обыкновенно не дѣлали: онъ поднимался на Этну и на гору Касій. Но, когда ему захотѣлось построить себѣ на старости лѣтъ дачу, онъ не построилъ ее на скло-

нахъ Касія или Этны и хорошо сдѣлалъ. Это зрѣлище, на какое пріятно полюбоваться между прочимъ одинъ разъ, но его отнюдь не подобаетъ имѣть всегда передъ глазами. Онъ выбралъ одну изъ тѣхъ болѣе ограниченныхъ и менѣе величественныхъ мѣстностей, которыя не подавляютъ человѣка своей величавостью, не возбуждаютъ въ немъ вѣчно восторгъ, что въ концѣ концовъ утомляетъ, но тѣ, которыя напротивъ успокаиваютъ и даютъ отдохнуть. Чтобы узнать, былъ ли удаченъ его выборъ, намъ стоитъ лишь возвратиться еще на минуту на виллу Тибура и полюбоваться на чудный видъ, какой открывается съ Пойкила. Станемъ на круглой площадкѣ, которой онъ заканчивается, устроенной для того, чтобы ничто не пропадало изъ этого удивительнаго зрѣлища. Можно быть увѣреннымъ, что тутъ были мраморныя скамьи и что Адріанъ съ своими друзьями часто приходилъ посидѣть здѣсь подъ вечеръ. Прямо передъ вами Римъ; онъ прежде всего привлекаетъ вниманіе. Онъ весь виденъ на горизонтѣ съ своими башнями и куполами, обрисовывающимися на небѣ. Какъ знать, не хотѣлъ ли Адріанъ, строя свою виллу какъ разъ напротивъ своей столицы, доставить себѣ удовольствіе отъ зрѣлища такого заманчиваго контраста? Поэтъ сказалъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ слышать вой вѣтра, когда спокойно сидишь у себя дома; быть можетъ, этому царю, утомленному властью и жизнью, думалось, что отъ зрѣлища кипучей вдали дѣятельности собственный покой покажется ему слаще.— Но если Римъ привлекаетъ сразу вниманіе, скоро имъ овладѣваютъ окрестныя мѣстности и ужъ оно отдается имъ всецѣло. Совсѣмъ близко, со

всѣхъ сторонъ возвышаются холмы, постепенно поднимаясь и становясь все зеленѣе, все радостнѣе, по мѣрѣ того, какъ больше удаляются отъ равнины. Налѣво видны верхушки латинскихъ горъ, направо—живописныя горы сабинскія, Ментана. Монтичелли, а дальше Паломбара у подножія горы Джанкаро. Нельзя представить горизонта болѣе широкаго и въ то же время болѣе простого, большаго величія и спокойствія, большаго разнообразія и соразмѣрности. „Это не только пейзажъ, сказалъ бы Плиній Младшій, это картина.“ Трудно оторваться отъ этого зрѣлища и уходя говоришь себѣ, что невозможно утверждать, что люди, умѣвшие такъ хорошо выбирать мѣсто для своихъ загородныхъ домовъ, не любили деревни и не понимали природы.

ГЛАВА V.

Остія.

Не надо очень отдаляться отъ Рима, чтобы перейти мыслью къ Остіи. Несмотря на раздѣляющее ихъ разстояніе, на Остію можно смотрѣть какъ на одно изъ предмѣстій великаго города. Она всегда была связана съ его исторіей; она была необходима для его существованія и рано стала однимъ изъ органовъ его жизни. Поэтому кажется, что если пренебрежешь ея осмотромъ, путешествіе въ Римъ будетъ неполнымъ.

А между тѣмъ ее не легко посѣтить. Такъ какъ туда не ходятъ дилижансы, эту экскурсію надо заранѣе обдумать и подготовить, что заставляетъ многихъ любопытныхъ отказаться отъ нея. Сначала дорога довольно однообразна. Изъ Рима она выходитъ черезъ ворота св. Павла, древняя porta Ostiensis и почти все время идетъ берегомъ Тибра. Обыкновенно берега рѣки оживляются зеленью, и можно узнать теченіе рѣки по растущимъ вдоль береговъ купамъ деревьевъ. Здѣсь зелень отсутствуетъ: Тибръ, желтый и молчаливый, течетъ среди кое-какихъ скудныхъ деревцовъ и кустарниковъ, посѣдѣвшихъ отъ пыли. А между тѣмъ это

было мѣсто увеселеній въ цвѣтущія времена имперіи. Финансисты и знатные вельможи дорого платили за маленькій садъ на берегу Тибра. Тамъ они устраивали празднества для своихъ друзей обоего пола, и одинъ поэтъ того времени изображаетъ ихъ, какъ они пьютъ тонкое вино въ кубкахъ, чеканенныхъ руками великихъ мастеровъ подъ веселый шумъ лодокъ, непрестанно проплывающихъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Теперь нѣтъ больше ни садовъ, ни лодокъ; ничто не нарушаетъ уединенія этой пустыни, развѣ только кое когда стада лошадей или быковъ, которыя гонитъ суроваго вида пастухъ, пугающійся всякаго прохожаго. Рѣдко-рѣдко встрѣтятся одинъ или два крестьянина верхомъ на лошади, возвращающіеся изъ города въ своихъ живописныхъ костюмахъ, большихъ сапогахъ, остроконечныхъ шляпахъ и съ длинными палками, положенными поперекъ сѣдла. Время идетъ, дорога то вьется въ гору, то спускается, а зрѣлище все то же. Наконецъ, послѣ такого однообразнаго болѣе чѣмъ двухъ-часового пути, показываются низкорослыя деревья, горизонтъ становится шире. Видишь издали сосны зонтикомъ Кастель-Фузано, пересѣкаешь небольшое пространство полей и скоро достигаешь Остіи.

I.

Современная Остія.—Видъ равнины, покрывающей древнюю Остію.—Какимъ образомъ городъ былъ покинутъ.—Первыя произведенныя тамъ раскопки. — Работы Висконти. — Открытіе Дороги могилъ.—Домъ, называемый Императорскимъ дворцомъ. — Большой храмъ и улица, ведущая въ Тибру. — Магазины, расположенные вдоль рѣки.

Въ современномъ городѣ мы видимъ прежде всего церковь шестнадцатаго вѣка и изящной архитектуры крѣпость, на которой вырѣзанъ гербъ Юлія VI. Около замка ютятся нѣсколько домовъ, составляющихъ весь городъ. Во время лихорадокъ жителей насчитываютъ не болѣе десятка; сезонъ лихорадокъ начинается рано и длится долго. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ окрестныхъ мѣстъ приходитъ нѣсколько сотъ крестьянъ, которые тѣснятся въ хижинахъ и обрабатываютъ землю. Съ возвращеніемъ жары они спѣшатъ уйти.

Если отойти на нѣсколько шаговъ отъ домовъ и замка и взглянуть прямо передъ собой, поразишься величественнымъ зрѣлищемъ, которое открывается передъ глазами. Съ огромной окружающей насъ равнины не доносится ни единаго звука, все кажется безмолвнымъ и неподвижнымъ; на всемъ смолкшая и сосредоточенная печаль, охватывающая душу глубокимъ волненіемъ. Волненіе усилится, если вспомнить, что въ этомъ безмолвномъ мѣстѣ жизнь нѣкогда била ключомъ и толпился, суетясь, народъ, особенно въ тѣ дни, когда приходили изъ Африки и Египта корабли, нагруженные хлѣбомъ, питавшимъ Римъ. Поблескивающая на горизонтѣ полоса моря обрамляетъ свѣтлую раму этой печальной картины. Направо Тибръ дѣлится на два рукава, окружающие isola sacra, гдѣ теперь пасутся стада. Всюду кругомъ, куда только хватаетъ глазъ, равнина покрыта маленькими холмиками различной высоты: это груды обломковъ большого погребеннаго города. Подъ этими наваленными кучами земли, гдѣ на каждомъ шагу наталкиваешься на обломки мрамора, черепки посуды, на ручки или подставки разбитыхъ вазъ, знаешь навѣрно, что можно открыть древнюю Остію.

Это утвержденіе съ перваго раза можетъ до нѣкоторой степени удивить. Совершенно понятно, что изверженіе Везувія, застигшее Помпею врасплохъ и которое въ одинъ день всю ее похоронило подъ пепломъ, могло и сохранить ее намъ такой, какой она была, но Остія не стала, подобно Помпеѣ, жертвой внезапной катастрофы, она гибла медленно и по частямъ: какимъ же образомъ можно надѣяться найти отъ нея важные остатки? Дѣло въ томъ, что она обезлюдѣла сразу. Ея благоденствіе зависѣло отъ могущества Рима, гаванью котораго она была. Она быстро пала, когда Римъ пересталъ привлекать къ ней путешественниковъ и товары со всего міра. Нашествія варваровъ нанесли ей послѣдній ударъ. Со временъ Гензериха она представляла естественную дорогу для всѣхъ смѣлыхъ пиратовъ, которыхъ манила богатая добыча, накопленная въ римской Кампаніи. Къ ней они причаливали, чтобы быть ближе къ этой своей добычѣ, чтобы попытать какой-нибудь выгодный набѣгъ, раньше чѣмъ успѣютъ принять мѣры къ оборонѣ. Эти повторявшіеся набѣги скоро сдѣлали пребываніе въ

Остіи невыносимымъ. Бѣдный городъ долженъ былъ тогда горько сѣтовать на свое сосѣдство съ моремъ, которое долго было причиной его благосостоянія, а теперь подвергало его столькимъ непредвидѣннымъ бѣдствіямъ. Послѣ каждаго опустошенія, жертвой котораго онъ становился, народонаселеніе его уменьшалось. Возможно, что однажды послѣдніе его жители, угрожаемые нападеніемъ, болѣе свирѣпымъ, чѣмъ другія, и охваченные страхомъ, вдругъ разомъ бѣжали всѣ дальше отъ моря. Они несомнѣнно искали убѣжища или въ горахъ Лаціума и въ горахъ Сабинскихъ, куда, по ихъ соображеніямъ, врагъ не погонится за ними, или за стѣнами Рима, какъ разъ только-что вновь отстроенными императоромъ Гоноріемъ. Разъ ушли, они ужъ больше не прельщались мыслью о возвращеніи. Набѣги хищниковъ становились все болѣе частыми. Можно сказать, что со времени послѣднихъ годовъ имперіи и до нашихъ дней они никогда не прекращались, и безопасность этого несчастнаго побережья не была возстановлена ни на минуту. За вандалами слѣдовали сарацины и ихъ не прекращавшіеся хищническіе набѣги внушили мѣстнымъ жителямъ ужасъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось живымъ въ памяти по всему взморью Лаціума. Еще въ бытность папы Льва XII, незадолго до завоеванія Алжира французами, разсказывали, какъ варвары приходили грабить дома, какъ они уводили крестьянъ, чтобы обратить ихъ въ рабство. Вотъ почему Остія, однажды покинутая своими жителями, никогда больше вновь не заселялась; это именно и является причиной того, что сохранились ея остатки. Другіе римскіе города

безъ сомнѣнія очень пострадали отъ готовъ, лангобардовъ или франковъ; но они продолжали жить и живя они возобновлялись. Такъ какъ требовалось помѣщеніе, то, когда дома стали слишкомъ стары, ихъ отстроили вновь. Старые послужили матеріаломъ для новыхъ, и отъ древнихъ построекъ не осталось ничего. Ибо человѣкъ, болѣе чѣмъ время, уничтожаетъ памятники прошлаго; Остія, къ счастью своему, имѣла дѣло только со временемъ. Безъ сомнѣнія, ее много разъ грабили; но обыкновенно грабители торопились и не имѣли времени грабить съ разумѣніемъ. Впрочемъ, они не стояли за то, чтобы брать все. Они входили въ опустѣлые дома и спѣшили захватить побольше того, что имъ казалось цѣннымъ и что было легче унести. Иногда они разрывали могилы, когда надѣялись тамъ многимъ поживиться. На дорогѣ, ведшей изъ Рима въ Остію, была варварскимъ способомъ, рычагомъ, приподнята широкая плита, прикрывавшая одну изъ самыхъ красивыхъ могилъ, и брошена посрединѣ дороги, гдѣ ее и нашли. Особенно ихъ привлекали храмы. Въ храмѣ Цибелы по стѣнамъ видна разбитая вдребезги мраморная облицовка и согнутыя желѣзныя скобки. Надписи подъ ними оповѣщаютъ насъ, что благочестивые богатые люди принесли тутъ въ даръ съ посвященіемъ серебряныя статуи, изображавшія императоровъ или боговъ. Надписи еще сохранились, но статуи исчезли, и это согнутое желѣзо и разбитый мраморъ показываютъ намъ съ какой грубостью и неумѣлостью была произведена операція. Но если брали серебряныя статуи, оставляли мраморныя, не подозрѣвая ихъ цѣнности, такъ какъ онѣ были слишкомъ обременительны. Не

могли также уносить съ собой дома. Вотъ почему, несмотря на столько разграбленій, отъ древней Остии сохранилось еще много остатковъ. Когда больше не оставалось ничего, что бы могло привлекать хищниковъ, они больше не возвращались и предоставили городу разрушаться отъ времени. Мало-по-малу стѣны обваливались, каменныя и кирпичныя колонны падали одна на другую, при паденіи разбиваясь одна о другую; затѣмъ, съ теченіемъ времени, все покрылось слоемъ земли, и на развалинахъ выросла трава. Но внизу все существуютъ прочныя основанія домовъ и общественныхъ зданій, мостовыя изъ мозаики или мрамора, большія колонны, разбитые фризы и несомнѣнно также куски стѣнъ, которые защитило самое паденіе сосѣднихъ зданій. Поэтому можно было дѣлать раскопки безъ страха; была, повторяемъ, полная увѣренность, что, убравъ всѣ эти обломки, найдутъ остатки большого города.

Любители древностей послѣдняго вѣка хорошо это знали; поэтому они изслѣдовали приблизительно всю эту обширную равнину и каждый разъ извлекали замѣчательныя произведенія искусства. Эти счастливыя открытія, драгоцѣнный мраморъ, которымъ эта земля, такъ сказать, усыпана, надписи, всюду тутъ встрѣчаемыя, въ концѣ концовъ возбудили вниманіе публики. Многіе говорили себѣ, что, быть можетъ, тутъ, подъ рукой, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Рима была вторая Помпея и что не слѣдовало упускать такого счастливаго случая. Въ 1800 году папѣ Пію VII пришла мысль начать тамъ правильныя раскопки подъ руководствомъ архитектора

Ж. Петрини; къ несчастью вслѣдствіе политическихъ событій пришлось ихъ скоро прекратить. Онѣ были возобновлены лишь въ 1855 году Піемъ IX, поручившимъ ихъ Висконти. Работы, производившіяся каторжниками, которыхъ помѣстили въ замкѣ Юлія VI, велись хорошо и достигнутый на первыхъ же порахъ успѣхъ обратилъ на нихъ вниманіе ученаго міра.

Въ то время, какъ начались раскопки, отъ древней Остии не оставалось въ цѣлости ничего, кромѣ стѣнъ одного храма, называвшагося почему-то храмомъ Юпитера и бывшаго, вѣроятно, храмомъ Вулкана, главнаго божества города. Этотъ храмъ избѣгъ разрушенія благодаря своей высотѣ: онъ былъ выстроенъ на обширномъ фундаментѣ, представлявшемъ родъ нижняго этажа, почти такого же высокаго, какъ самъ храмъ. Обломки сосѣднихъ домовъ завалили весь этотъ этажъ, и двери зданія пришлись въ уровень съ вновь образовавшейся почвой; помогла еще счастливая случайность и четыре стѣны устояли. Такимъ образомъ это было единственное зданіе, уцѣлѣвшее отъ всеобщаго крушенія, и со всѣхъ концовъ огромной равнины оно привлекало къ себѣ взгляды всѣхъ. При Піѣ VII раскопки были начаты съ этой стороны и расчистили мѣстность вокругъ храма. Висконти захотѣлъ дѣйствовать другимъ способомъ и слѣдовать болѣе правильнымъ путемъ. Вмѣсто того, чтобы сразу утвердиться, какъ это сдѣлалъ Петрини, въ центрѣ города, который онъ собирался открыть, онъ приступилъ къ нему, такъ сказать, снаружи и сдѣлалъ попытку войти въ него черезъ ворота. Онъ вспомнилъ, что въ одномъ мѣстѣ было найдено много над-

гробныхъ надписей и предположилъ, что оно должно было находиться по близости отъ большой дороги. Въ Остіи, какъ и вездѣ, гробницы помѣщались съ двухъ сторонъ большихъ дорогъ и жилища живыхъ можно было достичь лишь миновавъ жилище мертвыхъ. Эти предположенія оправдались и роя вокругъ могилъ не замедлили открыть широкія плиты дороги via Ostiensis. Послѣ этого увѣрились, что ошибки быть не можетъ, и стоило только подвигаться впередъ, чтобы достичь городскихъ воротъ.

Дорогу расчистили на довольно большомъ пространствѣ. Она состоитъ изъ шоссе въ пять метровъ ширины съ просторными тротуарами и двумя рядами могилъ. Эти могилы, менѣе красивыя вообще чѣмъ могилы Помпеи, также смѣшанныя. Рядомъ съ очень простыми columbaria, гдѣ погребены вольноотпущенники или бѣдные люди, находится гробница римскаго всадника, довольно тщеславнаго, велѣвшаго изобразить себя на ней съ знаками своего отличія и съ геніями, которые протягиваютъ ему вѣнцы: всадникъ въ Остіи былъ вѣроятно важнымъ лицомъ. Затѣмъ находишь остатки довольно большого помѣщенія, раздѣленнаго на большое число маленькихъ комнатъ, служившихъ, по мнѣнію однихъ, гауптвахтой, по мнѣнію другихъ, гостиницей. Оттуда попадаешь къ однимъ изъ воротъ города—порогъ ихъ еще на своемъ мѣстѣ—и входишь въ Остію. Кварталъ, куда выходишь, довольно жалкій, каковы обыкновенно бываютъ окраины большого города, особенно города торговаго, гдѣ скучивается бѣдный людъ. Съ двухъ сторонъ главной улицы идутъ дома,

на видъ бѣдные и маленькіе, и эта улица скоро развѣтвляется на нѣсколько болѣе узкихъ, которыя вели въ разныя стороны. Висконти колебался, въ какомъ направленіи итти ему дальше; стѣны, попадавшіяся ему на пути, были исправлены кое-какъ помощью остатковъ, взятыхъ въ другомъ мѣстѣ; изъ маленькой каменной урны, похищенной съ могилы, сдѣлали бассейнъ для фонтана. Изъ всего этого онъ вывелъ заключеніе, что напалъ на кварталъ пятаго или шестого вѣка, спѣшно отстроенный вновь послѣ перваго постигшаго Остію бѣдствія, когда испуганные жители хотѣли бѣжать отъ моря, откуда къ нимъ являлись враги, и скучивались въ этомъ маленькомъ уголкѣ города, ближе къ Риму, откуда могла придти къ нимъ помощь. Поэтому онъ подумалъ, что въ этомъ мѣстѣ нельзя надѣяться сдѣлать важныя открытія, и не продолжалъ здѣсь раскопокъ.

Но въ то же самое время онъ приступилъ къ нимъ съ другого конца города, ближе къ той части, которая подходитъ къ морю, и тутъ онъ оказался счастливѣе. Нѣсколько ниже башни Boacciana съ давнихъ поръ обращало на себя вниманіе значительное количество развалинъ, расположенныхъ въ видѣ полукруга, несомнѣнно принадлежавшихъ какому-нибудь большому сооруженію. Обыкновенно предполагали, что это долженъ былъ быть рынокъ (emporium), и такъ какъ Канина припоминалъ, что видѣлъ воспроизведеніе подобнаго памятника на одной медали императора Севера, и что этотъ царь построилъ большую дорогу (via Severiana), начинавшуюся примѣрно въ этомъ мѣстѣ и шедшую

вдоль всего побережья, онъ не усомнился, что и рынокъ этотъ былъ также выстроенъ Северомъ и назвалъ его emporium Severi. Подлѣ emporium возвышался цѣлый холмъ обломковъ. Висконти подумалъ, что подъ нимъ должно было скрываться какое-нибудь богатое жилище и приказалъ своимъ рабочимъ смѣло приступать къ его раскопкамъ. Сначала нашли статую Цереры, затѣмъ прекраснѣйшую мозаику, какую когда-либо находили въ Римѣ. „Эта мраморная настилка, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, подтверждаетъ мнѣніе Висконти, указавшаго на то, что въ такого рода мозаикѣ надо видѣть подражаніе александрійскимъ коврамъ, которыми такъ гордилась древность. Эти причудливыя, правильно раздѣленныя арабески, окруженныя фестонами и завитушками самыхъ разнообразныхъ формъ, самыхъ яркихъ и гармоничныхъ цвѣтовъ, производятъ то же впечатлѣніе и такъ же чаруютъ глазъ, какъ наилучшій коверъ." Скоро по вѣрнымъ признакамъ увидали, что зала, гдѣ находилась эта прекрасная мозаика принадлежала банямъ, и по обилію украшеній предположили, что это были общественныя бани. Было, какъ разъ, извѣстно благодаря одной любопытной надписи, что императоръ Антонинъ построилъ въ Остіи бани съ морской водой, стоившія ему болѣе 2,000,000 сестерцій (400,000 франковъ), и подумали, что открыли именно ихъ. Но, продолжая раскопки, увидѣли, что эти бани, несмотря на ихъ великолѣпіе, составляли лишь дополненіе къ роскошному жилищу, которое теперь совершенно расчищено. Оно занимаетъ обширное пространство

или, какъ говорили римляне, цѣлый островъ, заключенный между четырехъ улицъ. Главный входъ, по сосѣдству съ Тибромъ, украшенъ двумя прекрасными колоннами изъ мрамора, которыя вновь поставили на ихъ цоколи.

Домъ построенъ такъ же, какъ дома Помпеи, но перистиль такъ обширенъ, комнаты въ немъ такъ многочисленны и велики, что едва-ли онъ служилъ помѣщеніемъ для простого смертнаго; а такъ какъ знали, что императоры проживали часто въ Остіи, явилось предположеніе, что они помѣщались въ этомъ прекрасномъ домѣ и назвали его „императорскимъ дворцомъ." Эта гипотеза не подкрѣпляется никакимъ серьезнымъ основаніемъ и естественнѣе думать, что домъ принадлежалъ какому-нибудь богатому банкиру или извѣстному торговцу; мы сейчасъ увидимъ, что послѣднихъ въ Остіи было не мало.

Это не единственный кварталъ, гдѣ находишь явные слѣды важнаго значенія, какое имѣлъ этотъ городъ, и его благоденствія. Храмъ Юпитера или Вулкана, о которомъ я говорилъ, теперь совершенно очищенъ, и когда его высвободили изъ-подъ развалинъ, покрывавшихъ его основаніе, онъ предсталъ во всемъ своемъ великолѣпіи. Онъ состоялъ, какъ большинство нашихъ средневѣковыхъ церквей, изъ двухъ зданій одно надъ другимъ; нижнее служило кладовой для самаго храма. Фронтонъ поддерживался шестью коринѳскими колоннами, отъ которыхъ остались лишь безформенные обломки; но сохранились еще немногія изящныя скульптурныя украшенія фриза, и время пощадило порогъ дверей, состоящій изъ одной глыбы уди-

вительнаго африканскаго мрамора, длиной въ 4 метра. По этому мы можемъ судить о великолѣпіи остального. Передъ храмомъ, входъ въ который обращенъ на югъ, тянется маленькая площадь, украшенная портиками; съ другой стороны прямая улица ведетъ къ Тибру, то есть къ центру торговаго и дѣлового движенія. Она была, какъ наша улица Риволи, окаймлена съ двухъ сторонъ портиками. Кирпичные столбы, поддерживавшие ихъ, остались на своихъ мѣстахъ; легко представить себѣ въ воображеніи разноплеменную толпу гуляющихъ, приходившую сюда искать защиты отъ дневного зноя. Съ двухъ сторонъ входы въ магазины, теперь расчищенные, и которые должны были быть очень обширны и роскошны. Эта улица, вмѣстѣ съ портиками, имѣетъ 15 метровъ въ ширину; это самая большая римская дорога, когда либо открытая, и въ Помпеѣ нѣтъ ничего на нее похожаго.

Работы находились въ такомъ положеніи, когда въ 1870 году въ Римѣ произошелъ правительственный переворотъ. Раскопки въ Остіи не были прерваны; удовольствовались тѣмъ, что поручили вести ихъ Пьетро Розѣ, извѣстному публикѣ по открытіямъ, сдѣланнымъ имъ передъ тѣмъ въ Палестинѣ. Розѣ, человѣку съ умомъ изобрѣтательнымъ и крайне находчивымъ, съ перваго же дня пришла счастливая мысль, долженствовавшая стать плодотворною. Онъ вовсе не стоялъ за то, чтобы продолжать работы Висконти, котораго онъ замѣнялъ; онъ хотѣлъ попытать новыхъ путей и направить раскопки въ другую сторону. Онъ сказалъ себѣ, что такъ какъ Остія была однимъ изъ большихъ торговыхъ городовъ

имперіи и получала товары со всѣхъ концовъ земли, то въ ней навѣрно должны были быть магазины для ихъ храненія и, согласно мѣстнымъ обычаямъ и свидѣтельству здраваго смысла, эти магазины должны были находиться на берегу Тибра. Тамъ онъ и сталъ ихъ искать и нашелъ безъ большого труда. Тибръ образуетъ въ этомъ мѣстѣ полукругъ, вдоль котораго построенъ городъ. Всякій слѣдъ какой-либо набережной исчезъ, и вода прямо бьетъ о стѣны домовъ. Нѣкоторые изъ нихъ опираются даже на крѣпкіе столбы, которые стоятъ въ рѣкѣ, такъ что суда могли бы теперь входить въ погреба и тамъ прямо выгружать товары. Обширные магазины со сводами, принимавшие товары, еще существуютъ; въ нихъ находятъ, наполовину зарытыя въ землю, большія амфоры, куда ссыпали зерно и сливали масло. Онѣ долго служили и на нѣкоторыхъ слѣды сдѣланныхъ на нихъ починокъ. Всѣ эти дома выходятъ на улицу, которая должна была быть очень оживленной во времена расцвѣта Остіи. Она идетъ параллельно рѣкѣ, съ которой ее соединяютъ улички или вѣрнѣе маленькіе проходы. Одинъ изъ этихъ проходовъ замыкается монументальными воротами, показывающими, что даже въ этихъ торговыхъ кварталахъ имѣли нѣкоторый вкусъ къ изящному, и что въ дѣловые расчеты входила также и забота объ искусствѣ. Улица Доковъ, какъ бы можно было ее назвать, по большей части расчищена во всю длину и теперь можно по ней слѣдовать до рынка Севера.

II.

Почему былъ основанъ Остійскій портъ.—Даровая раздача хлѣба въ Римѣ. — Трудность продовольствованія Рима.—Созданіе порта Клавдія.—Портъ Траяна.—Императорскій дворецъ. — Городъ Portus. — Великолѣпіе Остіи и Portus'a.

Идя по этой длинной улицѣ, пробираясь между двумя рядами магазиновъ, которые время отъ времени прерываются пустыми пространствами, открывающими видъ на Тибръ, переносишься мыслью въ торговый и промышленный міръ, показывающій намъ древность въ новомъ свѣтѣ. Древніе историки совсѣмъ не говорятъ намъ объ экономическихъ условіяхъ общества ихъ эпохи; они повидимому не подозрѣвали, что придетъ время, когда людямъ будетъ интересно узнать, какъ эти общества добывали средства къ существованію, какимъ образомъ обмѣнивались они товарами съ своими сосѣдями, откуда получали необходимые или пріятные для жизни предметы. Эти подробности кажутся имъ слишкомъ низкими, и такъ какъ они любятъ знакомить насъ съ своей эпохой лишь съ ея наиблагороднѣйшихъ сторонъ, до такихъ подробностей они нисходятъ неохотно. Но въ Остіи особенно возникаютъ всѣ эти вопросы, и въ ней же ихъ легче всего разрѣшить. Видъ ея развалинъ, воспоминанія объ ея исторіи могутъ дать намъ на этотъ счетъ не одно полезное свѣдѣніе.

По преданію, Остія была основана римскимъ царемъ Анкомъ Марціемъ. „Это онъ, говоритъ древній поэтъ Энній, построилъ эту гавань для

прекрасныхъ судовъ и матросовъ, которые ищутъ свою судьбу въ волнахъ.“ Когда Римъ сталъ владыкой міра, мудрецы, старавшіеся разгадать причины, по какимъ онъ сдѣлался такъ могучъ, поздравляли Ромула съ тѣмъ, что онъ не выбралъ для своего города мѣста на берегу моря. Цицеронъ, по свидѣтельству греческихъ философовъ, перечисляетъ всѣ опасности, какимъ подвержены приморскіе города. Онъ намъ говоритъ, что въ нихъ ничто не предупреждаетъ о неожиданномъ приближеніи врага, который можетъ причалить къ берегу и проникнуть въ городъ такъ, что и не замѣтишь. Онъ прибавляетъ, что такіе города больше подвергаются внѣшнему вліянію и беззащитны противъ порчи отъ дѣйствія чужеземныхъ нравовъ. „Народы, населяющіе ихъ, не привязываются къ своему семейному очагу; вѣчная перемѣнчивость надеждъ и желаній уноситъ ихъ далеко отъ родины; и даже когда они на самомъ дѣлѣ остаются на томъ же мѣстѣ, ихъ предпріимчивыя души все странствуютъ и скитаются по бѣлу свѣту.“ Это именно и погубило Коринѳъ и прекрасные острова Греціи, „которые, опоясанные волнами, все будто плаваютъ еще, храня въ себѣ измѣнчивыя учрежденія и нравы своихъ измѣнчивыхъ городовъ.“ Цицеронъ заключаетъ изъ этого, что Ромулъ показалъ рѣдкую прозорливость, поселившись внутри страны, но въ то же время по близости отъ рѣки, которая могла доставлять товары изъ сосѣднихъ земель. Сомнительно, чтобы основатель Рима разсуждалъ такъ, какъ ему приписываютъ; но несомнѣнно, что новый городъ очень радовался тому, что море не слишкомъ далеко, и постарался скоро вос-

пользоваться, себѣ на благо, этимъ выгоднымъ сосѣдствомъ. Граждане, его населявшіе, были воодушевлены страстями, которыя на первый взглядъ кажутся несовмѣстимыми. Обыкновенно ихъ показываютъ только съ одной стороны, самой прекрасной, самой блестящей; они имѣютъ ихъ двѣ, совершенно противоположныя. Это были воины, побѣдители, которымъ преданіе приписываетъ лишь духъ геройства; но въ этихъ полубогахъ жилъ и духъ торговцевъ и ростовщиковъ. Они были столь же алчны, сколь и смѣлы, они любили славу, но также очень и деньги; они великолѣпно умѣли считать, и подъ надменной внѣшностью таили способность не брезговать барышами, какіе можно извлекать изъ торговли. Это для ихъ удовлетворенія Анкъ Марцій и основалъ гавань Остію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Тибръ впадаетъ въ море.

Въ ту эпоху римскій царь не былъ достаточно богатъ, чтобы предпринимать на далекомъ разстояніи дорогія работы. Ему приписываютъ основаніе арсенала (navale), но возможно, что онъ не построилъ ни моловъ, ни бассейновъ, во всякомъ случаѣ отъ нихъ не нашли никакихъ слѣдовъ; само устье рѣки представляло портъ, и не стоило большихъ трудовъ сдѣлать его болѣе удобнымъ и болѣе надежнымъ. Въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ служилъ во все время республики. Въ своей узкой и неглубокой оградѣ онъ давалъ пріютъ не только торговымъ судамъ, но и государственнымъ кораблямъ: Титъ Ливій сообщаетъ намъ, что во время пуническихъ войнъ нѣсколько эскадръ отплыли изъ Остіи, чтобы напасть на карѳагенскій флотъ. Между тѣмъ

невозможно было вѣчно довольствоваться старымъ портомъ Анка Марція; кромѣ того, что онъ долженъ былъ стать недостаточнымъ, когда вмѣстѣ съ могуществомъ Рима увеличилась и его торговля, Тибръ скоро обмелѣлъ близъ своего устья. Желтая рѣка, какъ его называютъ, несетъ много въ своемъ теченіи илу и песку: Ланчіани расчиталъ, что подлѣ устья Фіумичино берегъ подвигается въ море болѣе чѣмъ на 3 метра ежегодно, и на 9 метровъ подлѣ устья Остіи. Входъ въ гавань такимъ образомъ становится съ каждымъ днемъ затруднительнѣе и къ концу республики доступъ въ него для большихъ кораблей сталъ почти невозможенъ.

А между тѣмъ это было время, когда Римъ, для своего продовольствія, болѣе всего нуждался въ привлеченіи кораблей со всего міра. Какимъ образомъ римская Кампанія, этотъ край, раньше такой богатый и такой обработанный, такъ быстро дошла до того, что не могла прокармливать своихъ жителей? Плиній Старшій обвиняетъ въ этомъ крупныхъ помѣщиковъ: latifundia perdidere Italiam. Эти обширныя владѣнія, поглотившія наслѣдіе стольких бѣдныхъ семействъ, заключали въ себѣ парки, сады, портики, мѣста для прогулокъ; все это было отнято у земледѣлія. Кромѣ того, владѣльцы были склонны вездѣ замѣнять хлѣбныя поля пастбищами, которыя даютъ болѣе вѣрный доходъ и которыя удобнѣе поддерживать. Момзенъ прибавляетъ, что иностранная конкуренція отбила охоту у римскихъ хлѣбопашцевъ къ земледѣлію, и когда они увидали, что купцы Сициліи и Египта привозятъ изъ своей страны

зерно по дешевой цѣнѣ и въ изобиліи, они перестали воздѣлывать хлѣбъ у себя. Съ этихъ поръ Римъ, могучій Римъ, попалъ въ зависимость отъ своихъ сосѣдей;онъ могъсуществовать только произведеніями чужими, какія доставляло ему море, минуя тысячи опасностей. „Всякій день, говоритъ Тацитъ, выражаясь на своемъ энергичномъ языкѣ, жизнь римскаго народа представляетъ игралище волнъ и бурь морскихъ.“ Въ то же время и какъ бы для того, чтобы сдѣлать зло непоправимымъ, вожди демократіи, достигшіе, наконецъ, власти, платили народу за это достиженіе съ щедростью, послѣдствія которой должны были стать роковыми для республики. К. Гракхъ рѣшилъ, что отнынѣ государство беретъ на себя кормить въ извѣстной мѣрѣ бѣдныхъ гражданъ. Имъ раздавали боны на хлѣбъ (tesserœ frumentariœ), позволявшія имъ имѣть его за полъ-цѣны. Такъ какъ естественно, что не останавливаются на полумѣрахъ, то, вслѣдъ за Гракхами, другой демагогъ придумалъ давать его совсѣмъ даромъ. Чѣмъ меньше платили, тѣмъ больше становилось число желавшихъ пользоваться этой привилегіей: ихъ насчитывали 320.000, когда Цезарь овладѣлъ властью. Какъ ни хотѣлось ему быть популярнымъ, онъ нашелъ, что это ужъ слишкомъ и уменьшилъ число до 150.000, что уже въ высшей степени дѣлаетъ ему честь. Говорятъ, будто Августъ хотѣлъ пойти дальше, и что одно время онъ думалъ больше ничего никому не давать. Светоній передаетъ намъ, что послѣ одного голода, когда изъ Рима изгнали толпы пригнанныхъ на продажу рабовъ, шайки гладіаторовъ и всѣхъ иноземцевъ, за исключеніемъ учителей и докто-

ровъ, императору пришло на мысль совершенно упразднить даровыя раздачи. Онъ отлично видѣлъ, что онѣ потакали лѣни и дезертирству. Однако онъ ихъ сохранилъ, говоритъ его историкъ, ибо боялся, что если упразднитъ ихъ, какой-нибудь честолюбецъ расположитъ въ свою пользу народъ, пообѣщавъ ему ихъ возстановить. Онъ даже кончилъ тѣмъ, что показалъ себя менѣе суровымъ, чѣмъ Цезарь и послѣ его смерти 200.000 гражданъ получали отъ государства хлѣбъ. Это много, если подумать, что въ Парижѣ только 113.000 человѣкъ внесены въ списки Общественной помощи, что по самому благопріятному счету народонаселеніе Рима было по крайней мѣрѣ на треть меньше народонаселенія Парижа, и что большая часть этого народонаселенія состояла изъ рабовъ, которыхъ должны были кормить ихъ владѣльцы. Изъ этого мы должны были бы заключить, что въ Римѣ было очень значительное количество бѣдныхъ, еслибы не проще было предположеніе, что многіе изъ приходившихъ за царской подачкой не были бѣдными въ истинномъ смыслѣ слова, но мелкими буржуа, которые съ удовольствіемъ пользовались такимъ увеличеніемъ своего дохода, позволявшимъ имъ жить въ большемъ довольствѣ. Они отнюдь этого не стыдились, напротивъ, повидимому, скорѣе гордились: такъ какъ эти щедроты касались только людей, пользовавшихся правомъ гражданства, были люди, выставлявшіе на своихъ эпитафіяхъ, „что они получили свою долю при раздачахъ хлѣба,“ чтобы показать, что они граждане.

Съ тѣхъ поръ продовольствіе столицы стало главной заботой императоровъ. Римскій народъ,

такой покорный, такой угодливый, такъ всегда готовый потакать всѣмъ капризамъ своихъ владыкъ, приходилъ въ дурное расположеніе только когда боялся, что уменьшатъ его долю хлѣба. Чуть замѣчалось малѣйшее замедленіе въ раздачѣ хлѣба, которая должна была происходить ежемѣсячно, эта самая чернь, обыкновенно ни на что не жаловавшаяся, поднимала передъ дворцомъ бунтъ, или во время отсутствія царя бросалась грабить домъ и ломать мебель префекта Рима. Когда распространялся слухъ, что хлѣба можетъ не хватить, городомъ овладѣвалъ слѣпой страхъ, одинъ изъ тѣхъ страховъ, какой проявлялся между прочимъ у насъ въ самые ужасные дни нашей революціи и располагалъ народъ къ наихудшимъ насиліямъ. Императоры сдѣлали все, чтобы разгонять эти страхи; они всячески поощряли купцовъ всѣхъ странъ и народовъ, чтобы тѣ везли свой хлѣбъ въ Италію. Клавдій даровалъ большія привилегіи тѣмъ, которые снаряжали съ этой цѣлью корабли. Онъ увеличилъ ихъ барыши и обѣщалъ вознагражденіе за убытки. Всѣ, кто, такъ или иначе, участвовали въ администраціи по продовольствію Рима (Annona), были избавлены отъ всякой другой службы: „они работаютъ, гласилъ законъ, для общественной пользы!“ Эта администрація была предметомъ такихъ отличій и привилегій со стороны правительства, что въ концѣ концовъ она стала пользоваться большимъ почетомъ въ провинціяхъ; всюду чувствовали ея значеніе, и такъ какъ она задавалась цѣлью обезпечивать жизнь „священнаго города,“ ее называли также Annona sancta. Хлѣбъ прибывалъ въ Италію со

всѣхъ концовъ земли; но больше всего его доставлялъ Египетъ, больше половины всего, что потреблялось въ Римѣ. Это громадное количество хлѣба, который чиновники анноны собирали по всей странѣ, отправлялось въ Италію съ особой флотиліей въ моментъ, казавшійся наиболѣе благопріятнымъ. Но такъ какъ въ Египтѣ жатва зависитъ отъ разлива Нила и не всегда одинаково обильна, Коммоду пришла мысль, чтобы обезпечить себя отъ подобныхъ несчастныхъ случайностей, создать новый флотъ, отправлявшійся ежегодно въ Карѳагенъ за африканскимъ хлѣбомъ; такимъ образомъ двѣ самыя плодородныя страны въ мірѣ должны были платить Риму дань. Но и этого было еще недостаточно; Египетъ и Африка могли быть одновременно постигнуты одинаковымъ неурожаемъ; надо было принять предосторожность противъ всеобщаго неурожая и обезопасить Римъ отъ голода, который могъ наступить въ цѣломъ мірѣ. Чтобы достичь этой цѣли, построили громадные амбары и наполняли ихъ въ обильные годы въ предвидѣніи плохихъ лѣтъ. Предусмотрительные цари заботились о томъ, чтобы они были всегда полны; они заключали, какъ намъ передаютъ, количество достаточное для прокормленія римскаго народа въ теченіе семи лѣтъ: меньше нельзя было, чтобы успокоить эту такъ легко пугавшуюся толпу, испытывавшую вѣчный страхъ умереть отъ голода.

Объясняется этотъ страхъ народа тѣмъ, что большая часть хлѣба, продовольствовавшаго Римъ, могла доставляться только моремъ; а море устрашало римлянъ. Эти смѣлые воины не были вмѣстѣ съ тѣмъ отважными мореплавателями,

подобно грекамъ. Они были склонны преувеличивать опасности коварной стихіи; они вѣчно дрожали за судьбу драгоцѣнныхъ кораблей, которые везли имъ ихъ продовольствіе и должны были переплывать море. Поэтому приближеніе египетскаго флота къ берегамъ Италіи каждый годъ составляло цѣлое событіе. Сенека разсказываетъ, что чуть завидятъ въ Пуццоли легкіе корабли, называвшіеся „вѣстниками", упреждавшіе другіе и возвѣщавшіе о нихъ, Кампанія предавалась радости. Толпа тѣснилась у плотинъ порта, стараясь издали различить въ морѣ среди множества судовъ суда александрійскія, которыя можно было узнать по особому виду парусовъ. Это уже было много — проплыть черезъ Средиземное море и прибыть изъ Египта въ Пуццоли, однако путь еще не былъ оконченъ: слѣдовало итти берегомъ изъ Пуццоли въ Остію, что представляло большія опасности, и даже когда были уже передъ Тибромъ и въ виду Остіи, не все еще считалось оконченнымъ. Входъ въ рѣку былъ такъ труденъ, берега такіе плохіе и измѣнчивые, что не одинъ корабль разбивался о нихъ. Развѣ однажды не видѣли гибель одновременно болѣе двухсотъ кораблей въ самомъ портѣ, гдѣ имъ не было защиты противъ бури?

Послѣднюю опасность можно было по крайней мѣрѣ предотвратить. Стоило построить въ Остіи портъ болѣе надежный, гдѣ бы суда могли легко приставать и не боялись бы никакихъ бурь. Говорятъ, Цезарь думалъ это сдѣлать, но смерть помѣшала ему, и объ этомъ намѣреніи не вспоминали послѣ него въ теченіе слишкомъ столѣтія. На долю Клавдія, слабоумнаго Клавдія, выпала

честь привести его въ исполненіе. Этотъ жалкій царь, осмѣянный за свои семейныя несчастія и обладавшій не вполнѣ здоровой головой, любилъ однако полезныя работы. Рвеніе его къ этому усилилось вслѣдствіе одной личной опасности, которой онъ подвергся въ началѣ своего царствованья. Когда онъ вступилъ на престолъ, въ Римѣ свирѣпствовалъ страшный голодъ, и обвиняли его предшественника, бывшаго будто бы тому причиной. Калигулѣ, лишенному совершенно разсудка, пришла фантазія проѣхаться верхомъ по Неаполитанскому заливу. Чтобы удовлетворить этой фантазіи поспѣшно собрали всѣ корабли, сколько ихъ было въ итальянскихъ гаваняхъ, и всѣ лодки; затѣмъ, связавъ ихъ вмѣстѣ, сдѣлали широкій мостъ, отъ Пуцоли до Баули съ гостиницами по пути для развлеченій, и прихоть императора была исполнена. Но корабли, употребленные на забаву Цезаря, не могли въ благопріятное время отправиться за хлѣбомъ въ Африку и Египетъ, и въ Римѣ чувствовался недостатокъ хлѣба. Тѣмъ временемъ Калигула умеръ, и народъ въ ярости обрушился на неповиннаго Клавдія, такъ что онъ чуть было не поплатился за безумства своего предшественника. На него напали въ самомъ форумѣ, били и поносили, и онъ спасся отъ рукъ разсвирѣпѣвшей толпы, только благодаря потайной двери, случайно открытой и позволившей ему возвратиться на Палатинъ. Клавдій пережилъ въ тотъ день большой страхъ. Чтобы не подвергаться больше подобнымъ бунтамъ и облегчить привозъ хлѣба, онъ рѣшилъ построить новый портъ въ Остіи. Говорятъ, что инженеры, противно своему обычаю, преувеличили расходы на

это предпріятіе, чтобы отклонить отъ него царя; но онъ не поддался ничьимъ доводамъ, что вовсе не было въ его нравахъ, и боясь, что работы будутъ вестись небрежно, онъ принялъ рѣшеніе самому наблюдать за ними. Все время, что онѣ шли, онъ подолгу жилъ въ Остіи. Онъ былъ тамъ въ тотъ день, когда, женѣ его Мессалинѣ пришла фантазія отъ живого мужа выйти замужъ за своего любовника Силія. Тацитъ разсказываетъ, что на другой день послѣ свадьбы, въ то время, что она предавалась съ своими друзьями своего рода оргіи или неистовой вакханаліи, одинъ изъ нихъ въ припадкѣ разнузданности влѣзъ на высокое дерево, и когда у него спросили, что онъ оттуда видитъ, онъ отвѣчалъ, что со стороны Остіи надвигается страшная гроза. То былъ мужъ, который, хоть и нѣсколько поздно предупрежденный, шелъ, чтобы нарушить празднество.

Портъ Клавдія существуетъ до сихъ поръ; но, благодаря быстрому обмелѣнію, онъ теперь окруженъ со всѣхъ сторонъ сушей; однако, можно отличить его очертанія и измѣрить пространство. Его прорыли на нѣкоторомъ разстояніи отъ древней Остіи выше устья Тибра, быть можетъ, имѣя мысль предохранить его отъ обмелѣнія, справа и слѣва его замыкали два крѣпкіе мола, подобно двумъ рукамъ, говоритъ Ювеналъ, протянутымъ среди волнъ. Правый молъ, по самому своему положенію защищенный отъ бурь, состоялъ изъ арокъ, въ которыя проходила вода съ моря; другой былъ изъ сплошного плотнаго камня: онъ долженъ былъ быть достаточно крѣпкимъ, чтобы противиться напору волнъ, когда ихъ вздымаютъ южные вѣтры. Между двумя молами потопили

огромный корабль, — послѣ того что наполнили его камнями,—корабль, на которомъ привезли одинъ изъ самыхъ большихъ египетскихъ обелисковъ. Это образовало нѣчто въ родѣ островка, защищавшаго портъ и оставлявшаго для доступа въ него лишь проходъ, снабженный желѣзными цѣпями. На этомъ маленькомъ островѣ построили маякъ, то-есть башню въ нѣсколько этажей, украшенную колоннами и пилястрами, подобно той, которая служила для освѣщенія александрійскаго порта. При свѣтѣ огней, которые маякъ пускалъ на море, суда могли держать ночью вѣрное направленіе и входить въ гавань во всякій часъ и во всякую погоду.

Хотя портъ Клавдія, по словамъ Тексье, занималъ пространство въ 70 гектаровъ, онъ скоро сталъ слишкомъ тѣснымъ и при Траянѣ явилась нужда его увеличить. Этотъ неутомимый царь, покрывшій міръ всевозможными зданіями, особенно полезными памятниками, крайне заботился о морскихъ сооруженіяхъ. Онъ исправилъ портъ Анконскій и основалъ портъ Центумцеллэ (Чивита Веккія). Въ Остіи, вмѣсто того, чтобы удовольствоваться увеличеніемъ порта Клавдія, онъ прорылъ новый, подобный тому, который виденъ еще и до сихъ поръ, окруженный сушей; форму его и очертанія легко различить по волнообразности почвы. Это былъ шестиугольный бассейнъ, приблизительно въ 40 гектаровъ, со всѣхъ сторонъ окруженный набережной въ 12 метровъ съ гранитными столбами, долженствовавшими служить для причала кораблей, и которые сохранились еще на своихъ мѣстахъ. Новый портъ составлялъ продолженіе стараго и соединялся съ

нимъ каналомъ въ 118 метровъ ширины. Чтобы онъ могъ сообщаться съ Тибромъ, а черезъ Тибръ съ Римомъ, прорыли другой каналъ (fossa Trajana), ставшій впослѣдствіи новымъ рукавомъ рѣки, единственный нынѣ судоходный и называемый Фіумичино. Такимъ образомъ суда входили въ портъ Клавдія и оттуда въ портъ Траяна, представлявшій родъ внутренняго бассейна. Тутъ, если они были слишкомъ велики, чтобы итти по Тибру, ихъ разгружали и товаръ перевозили на меньшихъ судахъ. На одной любопытной картинѣ, открытой въ самой Остіи въ могилѣ одного богатаго судохозяина, мы видимъ, какъ производилась эта операція. Эта картина изображаетъ одну изъ тѣхъ барокъ, которыя служили для плаванія по Тибру и назывались naves caudicariae. Каждая, какъ теперешніе корабли, имѣла свое имя въ отличіе отъ другихъ, и имя это писали чернымъ и краснымъ на какомъ-нибудь замѣтномъ мѣстѣ. На носу было имя божества, къ которому, для большей ясности, прибавляли имя ея владѣльца: она называлась Изида Геминія (Isis Geminiana). На кормѣ надъ маленькой каюткой кормчій Фарнацъ держитъ руль; ближе къ серединѣ капитанъ Абаскантъ надзираетъ за рабочими. Съ берега, согбенные подъ тяжестью мѣшковъ съ хлѣбомъ, идутъ носильщики, направляясь къ маленькой доскѣ, положенной съ судна на берегъ. Одинъ изъ нихъ уже дошелъ и высыпаетъ содержимое своего мѣшка въ своего рода большую мѣрку (modius) въ то время, какъ противъ него mensor frumentarius, которому поручено блюсти интересы администраціи, занятъ тѣмъ, что смотритъ,

чтобы мѣра была совершенно полна, и держитъ края мѣшка, чтобы ничего не просыпалось. Нѣсколько дальше, другой носильщикъ съ пустымъ мѣшкомъ сидитъ и отдыхаетъ, и все лицо его дышитъ довольствомъ, что поясняется и словомъ, написаннымъ художникомъ надъ его головой: „Кончилъ, feci". Эта сцена прямо выхвачена изъ жизни, мы видимъ подобныя каждый день въ нашихъ приморскихъ портахъ. — Такимъ образомъ нагруженная барка направлялась по fossa Trajana къ Тибру и плыла по рѣкѣ до Рима.

Подлѣ новыхъ портовъ образовался новый городъ; его называли по имени основателя Portus Trajani или просто Portus (теперешній Porto). Онъ главнымъ образомъ былъ населенъ торговцами и чиновниками анноны. Ланчіани утверждаетъ, что болѣе двухъ третей домовъ, отъ которыхъ сохранились кое-какіе остатки, были магазины. Они тянутся въ нѣсколько рядовъ вокругъ бассейна длинными прямыми линіями и имѣютъ видъ, будто всѣ построены одновременно и по одному образцу. Они должны были имѣть два этажа: нижній, гдѣ хранили зерно, вино или масло, и верхній, теперь уничтоженный, заключавшій навѣрно помѣщенія рабочихъ и чиновниковъ. Хлѣбные амбары и теперь можно узнать по толщинѣ стѣнъ и по тщательной обмазкѣ, какою ихъ покрывали, чтобы уберечь отъ сырости, которой особенно боялись въ такой болотистой мѣстности. Предполагаютъ, что магазины торговцевъ виномъ были расположены подлѣ храма Вакха, остатки котораго были найдены. Тамъ же должны были быть и другіе магазины, масла и мрамора, ибо въ Остіи шла

большая торговля и этими предметами. Наряду съ этими обширными складами, безъ которыхъ не можетъ обходиться морской портъ, Траянъ заботился также о постройкѣ зданій, предназначавшихся для украшенія города, бань, портиковъ, храмовъ; наконецъ, такъ какъ онъ гордился своей работой и долженъ былъ часто пріѣзжать надзирать за ней, онъ построилъ для себя самого великолѣпный дворецъ на участкѣ, отдѣлявшемъ его портъ отъ порта Клавдія. Этотъ дворецъ былъ бы несомнѣнно одной изъ самыхъ интересныхъ развалинъ древняго Рима, еслибы его умѣли откопать съ разумѣніемъ, и позаботились бы о сохраненіи его остатковъ. Тексье въ интересной статьѣ разсказываетъ намъ, какъ онъ туда проникъ, когда еще почти неизвѣстно было о его существованіи. Одинъ рабочій, преслѣдуя барсука и видя, что онъ скрылся въ какой-то дырѣ, всунулъ въ нее палку, чтобы достать тамъ барсука; тутъ онъ замѣтилъ, что дырка дѣлается все шире и когда онъ снялъ нѣсколько большихъ камней, онъ увидѣлъ, что отверстіе вело въ большую залу. Дали знать Тексье, онъ первый туда вошелъ и увидалъ прекрасное зрѣлище: въ то время какъ первый лучъ свѣта проникъ въ эти глубины, гдѣ сумракъ царилъ въ теченіе столѣтій, и заставилъ встрепенуться цѣлый міръ насѣкомыхъ, устроившихъ себѣ тамъ пребываніе, онъ освѣтилъ также и ліаны, и сталактиты, свѣшивавшіеся со сводовъ, и воду, поблескивавшую въ небольшихъ углубленіяхъ. Изъ этой залы былъ ходъ въ другую, а за этой еще и еще. Ихъ было столько, говоритъ Тексье, и все такія обширныя, что для того, чтобы не заблудиться въ этомъ мракѣ вынуждены были

держать направленіе по компасу, какъ въ дѣвственномъ лѣсу. Послѣ этого во дворцѣ Траяна были произведены раскопки по распоряженію принца Торлоніа, которому принадлежитъ вся эта мѣстность; къ несчастью, это было сдѣлано не въ интересахъ науки. Такъ какъ искали только произведенія искусства, чтобы обогатить музей Лунгары, копали слишкомъ поспѣшно и тайкомъ. Собравъ жатву, поторопились, согласно обычаю, вновь прикрыть все, что передъ тѣмъ открыли. Ланчіани, которому позволили, въ видѣ особой милости, взглянуть на эти чудесныя развалины, не имѣлъ даже времени снять съ нихъ планъ. Онъ говоритъ о баняхъ, о храмахъ, о великолѣпныхъ залахъ, о маленькомъ театрѣ, совершенно сохранившемся, куда Траянъ, навѣрно, приходилъ, чтобы отдохнуть и насладиться зрѣлищемъ пантомимы, за чрезмѣрное пристрастіе къ которой его упрекали; наконецъ,—о громадномъ портикѣ, благодаря колоннамъ, стоявшимъ еще на своихъ мѣстахъ, прозванномъ, вмѣстѣ со всѣмъ дворцомъ, Palazzo delle cento colonne. Эти остатки были такъ хороши, что у грубаго крестьянина, сопровождавшаго Ланчіани, вырывались восторженныя восклицанія. Спасенные отъ рукъ варваровъ средневѣковья и любителей временъ Возрожденья, часто болѣе страшныхъ, чѣмъ сами варвары, они въ концѣ концовъ безвѣстно погибли въ наши дни вслѣдствіе неумѣлыхъ распоряженій знатнаго цѣнителя древностей: Quod non fecerunt barbari fecerunt Barberini.

Не въ одномъ дворцѣ императора заключалось столько великолѣпія; мы знаемъ, что оба

города Остія и Портъ были богаты и роскошны. Это хорошо видно по открытымъ тамъ прекраснымъ колоннамъ, по драгоцѣнному мрамору, удивительнымъ статуямъ. Все должно было тамъ быть въ изобиліи. Тацитъ разсказываетъ, что послѣ пожара Рима при Неронѣ поспѣшно построили на Марсовомъ полѣ и въ публичныхъ садахъ временныя убѣжища для множества людей, оставшихся безъ пріюта. Надо было, какъ можно скорѣе, снабдить ихъ мебелью; ее привезли изъ Остіи. Слѣдовательно, въ этомъ городѣ было ея гораздо больше, чѣмъ требовалось лишь для однихъ его жителей. Это благоденствіе возросло еще послѣ смерти Нерона. Независимо отъ большихъ работъ Траяна, о которыхъ я говорилъ, Адріанъ и Антонинъ украсили Остію прекрасными памятниками. Авреліанъ построилъ тамъ новый форумъ, а слабоумный императоръ Тацитъ изъ собственной казны даровалъ ей сто колоннъ изъ нумидійскаго мрамора, въ 23 метра высоты: это была совершенно необычайная щедрость для того несчастнаго времени. Какъ и вообще во всѣхъ большихъ промышленныхъ городахъ, тамъ было очень много корпорацій. Вся торговля была въ рукахъ цеховыхъ обществъ, имѣвшихъ свои собранія, свою казну, своихъ должностныхъ лицъ, и среди этихъ обществъ нѣкоторыя, повидимому, имѣли очень большое значеніе. Естественно, что тамъ образовывались большія состоянія; нѣкоторые изъ этихъ счастливыхъ торговцевъ, разбогатѣвшихъ отъ торговли масломъ или хлѣбомъ, непремѣнно хотѣли оставить по себѣ воспоминанія. Достигнувъ богатства, они хотѣли добиться уваженія и выказывали себя

баснословно щедрыми, въ отношеніи украшенія своего города или удовольствія своихъ согражданъ. Таковъ былъ Луцилій Гамала, жившій, вѣроятно, при Антонинахъ и о щедротахъ котораго повѣствуютъ намъ нѣкоторыя надписи, онъ происходилъ изъ стараго рода, и его предки, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, занимали въ Остіи самыя почетныя должности. Поэтому его съ пеленокъ записали въ городскіе совѣтники. Позднѣе онъ былъ понтифексомъ, квесторомъ, муниципальнымъ совѣтникомъ, дуумвиромъ, всѣмъ, чѣмъ только можно было быть въ римской колоніи. Послѣ его смерти ему устроили общественныя похороны и поставили статуи, но зато сколькими благодѣяніями отплатилъ онъ заранѣе за почести, какими его осыпали! Перечень ихъ и, конечно, еще неполный, поистинѣ кажется невѣроятнымъ; онъ устраивалъ общественныя игры, борьбу гладіаторовъ, болѣе великолѣпныя и болѣе дорогія, чѣмъ это дѣлали обыкновенно, не желая принимать суммы денегъ, которыя городъ выдавалъ магистрату, чтобы помогать ему въ его затратахъ. Два раза онъ устроилъ обѣдъ всѣмъ жителямъ Остіи и одинъ разъ даже угощалъ ихъ въ 217 столовыхъ; онъ вымостилъ на свой счетъ одну улицу, сосѣднюю съ форумомъ, на пространствѣ между обоими тріумфальными воротами; онъ вновь отстроилъ храмъ Вулкана, храмъ Тибра, Касторовъ, построилъ храмъ Венерѣ, Фортунѣ, Церерѣ и Надеждѣ; онъ принесъ въ даръ рынку и виннымъ складамъ общественные вѣсы, построилъ на Форумѣ мраморное зданіе суда, вновь отстроилъ арсеналъ и бани Антонина, уничтоженные пожаромъ. Наконецъ,

когда городъ, обязавшійся вносить значительную сумму въ государственную казну, въ трудную минуту не могъ справиться вполнѣ съ принятыми на себя обязательствами и былъ вынужденъ продавать общественныя земли, Гамала пришелъ ему на помощь и разомъ выдалъ 3 милліона сестерцій (600.000 франковъ). Какое несмѣтное состояніе надо было имѣть, чтобы расточать такія щедроты! Вотъ люди, жившіе въ прекрасныхъ домахъ, открытыхъ въ Остіи; нетрудно понять, почему они строили ихъ съ такимъ великолѣпіемъ и наполняли такими чудесными произведеніями.

III.

Религіозные памятники Остіи. — Введеніе христіанства и его быстрый успѣхъ. — Ксенодохій Паммахія.—Сочиненіе Октавій Минуція Феликса.—Смерть св. Моники.

Особенность, которая поражаетъ всѣхъ занимающихся древностями Остіи, это большое количество храмовъ и всевозможныхъ святилищъ, построенныхъ тамъ. Историки и надписи упоминаютъ о многихъ изъ нихъ, а нѣкоторые были найдены при послѣднихъ раскопкахъ. Очевидно, Остія была городъ набожный. У нея имѣлся мѣстный культъ, культъ Вулкана, котораго она, повидимому, очень держалась. Понтифексы Вулкана являются у нея главными священнодѣйствующими лицами: они надзираютъ за другими культами и разрѣшаютъ частнымъ лицамъ по ихъ желанію возводить памятники въ священныхъ зданіяхъ. Но Вулканъ не единственный чтимый въ Остіи

богъ; съ большой набожностью молятся также и другимъ, особенно Фортунѣ и Надеждѣ, истиннымъ божествамъ торговцевъ, Кастору и Поллуксу, покровителямъ мореплавателей, Церерѣ, у которой должно было быть много поклонниковъ въ городѣ, разбогатѣвшемъ черезъ торговлю хлѣбомъ. Иностранцы, составлявшіе не малую часть населенія, естественно принесли съ собой и своихъ боговъ, и послѣдніе пользовались очень большимъ вліяніемъ. Такъ какъ съ Египтомъ были постоянныя сношенія, то воздвигли алтари Изидѣ и Серапису. Азіатскій культъ Матери боговъ былъ также въ большомъ почетѣ и жители Остіи присутствовали при зрѣлищѣ одного изъ торжественныхъ жертвоприношеній, называвшихся Тороболами, на которомъ важное въ городѣ лицо, стоя въ своего рода погребѣ съ многочисленными продѣланными въ потолкѣ дырками, окроплялось кровью быка, закланнаго надъ его головой, долженствовавшей омыть его отъ грѣховъ и обезпечить спасеніе его семьи и его города. У насъ имѣется еще надпись, предназначавшаяся сохранить память объ этомъ религіозномъ празднествѣ. Одно изъ самыхъ любопытныхъ открытій, сдѣланныхъ при послѣднихъ раскопкахъ, это храмъ Матери боговъ, рядомъ съ которымъ нашли залу собраній религіозной корпораціи Дендрофоровъ! Митра, солнце непобѣдимое, богъ неуловимый (deus indeprehensibilis), какъ называетъ его одинъ изъ его поклонниковъ въ Остіи, былъ также предметомъ большого почитанія. Извѣстно, что этотъ культъ, возбуждавшій набожность при помощи своихъ тайныхъ обществъ и таинственныхъ жертвопри-

ношеній, пріобрѣлъ большое значеніе въ последніе годы имперіи, и что всѣ живыя силы язычества, казалось, сконцентрировались тогда въ немъ, чтобы бороться съ новой религіей. Въ Остіи открыли не только многочисленные остатки митрскихъ памятниковъ, но и храмъ, посвященный персидскому божеству. Это было нѣчто въ родѣ домашней церкви, расположенной въ прекрасномъ домѣ, о которомъ я говорилъ выше, извѣстномъ подъ именемъ императорскаго дворца. Она раздѣлена на три части не колоннами, какъ это бываетъ въ христіанскихъ базиликахъ, но различной высотой уровня. Каждая изъ нихъ навѣрно предназначалась вѣрнымъ различнаго положенія: такого рода раздѣленіе было естественно въ культѣ, гдѣ іерархія имѣла столько значенія. Церковь должна была быть очень изящна, если судить по драгоцѣнному мрамору, которымъ былъ выложенъ полъ. Противъ входной двери былъ алтарь, выше пола на четыре ступени, съ двумя геніями, изображающими два равноденствія, одинъ держитъ факелъ прямо, другой верхомъ внизъ. Надъ алтаремъ, согласно обычаю, было помѣщено изображеніе юнаго бога съ фригійской шапочкой на головѣ, закалывающаго быка. Отъ него нашли валявшіеся на землѣ нѣсколько обломковъ. По одной надписи мы узнаемъ, „что украшеніе алтаря было сдѣлано на счетъ К. Целія Гермера, жреца этого святилища.“

Итакъ, Остія, казалось, представляла вполнѣ подготовленную почву для принятія христіанства: извѣстно, что въ самыхъ религіозныхъ странахъ оно всего быстрѣе привилось. Морскіе порты, торговые и проѣзжіе города, гдѣ собирались люди

со всѣхъ странъ, гдѣ воздвигались храмы всѣмъ богамъ, гдѣ культы Востока насчитывали болѣе всего вѣрныхъ, такіе города особенно были для него благопріятны; поэтому можно предположить, что оно имѣло очень быстрый успѣхъ въ Остіи. Скоро тутъ образовалось два епископства, одно въ самой Остіи, другое въ Portus Trajani, прославленное св. Ипполитомъ. Приблизительно во времена Ѳеодосія, одному другу св. Іеронима, богатому и благородному Паммахію, пришла великодушная мысль построить въ Portus'ѣ пріютъ (Xenodochium) для неимущихъ странниковъ. Тутъ давали пріютъ людямъ, прибывшимъ изъ Рима, въ ожиданіи попутнаго вѣтра, а также и другихъ мѣстъ, откуда бы они ни были, имѣвшимъ въ городѣ дѣла или думавшимъ составить себѣ тамъ состояніе. Они были такъ счастливы найти пріютъ, гдѣ могли отдохнуть нѣсколько дней послѣ утомительнаго пути, что слава объ убѣжищѣ Паммахія скоро распространилась по всему свѣту. Св. Іеронимъ говоритъ, что о немъ слыхали въ Бретани, и что египтянинъ или партъ бесѣдовали между собою о немъ: Росси думаетъ, что открылъ его въ развалинахъ Portus'a. Сохранились значительные остатки, гдѣ довольно ясно можно различить базилику и обширный дворъ, окруженный колоннами, взятыми отъ прежнихъ зданій: это былъ обычный способъ стройки въ четвертомъ и пятомъ вѣкѣ и новыя зданія умѣли сооружать только при условіи обиранія прежнихъ. Какъ это мы видимъ въ средневѣковыхъ монастыряхъ, по серединѣ двора находился водоемъ или родъ колодца и на немъ была надпись, нынѣ очень попорченная, гдѣ все-таки можно

прочесть слѣдующія слова: „Кто жаждетъ, пусть придетъ сюда и пьетъ.“

Христіанство въ Остіи остается для насъ связаннымъ съ двумя важными воспоминаніями, которыя невозможно забыть, когда осматриваешь эти развалины: сочиненіе Octavius и смерть св. Моники. Octavius это первая проба христіанской апологіи, написанной римляниномъ, на языкѣ римлянъ; это и теперь еще одно изъ самыхъ интересныхъ произведеній, какія только можно прочесть. Авторъ, Минуцій Феликсъ, былъ адвокатъ и свѣтскій человѣкъ, жившій, навѣрно, въ лучшемъ обществѣ, чувствовавшій себя въ немъ, какъ дома. Онъ обращается къ людямъ образованнымъ и изъ высшаго свѣта и хочетъ быть ими услышаннымъ; поэтому онъ остерегается выражать свои мнѣнія въ сухой и догматической формѣ, которая могла бы оттолкнуть болѣе равнодушныхъ; онъ даетъ имъ пріятный тонъ и старается возбудить любопытство читателя драматическими пріемами. Книга его это діалогъ, гдѣ онъ заставляетъ дѣйствовать не теологовъ, спорящихъ между собою, а добрыхъ людей, собравщихся въ свободный день побесѣдовать. Въ ней сообщается, что его навѣщаетъ одинъ изъ его старыхъ друзей Октавій, такой же христіанинъ, какъ и онъ, послѣ долгой разлуки, и чтобы быть свободнѣе и больше принадлежать другъ другу они на нѣсколько дней оставляютъ Римъ въ обществѣ одного общаго друга Цецилія, оставшагося язычникомъ. Это происходитъ во время сбора винограда, когда суды закрыты и адвокаты свободны. Итакъ, они втроемъ отправляются въ Остію, „прелестную мѣстность“, гдѣ душа наслаждается

спокойствіемъ и тѣло вновь становится здоровымъ. Однажды утромъ, когда они шли къ морю, „предаваясь удовольствію ступать по песку, подававшемуся подъ ихъ ногами, и вдыхать легкое вѣяніе, что возвращаетъ силу усталымъ членамъ,“ Цецилій, язычникъ, завидѣвъ статую Сераписа привѣтствовалъ ее, согласно обычаю, приложивъ руку къ своимъ губамъ. Это религіозное дѣйствіе оскорбило Октавія и онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать другому своему товарищу, христіанину: „нехорошо, мой братъ, оставлять въ такомъ грубомъ заблужденіи вѣрнаго друга. Какъ позволять ему посылать поцѣлуи каменнымъ статуямъ, которыя не заслуживаютъ этой чести, какъ бы онѣ ни были покрыты вѣнками и сколько бы на нихъ ни возліяли масла?“ Никто не возразилъ на первыхъ порахъ и продолжали прогулку. Кто побывалъ на взморьѣ въ Остіи, можетъ легко возстановить мысленно дорогу, по которой вмѣстѣ шли друзья. Навѣрно они слѣдовали по длинной улицѣ, которая идетъ вдоль Тибра, или по какой-нибудь параллельной ей; затѣмъ, дойдя до мѣста, гдѣ кончались дома и ничто не закрывало вида, они стали наслаждаться зрѣлищемъ необъятнаго горизонта. Они шагали по влажному песку, вдоль берега, между лодокъ, вытащенныхъ на берегъ, гдѣ играли дѣти, забавляясь бросаніемъ въ воду камешковъ. Оба христіанина, спокойные душою, всецѣло предались радости этихъ зрѣлищъ; но Цецилій ни на что не смотритъ; онъ безмолвенъ, мраченъ, озабоченъ; его смущаютъ только что услышанныя имъ слова, онъ хочетъ, чтобы объяснились, онъ проситъ, чтобы его просвѣтили. Тогда всѣ трое садятся

на большіе камни, защищающіе молъ, и передъ лицомъ спокойнаго моря, осіянные солнцемъ, они начинаютъ вмѣстѣ бесѣду о великихъ вопросахъ, волнующихъ міръ. Развѣ это не настоящій романъ? Во всякомъ случаѣ Минуцій разсказываетъ намъ его такъ, что онъ выходитъ очень похожимъ на правду. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не одна побѣда, сдѣланная христіанствомъ во второмъ вѣкѣ, произошла при подобныхъ обстоятельствахъ, что часто какое-нибудь слово, брошенное какъ бы случайно въ благопріятную минуту, трогало хорошо подготовленную душу, и что она окончательно сдавалась послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, подобныхъ тѣмъ, какіе велись тогда на взморьѣ Остіи, и которые передалъ намъ Минуцій.

Смерть св. Моники—другое великое воспоминаніе, о которомъ говорятъ развалины Остіи. Блаженный Августинъ разсказалъ подробности о ней въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ своей Исповѣди. Возвратившись, послѣ страшной борьбы, къ вѣрѣ своей матери, къ вѣрѣ своей юности, онъ только что принялъ крещеніе отъ св. Амвросія. Такъ какъ онъ рѣшился совершенно порвать съ міромъ и хотѣлъ оставить навсегда каѳедру реторики, которой сначала такъ гордился, онъ объявилъ миланцамъ „чтобы искали для своихъ дѣтей другого продавца словъ.“ Онъ возвращался съ своей матерью въ Африку и ждалъ въ Остіи благопріятной для морского переѣзда погоды. Возможно, что Августинъ, будучи бѣденъ, помѣстился въ какой-нибудь посредственной гостиницѣ въ серединѣ стараго города. Онъ не говоритъ, чтобы изъ дома, гдѣ онъ жилъ, былъ

видъ на море. Быть можетъ, одни богатые могли строить себѣ дома въ благопріятныхъ мѣстностяхъ вдоль морского берега. Онъ говоритъ намъ только объ окнѣ, выходившемъ въ тихій садъ. Тутъ-то и произошла эта достопамятная сцена, увѣковѣченная великимъ художникомъ, незабвенная для всѣхъ тѣхъ, которые не могутъ себѣ представить, что бы имъ ни говорили, что вся эта забота и тревога о будущемъ—только безполезное любопытство. Стоя у этого окна съ глазами, обращенными къ небу, мать и сынъ, которые, казалось, предчувствовали, что разлука ихъ близка, бесѣдовали о чаяніяхъ будущей жизни, страстно волновавшихъ тогда всѣхъ. Ихъ бесѣда, говоритъ блаженный Августинъ, была полна неизъяснимой прелести, они забывали прошлое, провидя будущее и устремляясь къ тому безсмертному источнику, который утоляетъ усталую душу. Такъ какъ они постепенно отходили отъ всего земного и возносились мыслью все больше и больше къ жизни, которой нѣтъ конца, и которой они жаждали, не зная ея и не понимая, „они соприкоснулись ей на мигъ въ порывѣ души.“ Черезъ нѣсколько дней послѣ этой бесѣды Моника умерла и, умирая, она представила послѣднее и самое сильное доказательство перемѣны, произведенной въ ней горячностью ея вѣрованій. Сынъ ея намъ говоритъ, что, какъ всѣ люди того времени и тѣхъ мѣстъ, она раньше была очень озабочена вопросомъ о своемъ погребеніи. Она приготовила себѣ могилу подлѣ могилы своего мужа, и самое большое ея удовольствіе было думать, что смерть соединитъ ее съ тѣмъ, кому неразлучной подругой она была

въ этой жизни. Но, почувствовавъ, что умираетъ, она отъ этого добровольно отказалась. „Вы похороните вашу мать тутъ“, сказала она своимъ дѣтямъ, и когда ее спросили, развѣ она не боится, чтобы тѣло ея оставалось такъ далеко отъ ея родины, она отвѣчала: „Отъ Бога ничто не далеко и нечего бояться, что въ концѣ вѣковъ онъ не узнаетъ мѣста, гдѣ долженъ меня воскресить.“ Августинъ сдѣлалъ, какъ просила мать, и похоронилъ святую женщину въ одной изъ церквей Остіи.

Требуется большое усиліе воображенія, чтобы въ наши дни пробудить эти великія воспоминанія на этомъ безмолвномъ побережьи. Все тутъ такъ измѣнилось, все кажется такимъ тихимъ, такимъ мертвымъ, что трудно представить то время, когда оно было полно жизни, движенія, всякой дѣятельности. А между тѣмъ это безлюдье заключало въ себѣ одинъ изъ самыхъ шумныхъ городовъ въ мірѣ; плодородныя поля были на мѣстѣ этой пустыни. Тамъ, гдѣ теперь видишь одинъ сыпучій песокъ, были прекрасные тѣнистые сады, гдѣ росли восхитительные плоды. Разсказываютъ, что императоръ Альбинъ, слывшій тонкимъ гастрономомъ, очень цѣнилъ остійскія дыни. Плиній Младшій прославилъ красоту этого побережья, застроеннаго сплошь дачными поселками такими же большими, какъ города, такими же роскошными, какъ дворцы: теперь съ трудомъ найдешь то тамъ, то тутъ какую-нибудь жалкую лачугу. Въ наши дни не найти ни одного римлянина, который согласился бы провести одинъ часъ послѣ захода солнца на этихъ зараженныхъ берегахъ. Мы только что видѣли по Октавію

что во второмъ вѣкѣ туда отправлялись изъ Рима, чтобы найти отдыхъ и здоровье. Isola sacra, гдѣ пасутся кое-какія стада буйволовъ, былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ въ мірѣ, весь поросшій зеленью и такими цвѣтами, что его считали однимъ изъ любимыхъ мѣстопребываній Венеры. Мы много разъ слышали, какъ говорили въ Римѣ, что это былое благоденствіе можетъ возвратиться, что лучше обрабатывая землю, ее можно оздоровить, что нетрудно изгнать лихорадку, если устроить стокъ застаивающейся воды, и что такимъ образомъ вновь можно бы пріобрѣсти большой участокъ земли, теперь безполезный. Мнѣ кажется, этотъ честолюбивый замыселъ способенъ прельстить Италію. Итальянцы имѣютъ то счастливое преимущество, помимо столькихъ другихъ, что имъ для распространенія не надо нападать на сосѣдей и что они могутъ дѣлать завоеванія, не переступая своихъ границъ. Они совершенно правы, претендуя, что не выкупили еще всего наслѣдія отцовъ; но эта часть ихъ собственности, которой они еще не овладѣли вновь, эта Италія irredenta, такъ занимающая ихъ и привлекающая, она у нихъ, въ ихъ странѣ, у ихъ порога. Подлѣ ихъ городовъ, такихъ оживленныхъ и такихъ прекрасныхъ, они найдутъ, если захотятъ, мертвые города для того, чтобы оживить ихъ; вмѣсто того, чтобы поддерживать этотъ милитаризмъ, который ихъ истощаетъ, и вѣчно прислушиваться къ малѣйшему шуму внѣшнихъ раздоровъ съ цѣлью воспользоваться ими, они могутъ заняться заселеніемъ вновь своихъ пустынь, обработкой неплодородныхъ земель, возвращеніемъ, наконецъ, Италіи

всѣхъ ея богатыхъ земель, утраченныхъ ею изъ-за небреженія или варварства предыдущихъ столѣтій.—Это предпріятіе, которое не подвергнетъ ихъ несчастнымъ случайностямъ и будетъ одобрено всѣмъ міромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ш. Диль. Византійскіе портреты. Переводъ М. Безобразовой, подъ ред. и съ предисловіемъ П. Безобразова. Вып. I—1 р. 25 к., вып. II—1 р. 25 к.

При всемъ интересѣ, обнаруженномъ у насъ въ послѣднее время къ исторіи Византіи, наша популярная историческая литература по византизму настолько бѣдна, что незнакомому съ иностранными языками человѣку почти нечего читать.

Появленіе перевода трудовъ выдающагося французскаго византиниста Шарля Диля идетъ навстрѣчу требованіямъ читателей. Авторъ „Византійскихъ портретовъ" освѣщаетъ исторію Византіи лишь съ одной стороны. Онъ рисуетъ жизнь византійскихъ императрицъ на фонѣ придворнаго быта. Съ яркостью, изяществомъ и легкостью изложенія, присущими только французскимъ ученымъ, Шарль Диль даетъ увлекательный разсказъ о томъ, какое вліяніе на императорскомъ тронѣ Византіи имѣла красота женщинъ, въ общественной жизни обычно не пользовавшихся уваженіемъ. Въ Византіи женщину „считали порожденіемъ діавола, виновницей грѣхопаденія рода человѣческаго, существомъ слабымъ и нечистымъ, предназначенной быть служанкой и рабой мужчины". Однако, эти „порожденія діавола" благодаря своей красотѣ возвышались до трона Византіи, гдѣ, одѣвая на себя порфиру и корону, были полновластными повелительницами имперіи. Диль въ своихъ увлекательныхъ очеркахъ, написанныхъ, кстати сказать, на основаніи первоисточниковъ, а потому являющихся и крупнымъ вкладомъ въ историческую науку, пытается показать, что эти женщины на тронѣ бывали сильны не только обаяніемъ своей красоты, но и своимъ умомъ, хитростью и умѣніемъ справляться со всякими сложными моментами жизни, этой, какъ выражается авторъ, „живописной и мутной эпохи".

Диль не ограничиваетъ задачу своего изложенія портретными набросками однѣхъ только вѣнценосныхъ красавицъ Византіи. Стремясь возможно ярче и правдивѣе нарисовать бытъ общества этой имперіи, онъ отъ характеристикъ Ѳеодоры, Ѳеофано, Порфирородной Зои и другихъ царственныхъ особъ переходитъ къ византійской женщинѣ и семьѣ средняго круга, описаніе которыхъ еще больше способствуютъ изученію „страстей вѣка", изученію той самой среды, въ которой мелькаютъ самыя характерныя черты византизма.

„Рѣчь".

Въ русской литературѣ, въ которой очень мало популярныхъ работъ, посвященныхъ Византіи, „Портреты" Диля заполнятъ,— и заполнятъ блистательно, — зіяющій пробѣлъ. Эта маленькая книжка можетъ сдѣлать то, чего не сдѣлаютъ ученыя сочиненія: приблизитъ Византію, ея людей, строй ея жизни, мысли, чувствованія къ пониманію такого читателя, который не любитъ ученыхъ книгъ.

А. Дживелеговъ. *„Русскія Вѣдомости"*.

Ш. Диль. По Греціи. Археологическія прогулки. Пер. М. Безобразовой. 8 таблицъ плановъ. 1 р. 25 к.

Московское книгоиздательство М. и С. Сабашниковыхъ взяло на себя выполненіе весьма симпатичной задачи — дать русской публикѣ рядъ очерковъ по гуманитарнымъ и общественнымъ наукамъ, представляющихъ собою все лучшее и свѣжее, что появляется въ нашей и иностранной литературѣ. Изящно изданныя и недорогія книжки знакомятъ читателя съ вопросами по разнымъ научнымъ дисциплинамъ, изъ которыхъ многія считаются слишкомъ сухими для широкой публики въ спеціальномъ изложеніи; благодаря же популярному и живому языку книжекъ, онѣ становятся вполнѣ доступными и для рядового читателя. Такова, напримѣръ, книжка, приведенная въ заголовкѣ. Она даетъ знакомство съ результатами чрезвычайно важныхъ для исторіи археологическихъ раскопокъ въ Греціи, произведенныхъ Шлиманомъ, Карапаносомъ и др. въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія и пролившихъ свѣтъ на искусство и бытъ различныхъ эпохъ жизни древней Эллады.

Не ограничиваясь простымъ описаніемъ добытыхъ памятниковъ, авторъ оживляетъ ихъ, возстановляя укладъ жизни, обычаи, художественныя исканія и политическій характеръ эпохи, создавшей тотъ или иной памятникъ и такимъ образомъ, дѣлаетъ близкимъ и понятнымъ для насъ тотъ далекій и блестящій періодъ, который оставилъ человѣчеству такое богатѣйшее культурное наслѣдіе.

„Правительств. Вѣстникъ".

Вернонъ Ли. Италія. Избранныя страницы. Переводъ Е. Урениусъ подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Муратова. 1 р. 25 к.

За послѣдніе годы въ русскомъ обществѣ наблюдается несомнѣнно увеличеніе интереса къ Италіи, ея великому прошлому и изумительнымъ созданіямъ ея художественнаго генія. Отвѣчая потребности, на книжномъ рынкѣ увеличился притокъ изданій, посвященныхъ Италіи, ея культурѣ и искусству.

Книга Вернонъ Ли, хорошо переведенная подъ редакціей П. Муратова, составлена изъ нѣсколькихъ главъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собой замкнутое и законченное цѣлое.

Очень интересна глава, въ которой Вернонъ Ли изображаетъ Сіену весной и даетъ удачную характеристику творчества сіенскаго художника Симоне Мартини. Въ главѣ „Озера Мантуи“ Вернонъ Ли высказываетъ нѣсколько очень тонкихъ замѣчаній о фрескахъ Монтеньи, находящихся въ одномъ изъ старыхъ мантуанскихъ дрорцовъ. Хорошо описаніе тосканскихъ церквей лѣтомъ, которыя кажутся въ своей заброшенности созданіемъ сновъ и вѣковъ. Очень красива картина итальянской осени въ главѣ „На евганейскихъ холмахъ“. Великолѣпно описаніе Рима и его окрестностей въ главѣ „Духъ Рима“. Оригинально и граціозно написана глава „Магія тосканскаго лѣта“. Глубокія и цѣнныя наблюденія о связи творчества тосканскихъ художниковъ съ ихъ страной передаетъ Вернонъ Ли въ главѣ „Искусство и страна“.

Книга заканчивается двумя трогательными новеллами, написанными въ подражаніе старымъ итальянскимъ новеллистамъ. П. Муратовъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что Вернонъ Ли обладаетъ удивительнымъ умѣніемъ видѣть формы и краски, а если къ этому прибавить, что она обладаетъ еще и способностью передавать свои впечатлѣнія выразительнымъ и изысканнымъ языкомъ, то переводъ избранныхъ страницъ изъ различныхъ ея книгъ можно только привѣтствовать, какъ радостное событіе для всѣхъ, у кого есть интересъ и любовь къ Италіи.

„Рѣчь“.

У этой книги есть безцѣнныя свойства духовнаго единенія съ читателемъ автора, который пишетъ о томъ, что онъ и чувствуетъ, и знаетъ. Можно разсказать о тосканскихъ Апеннинахъ,—разсказать подробно, обстоятельно и занятно; это—одно. Но можно какимъ-то особымъ подборомъ словъ и мыслей открыть читателю за ровными нитями строкъ живые пейзажи каштановыхъ лѣсовъ, виноградниковъ, горныхъ вершинъ, лучистыхъ далей; можно незамѣтно, не утомивъ, завести его на вершину горы и показать ему одну изъ тѣхъ картинъ, которыми расточительна только Италія: сразу, въ одномъ полѣ зрѣнія,—и голыя скалы, и кудри винограда, и море, и гнѣзда человѣческихъ жилищъ, и далекая, больше мыслимая, чѣмъ видная глазу, кампанила собора стариннаго города. Этимъ искусствомъ владѣетъ изящное перо Віолетты Паджетъ, принявшей псевдонимъ Вернонъ Ли, автора „Очерковъ Италіи XVIII вѣка“ и ряда другихъ книгъ объ Италіи.

Книга Вернонъ Ли никѣмъ не можетъ быть прочтена со скукой, но тотъ, кто уже бывалъ въ Италіи и поддавался ея странному, такъ трудно объяснимому очарованію, прочтетъ эту книгу съ особымъ ощущеніемъ.

М. Осоргинъ. *„Русскія Вѣдомости“*.